ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 49 ДЕКАБРЬ 1990

ЛИДЕР

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 49 (3307)

1 — 8 декабря

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Председатель Верховного Совета Республики Армения Левон Тер-Петросян. (См. в номере материал «Лидер, которого ждали».)

Фото Завена ХАЧИКЯНА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 12.11.90. Подписано к печати 27.11.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 3022. Цена 40 копеек.

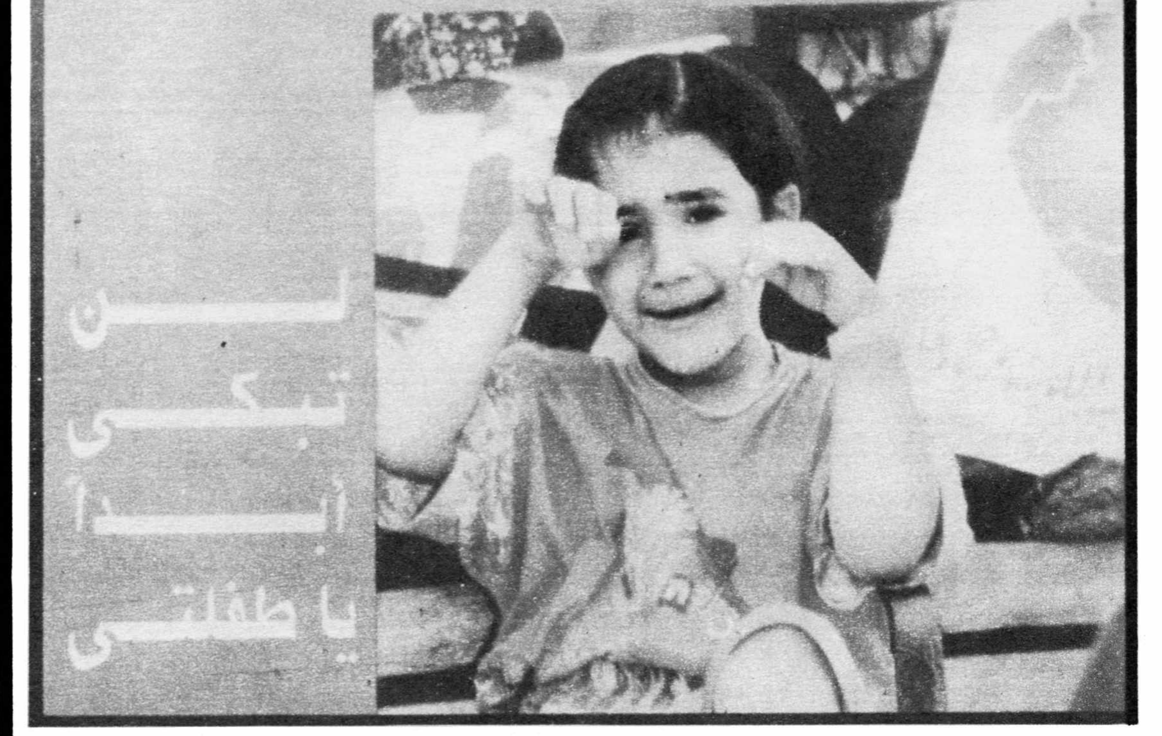
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Это письмо получено посольством Государства Кувейт из оккупированного Кувейта. Его смог вывезти оттуда египетский врач.

ПОСЛАНИЕ ДЕТЕЙ КУВЕЙТА, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД ИРАКСКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

Дети мира!

Поверите ли вы, что мы живем на нашей земле в Кувейте все время под страхом? Мы лишены права ходить в школы после того, как солдаты Саддама превратили их в казармы. Мы лишены права гулять на улицах и ходить в наши парки. Мы лишены права смотреть телевидение после того, как оно было разграблено солдатами Саддама. Они украли даже мультипликационные фильмы, которыми мы раньше наслаждались... Солдаты Саддама убили отцов у многих из нас прямо на глазах у детей только за то, что нашли у них портрет нашего Эмира — Папы Джабера! Знайте, что многие дети были убиты на глазах у отцов, чтобы заставить родителей выдать местонахождение кувейтских военных — членов Сопротивления. Начиная со 2 августа мы не покидаем наших домов, так как боимся насилия со стороны солдатни Саддама.

Дети всего мира!

Спасите нас от солдат Саддама!

Спасите нас, потому что каждый день мы умираем, подвергаемся пыткам, никто нас не слышит, потому что солдатня Саддама уничтожила всевозможные средства связи с окружающим миром.

Вы не поверите, но они разграбили красивый зоопарк, и после того, как эта солдатня съела зверей из нашего зоопарка, они его сожгли. Вы знаете, что у нас в Кувейте был самый красивый на Ближнем Востоке детский парк аттракционов, куда мы ходили отдыхать по выходным с родителями и родственниками. Мы наслаждались там красивыми и интересными играми, и все это разграблено подчистую. Они украли все игрушки, они лишили нас улыбки и радости в наших сердцах.

Нас лишили лекарств и врачей.

Умоляем вас, дети мира!

Сделайте что-нибудь для нас!

Молитесь за нас!

Сделайте хоть что-нибудь!

Мы надеемся на Аллаха и на вас!

**Ваши братья и сестры,
дети оккупированного Кувейта**

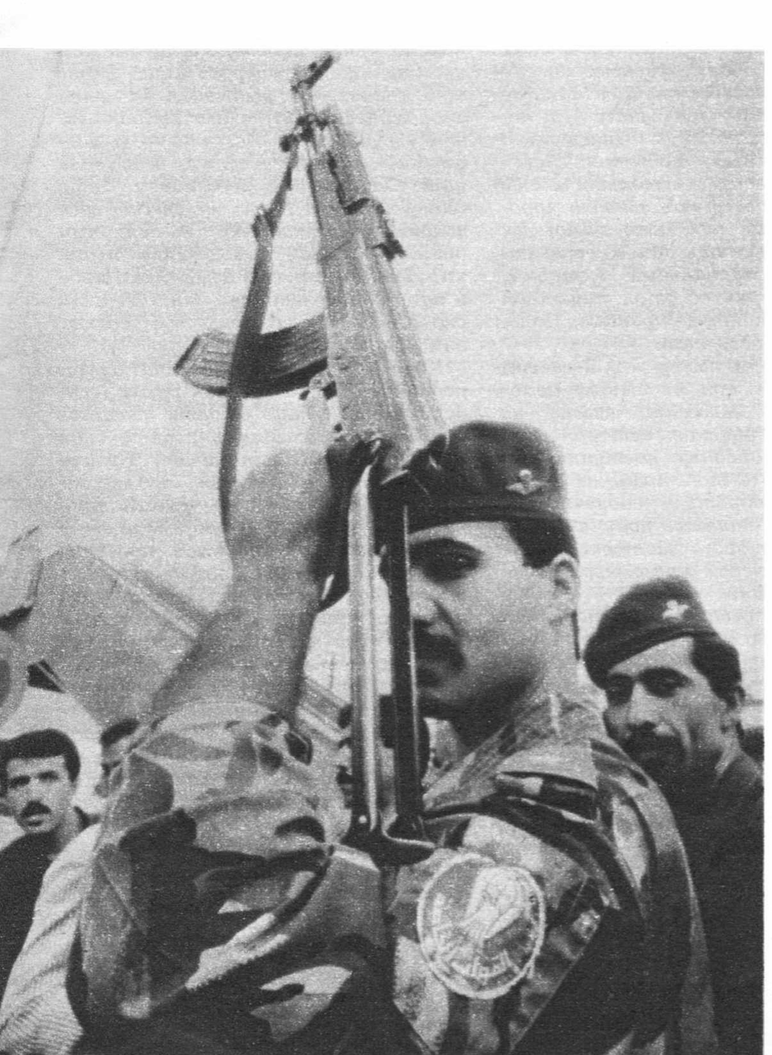
Фанатики? Жертвы тоталитаризма?

Хусейн обедает.

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Фото Владимира МАШАТИНА
и из журнала «Штерн».

Вглядитесь в фотографии из Ирака. Их сделал наш фотокорреспондент. Сделал по всем правилам репортажа.

После Обращения кувейтских детей эти фотографии являются чем-то вроде свидетельских показаний к обвинительному акту. Да, это жители страны-агрессора. Фанатики? Жертвы тоталитаризма? Вы возмущены, и я вас понимаю, потому что именно с этим же чувством я сам рассматривал фотографии в редакции, когда вдруг неожиданно поймал себя на мысли: а ведь десять лет назад они также могли появиться в «Огоньке». Только текст был бы другим: советский народ решительно поддерживает борьбу иракского народа за создание светлого будущего. Даже легко себе представил, что автором этого текста мог быть и я. Причем не особо покривил бы душой. Помню, что, работая в Гостелерадио, с чистой совестью брал интервью в поддержку нашей военной помощи народу Афганистана, свергнувшему режим Амина. Помню, как меня охватила гордость, когда мне по большому секрету рассказали о том, как быстро и слаженно наши подразделения захватили Кабул.

Это было всего десять лет назад, а мне кажется, что в прошлой жизни.

Нет. Тоталитаризм — это не строй, это образ мыслей, и не только правителей.

Вглядитесь в эти фотографии. Посмотрите на свое прошлое. Я понимаю, его хочется забыть, но, видимо, делать этого нельзя.

Д. БИРЮКОВ

Памятник жертвам ирано-иракской войны.

■

Переход к частной собственности неизбежен. Наш затянувшийся социальный эксперимент ясно показал всему миру, что как невозможен вечный двигатель, так и нельзя построить процветающее общество на государственной собственности. Принцип «священной частной собственности», над которым мы так долго издевались, оказался краеугольным камнем здорового развития человечества. Во всем мире он дает положительные результаты. Американец уверен в социальной справедливости своего общества. Он уверен, что, проявив ум и находчивость, полноценным трудом добьется всего. Примеры внезапных финансовых взлетов и падений он воспринимает как нормальное следствие здоровой конкуренции, в результате которой растет благосостояние всего общества, что он ощущает даже «нищим», получая пособие по безработице, вполне достаточное, чтобы подготовиться к новой попытке взлета. В нашем же обществе понятие частной собственности прежде всего ассоциируется с социальным неравенством и несправедливостью. Поэтому введение частной собственности надо прежде всего подготовить идеологически. И затягивать эту подготовку нельзя — у нас просто нет времени.

А между тем правительством выбор уже сделан и вовсю поговаривают о приватизации. Каким же образом государственная собственность будет передана частным лицам? Этого никто не знает. И тут у людей возникает сомнение: не окажется ли так, что под аккомпанемент парламентских дискуссий и споров основная часть государственной собственности перейдет к тем, кто ею и сейчас распоряжается как своей? И основания для таких сомнений есть, ведь до сих пор механизм приватизации четко не определен.

Поговаривают о выкупе собственности. Тут народу ясно, что купят ее те, у кого много денег (мафия!). Есть вариант продажи за символическую цену на конкурсной основе. Здесь победят самые ловкие и близкие к власти и те, у кого опять же много денег (подкупят). Население это чувствует. Более того, в обществе складывается мнение, что готовится и уже ведется захват собственности партократией. И к этому есть основания. Достаточно взглянуть на лихорадочную финансовую деятельность партийных органов, спешную реорганизацию главков министерств в концерны и ассоциации, организацию всяких совместных предприятий во главе со все теми же надоевшими обществу лицами.

Зная способности нашей партократии, не исключаю и почти уверен, что очень скоро наступит момент, когда приватизировать будет уже нечего — все в руках все тех же лиц или им подобных. Естественно, что с такой «частной» собственностью народ не смирится и неизбежен новый русский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Мне представляется, что надо идти по пути, предложенному Л. Пияшевой и Г. Поповым. Следует оценить стоимость всего приватизируемого государственного имущества (хотя бы приблизительно), разделить его на число жителей и объявить долю каждого. Она должна быть равна для всех. Даже последний пьяница должен иметь одинаковую начальную долю, ведь стал он пьяницей не без помощи своего государства. К тому же в создание национального богатства внесли свой вклад и наши предки. И вот эта доля должна стать основой для всего дальнейшего распределения собственности: заводов, институтов, земли, жилья. Всем должно быть понятно, что с годами доля будет уточняться и соответственно будет уточняться число акций у индивидуальных владельцев, количество полученных бесплатно земли и жилья.

Конечно, и этот вариант не снимает всех вопросов при распределении собственности, все равно будет борьба за лучший кусок. Но он позволит нам наиболее безболезненно запустить рыночный механизм. И быстро, что не менее важно. Ведь уже завтра любой завод можно передать его рабочим на основе того, что им лично принадлежит известная доля, а на остальную долю надо найти акционеров со стороны. Равное распределение государственной собственности между гражданами в сочетании с последующей активной политикой государства по защите неудачников и инвалидов и будет означать воплощение социалистической идеи. Многие наши трудности возникают из-за большой дистанции между тем, что мы провозгласили, и тем, где находимся. Нельзя долго переходить с левостороннего движения на правостороннее — это может привести только к неразберихе.

В. Д. ВОЛГИН,
доктор технических наук,
Москва

■

Сейчас все вместе ищут пути оздоровления нашей больной экономики. Надеюсь, что решения будут найдены общими усилиями. Но меня, как и очень многих людей, волнует конкретный вопрос повышения цен. Нет, я не стану судить о целесообразности этих мер. Более того, я не могу найти экономических контраргументов. Дело здесь в другом.

Цены обычно повышаются на определенные товары с вполне конкретного числа и месяца. Но, по-моему, было бы целесообразнее и справедливее сделать такое уточнение: повысить цены на товары, произведенные с определенного числа. Ведь на каждом товаре, продукте указана дата производства. Тогда не было бы такого неприятного для потребителей явления, как исчезновение этих самых товаров и продуктов с прилавков магазинов за несколько недель, а то и месяцев до подорожания. Ведь не секрет, что склады многих предприятий, базы и даже подсобки магазинов завалены дефицитными товарами. И никакие проверки народного контроля, ревизии БХСС здесь не помогут. Нужны четкие указания, постановление о повышении цен на товары и продукты, изготовленные после определенного числа. Тогда не будут товароведы заниматься такой трудоемкой работой, как переоценка, потому что на товарах будут уже новые ярлыки. Да и уменьшится поле деятельности для махинаций. Может, я в чем-то не разобралась, но ни разу нигде не читала материалов на эту тему. А хотелось бы.

Н. ВАСИНА,
Первомайск Николаевской обл.

■

Пятьдесят лет назад нацистская Германия вторглась в Восточную Европу и оккупировала часть СССР. Много с тех пор было написано о преступлениях нацистов, включая систематическое уничтожение евреев во время массовых расстрелов и в газовых камерах...

Но немногое известно о том, как десятки тысяч рядовых советских граждан рисковали жизнью, спасая евреев во время оккупации. Многие свидетели лишь через много лет начали говорить об этом — настолько драматичны были события. Некоторые из спасшихся только сейчас решаются навестить родные города, разыскать тех, кто помог им спастись и выжить. Множество документов, журнальных статей, устных историй об этом приходит к нам из Голландии, Франции, Польши, даже из Германии.

Это все очень важно и для советских людей — при растущем демократическом движении важно не прекращать поисков исторической правды. Благородные поступки людей, которые в то страшное время сохраняли доброту, человечность, сострадание, должны получить то внимание, которого заслуживают,— пусть даже через много лет после окончания войны.

Мы ведем кампанию по признанию и награждению тех лиц нееврейской национальности, которые тогда спасали евреев, а сейчас пребывают в нужде или болеют. Организация эта находится в Нью-Йорке и называется «Еврейский фонд для христиан-спасителей». В цели организации входит многое: официальное признание тех, кто в войну бескорыстно спасал жизни евреям, установление телефонных контактов с нуждающимися в этом, организация системы посещений, выплата ежемесячных пособий тем из этих благородных людей, кто в этом нуждается, распространение информации о них посредством печати, телевидения. Мы должны учиться сами и учить своих детей человечности на этих примерах.

Еврейский фонд для христианских спасителей оказывает финансовую помощь 600 спасителям. Если вам известны подробности таких благородных поступков, которые могут быть удостоверены, сообщите, пожалуйста, о них по адресу:

Mr. David Szonyi:, director
The Jewish Foundation
for Christian Reseners
823 United Nations Plasa
New York, N. Y. 10017

■

Речь пойдет о словах Президента, которые в совокупности обрели вид Указа об особом порядке использования валюты в 1991 году.

Я директор маленького государственного кафе. Необходимость в оборудовании заставила нас предпринять некоторые действия для частичной работы на валюту. Примерно к новому году у нас будет открыт счет во Внешэкономбанке. Смею заверить Президента, что благодаря вышеназванному Указу этот счет останется девственно чистым. Почему? На оставшуюся нам по Указу валюту мы не сможем купить нужное оборудование. Разве что свечи. Мы выбываем из этой экономической игры. Но выгодно ли это государству? Безусловно, в масштабах страны невелика беда, если наше маленькое предприятие, эта «микрокурочка Ряба», не снесет свое золотое «микрояичко». А вот если таких, как мы, «маленьких» тысячи? И это не просто домыслы. Народ у нас битый, тертый, ушлый. Если снова налог на яблоки, то в сердцах они яблоню срубят.

Конечно, цель поставлена благородная: сосредоточить в руках государства валюту, отдать внешние долги и тем самым укрепить свой международный авторитет. Будучи патриотами, а, я думаю, мы все патриоты, иначе как бы смогли протерпеть вот уже целую пятилетку перестройки без видимой надежды на улучшение, мы должны приглушить свои местнические интересы и громко крикнуть в связи с новым Указом «ура». Но не кричится. Если бы правительство в один из революционных праздников спросило меня: «Уважаешь мою внешнеэкономическую политику?» — я бы твердо ответил: не уважаю. Я бы взял глобус и показал, где бездарно сгинули наши миллиарды: Куба, Никарагуа, Афганистан, Ангола и далее везде,

«КРАСИВО ЖИТЬ»... ЗАПРЕЩЕНО ●
У МОГИЛЫ ПОЭТА — ТОРЖИЩЕ ●
БЛАГОРОДСТВО БЕЗ ГРАНИЦ ●

только крутите шарик... Я бы вспомнил миллиарды, проржавевшие в бездарно купленном оборудовании, которое не принесло пользы никому, кроме загранкомандированных, скативших за личными покупками.

Я знаю, что по основной профессии наш Президент — юрист, и поэтому вышеупомянутый Указ предложен и разработан окружающими его экономистами самого высокого ранга. Думается, что этот, обобщенно назовем «светлый академический ум», посоветовавший выпустить такой Указ, довольно скоро попадет в глупое положение. Хотя, как говорил известный ленинградский режиссер Н. П. Акимов, в глупое положение может попасть только умный человек.

Генрих РЯБКИН,
директор кафе «Тет-а-тет»,
Ленинград

■

Госкомцен, ловкий, как всегда, на утешительные обещания, и в этот раз пытается оправдать Постановление союзного правительства о переходе с 15 ноября 1990 года на формирование договорных розничных цен на так называемые им «предметы роскоши», список которых, однако, трудно запомнить,— так он велик. Но эти утешения выглядят неуклюжими, поскольку критерием истины является практика. А как убеждает наша тяжелая жизнь, все последние решения Совмина СССР ничем хорошим для людей не оборачивались, лишь нагнетают страх массовой нищеты и боязнь возникновения законных, а не «темных» миллионеров. И ныне получившее огласку новое Постановление Совета Министров СССР фактически объявляет увеличение цен в 2—3 раза на товары, якобы не оказывающие влияния на жизненный уровень населения. Возможно, я согласился бы с этим, лежи на прилавке часы в позолоченном корпусе, а рядом любые на выбор без оного, обыкновенные, копеечные. Но кто станет производить простые стаканы, если хрустальные выгоднее продать? Это опять же ухудшает положение рынка и бьет по карману честных тружеников. То же и о мебели, и о холодильниках, и о винах с табаком — как можно устанавливать цены на то, чего еще «нет в природе»? То есть мы считаем, что это очередной обман. Дефициты, перечисленные в списке правительства — каждый знает об этом,— и без законного утверждения цен на них для богачей у спекулянтов стоили до сих пор столько же, сколько и предлагается, а значит, как их не было в продаже, так и не будет. Увеличение цен на деликатесные продукты не ухудшит, а улучшит материальное положение тех, кто имел и имеет деньги. Кому тогда нужен такой «законно утвержденный ценник»? Поэтому наш совет трудового коллектива, как и ряд республиканских и Российский парламенты, негативно воспринимает новое решение Совмина СССР и выражает недоверие союзному правительству в этом вопросе. Считаем, что необходимо создать Коалиционное союзное правительство национального единства, которое сможет консолидировать народы нашей страны и обеспечить оптимальные условия перехода к рынку, в действительности, а не на словах, считаясь с интересами трудящихся.

В. М. НИКОЛАЕВ,
зам. пред. СТК
ЦНИИмашиностроения,
Калининград Московской обл.

■

Прочитал в № 41 «Огонька» статью «Глоток свободы, или Пять часов в голландской тюрьме». И вот какие мысли вызвала эта статья. У меня трудовой стаж 55 лет! Прошла жизнь в труде, в заботах, в недосыпаниях, в недоеданиях, при редком и плохом отдыхе. Вот уже сколько лет ищу путевку в санаторий — пора бы и подлечить свое здоровье. Но... простому смертному это очень непросто. Добиться путевки в санаторий практически невозможно.

Вот я и подумал: а может, обратиться к загнивающему капитализму и определиться в голландскую тюрьму?! Ведь всю жизнь трудился на благо Родины, а вот теперь Родина не балует вниманием.

Поэтому прошу дать совет: как попасть в голландскую тюрьму? Видимо, там можно спокойнее дожить свой век — не надо рыскать по магазинам в поисках носков и продуктов. Сделайте милость — ответьте, пожалуйста!

А. ШАРОНОВ,
Армавир

■

Мы, врачи и медсестры 1-й детской поликлиники гор. Усть-Каменогорска, обращаемся к вам за помощью. Спасите нас и наших детей!

Всем известно, что в нашем городе произошла «уникальная» авария на «уникальном» бериллиевом производстве. Как врачи, мы знаем, что последствия аварии ужасны. «Тихий Чернобыль» — так назван наш город в статье газеты «Казахстанская правда». Но в городе не сделано ничего, чтобы хоть как-то облегчить нашу участь, не налажено даже обследование детей. Более того, выбросы продолжаются. От газа не видно даже домов, но штаб ГО отвечает, что это плохие погодные условия. Руководство области, предприятий, постоянно выступая по телевидению, успокаивает нас, говорит, что все в городе благополучно.

Наш город объявлен зоной экологического бедствия, но никаких шагов не предпринимается, чтобы убрать вредные производства — а их у нас много — за черту города.

ЩЕРБАКОВА, АВРАЛЕВА,
ЖОЛОГОВА и др.,
Усть-Каменогорск

■

7 ноября я был на Ваганьковском кладбище. Проходил мимо могилы С. Есенина, подошел к памятнику. Рядом стояла женщина, она торговала печатной продукцией и громко ее рекламировала:

«Новые данные о гибели русского национального гения!.. Великий поэт был убит по указанию сионистской клики во главе с Троцким!.. Есенин был убит ударом тяжелого предмета по голове, после этого труп был изуродован и повешен...»

Я обратился к администратору кладбища Медведевой (так она представилась). Она сказала, что вопрос торговли на кладбище ее не интересует. После этого я трижды в течение 4 часов по телефону 256-32-63 разговаривал с дежурной по Краснопресненскому исполкому (и даже пытался с ней встретиться, но дальше гардероба не пустили). Она сразу же обещала принять меры, однако когда подошел на кладбище около 4 часов, увидел, что дама как торговала, так и торгует. За это время успел прочитать ее «боевой листок» под названием «В блокнот патриота». В нем помещены следующие материалы: статья об убийстве С. Есенина, в которой много обвинений, но мало фактов, статья о сущности сионизма с рекомендацией евреям убираться в Израиль, пока еще открыта граница, маленькая заметка о клубе «Ротари», который является масонской ложей, и, наконец, большой материал под заголовком «Это должен знать каждый» с перечислением ритуальных убийств, совершенных евреями с целью добычи крови христианских младенцев.

Не рассчитывая после трехчасового ожидания на вмешательство власти, я пытался сам выдворить «книгоношу», сказал, что кладбище — не место для торговли и громкой рекламы, на что она спокойно мне ответила, что мы пока еще на берегу Москвы-реки, а не Иордани и она лучше меня знает, как себя вести на русском кладбище.

У могилы поэта в праздничный день довольно многолюдно. Много экскурсий из других городов, в основном молодежных. Все слушают, коекто покупает, никто не возмущается.

Я удивляюсь беспомощности нашей краснопресненской Советской власти. Трудно рассчитывать на то, что национальное согласие можно обеспечить одними призывами.

Г. СЕМЕНОВ,
Москва

■

С ноября 1990 года на Украине введены купоны на приобретение продуктов и промтоваров. Ура! Наконец-то правительство республики нашло способ узаконить злоупотребления в торговле. Поясню на примере: покупатель приобрел товар на сумму 4 рубля 60 копеек. Он даст кассиру купон на 5 рублей и деньгами 5 рублей, из которых ему дают сдачу 40 копеек. А номинальные (или формальные) неоплаченные 40 копеек на купоне остались у кассира. В большом магазине через кассу за смену проходит более 100 человек. Таким образом, к концу смены у кассира «набегает» неоплаченных купонов на сумму 40—50 рублей. И тогда кассир на совершенно законных основаниях доплачивает собственные 40—50 рублей и (не используя собственные купоны) приобретает на них любой товар, даже особо дефицитный, а дальше по известной и отработанной схеме! Теперь никакая ревизия не страшна: в кассе есть купоны на сумму 500 рублей, есть наличными 500 рублей, и товара продано тоже на 500 рублей. И это самая примитивная схема. Есть и более сложные многоходовые комбинации. А в это время некоторые депутаты ВС УССР и некоторые министры во всех средствах массовой информации пытаются уверить народ, что система купонов — это надежный щит от спекуляции и очередной шаг к собственной республиканской валюте и рыночной экономике.

Да, это действительно шаг к недовольству народа и развалу экономики со щитом для спекулянтов и расхитителей.

Постановление № 330 было подписано Масолом за несколько дней до ухода в отставку. Может быть, это в отместку? Ведь даже для депутатов Верховного Совета УССР это явилось неожиданностью.

В. ФОГЕЛЬ,
Киев

ХРАНИТЕ КВИТАНЦИИ

Дорогие друзья! Мы благодарим вас за то, что среди прочих еженедельников вы отдали предпочтение нашему журналу и подписались на «Огонек» на следующий год.

Многие из вас спешат прислать квитанции в редакцию, чтобы не упустить возможности подписаться на Дюма.

Делать этого не нужно!

Как только в редакции прояснятся все обстоятельства, связанные с изданием литприложения, в журнале обязательно будет опубликован порядок подписки на книги.

Храните квитанции у себя. Они вам пригодятся.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

КОМУ ОНИ НУЖНЫ?

В городе Экибастузе Павлодарской области дислоцируются два военно-строительных отряда, которые приданы тресту «Экибастузэнергострой» Министерства энергетики и электрификации СССР.

Кажется, уже никого не удивишь тем, что 600 военных строителей используют как бросовую рабочую силу в основном на уборке мусора. Но я не могу не сказать о том, в каких условиях живут военные строители. А живут они в сборно-щитовых казармах, которые эксплуатируются третий срок против положенного. Скученность. На одного человека 2 кубометра воздуха. За 12 лет казармы ни разу капитально не ремонтировались. Не работает канализация, и фекальные воды выбрасываются в 20 метрах от зданий.

Мы, начальники, отвечающие за людей, составляем дефектные ведомости на ремонт канализации, стучимся в двери треста, но безуспешно. На это нет средств у треста, имеющего годовую программу освоения строительно-монтажных работ в 60 миллионов рублей.

В военных городках нет постоянного водоснабжения, временная схема водопровода не обеспечивает подачу воды. В этом году стала непригодна к эксплуатации отопительная система. Так как горячей воды вообще нет, то в зимнее время воду для мытья посуды берем из отопительных батарей. Еще одна маленькая деталь, «скрашивающая» наше бытие: военные городки находятся рядом с трубами ГРЭС, которые ежегодно выбрасывают в атмосферу сотни тонн золы и отравляющих веществ.

Отряды расположены в 30 километрах от города. Но автотранспортом, положенным по штату, мы обеспечены на 50 процентов. Да и эти машины стоят, так как нет запасных частей, а обеспечивать ими нас, оказывается, никто не обязан. У нас нет санитарных машин, нет специальных автомобилей для подвоза продовольствия, так что на одной и той же машине мы возим и хлеб, и мясо, и мусор, и больных.

Нам отказывают в стройматериалах, и мы, военные строители, эти материалы вынуждены красть. Вот так мы воспитываем и вполне успешно поставляем нашему обществу воров. А в это время в Экибастузе производственное объединение «Экибастузэнерго» заканчивает отстраивать огромное семиэтажное здание своей конторы, где в коридорах панели высотой в полтора метра обшиваются добротными полированными щитами.

Наши высокопоставленные военные начальники давно привыкли к такому содержанию солдат. Что ж, пусть тогда и родители, которые отправили к нам служить своих сыновей, тоже узнают, как здесь живется солдатам.

Н. Артамонов, майор, заместитель командира ВСО по тылу

В Экибастузе я встретился с людьми, хорошо знакомыми с жизнью военно-строительных отрядов, и попросил их прокомментировать ситуацию.

Алексей Дмитриевич Криворотов, управляющий трестом (вбил первый гвоздь в казарму для приема военных, прибывших на строительство топливно-энергетического комплекса в 1977 году).

— Мы, конечно, упустили вопрос о нормальном отношении к быту и нуждам военных строителей. Это полностью наша вина, я не отрицаю. Да, военные строители очень удобны для нас, руководителей, потому что это мобильная строительная сила, сосредоточенная в одном месте. В любое время суток я могу дать им команду через политотдел для выполнения государственных задач. Попробуйте найти в Экибастузе 200 женщин, которые бы за 50 километров ездили, да еще в зимнее время (3 часа на дорогу) для выполнения вспомогательных работ...

Алексей Николаевич Ржевский, главный диспетчер треста (работал бригадиром на стройке, сторонник демократических преобразований).

— От военных строителей мало пользы. Низкая квалификация. Вначале учи их, а потом они полгода к дембелю готовятся...

Виктор Петрович Калков, заместитель управляющего трестом по производству (раньше сам был военным строителем на этой же стройке — заместителем командира роты).

— Эти строительные войска я хорошо знаю, до мелочей. Именно они были основной ударной силой в 1977—1978 годах. Сейчас военные строители используются везде, где у нас нехватка людей, то есть на низкооплачиваемых работах. Гражданские за эти деньги работать не будут, это однозначно. Если военных строителей у нас не будет, придется набирать людей вахтой и прочими способами, так что разом снимать их нельзя. Тем более что у нас наметился массовый отъезд людей...

Николай Дмитриевич Артамонов, автор письма.

— Я говорю: ну что вы делаете, почему по 50 рублей солдату закрываете? Мне отвечают: а зачем солдату деньги нужны? Ну а если деньги не платят — пять прапорщиков ставь, работать не будут... Судя по тому, как к нам относятся, мы тресту не нужны, только сказать об этом боятся...

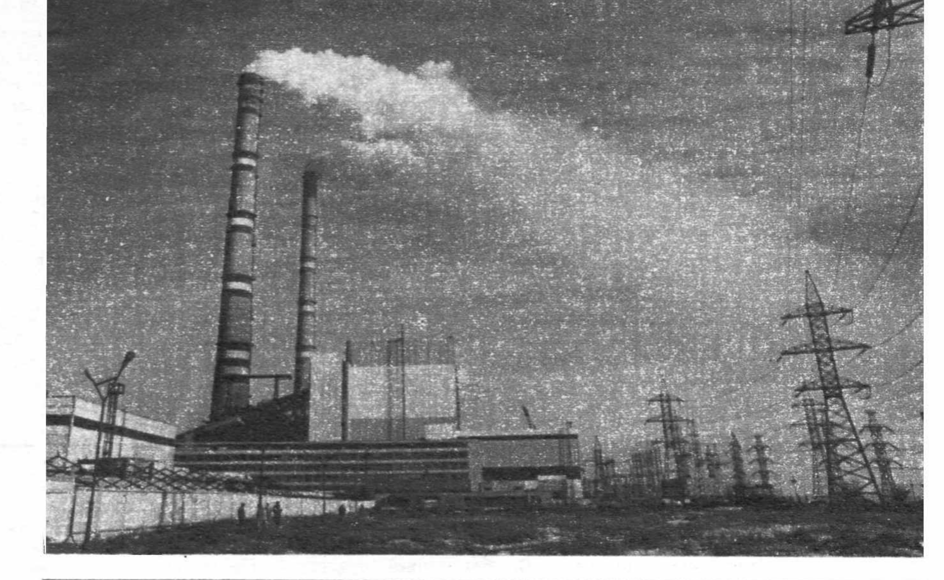
Николай Николаевич Кашталян, подполковник, начальник политотдела.

— Экономический потенциал страны — это прямая связь с обороной. Чем экономический потенциал лучше, тем успешнее можно решать задачи обороны. На данный момент, если военных строителей из народного хозяйства убрать, обстановка усугубится еще больше. Рабочим и квартира нужна, и детсадик, ну а рота компактно живет, так что использование военных строителей и выгоднее, и проще.

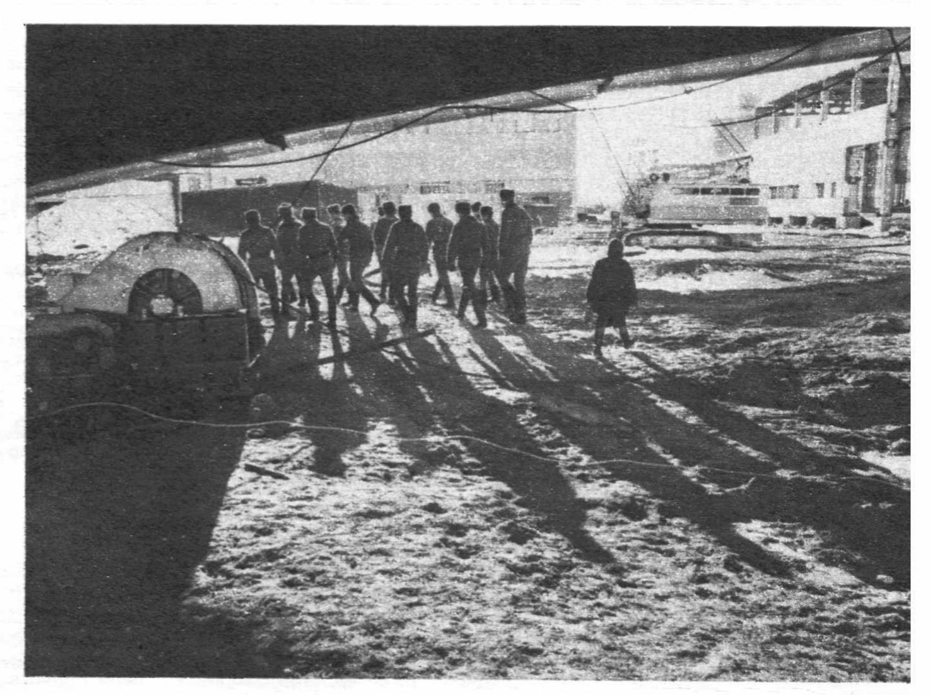
Марк ШТЕЙНБОК, фото автора

Из Указа Президента СССР «О мерах по реализации предложений Комитета солдатских матерей»:

...Расформировать в 1992 году военно-строительные отряды (части), работающие на сооружении объектов народнохозяйственного назначения в гражданских министерствах и ведомствах...

ПРОШУ СЛОВА

КОГО ПРИВЕТСТВУЮТ СЕКСУАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА?

До чего же не хочется копаться в этой грязи! Такие жгучие обсуждаются вопросы в Моссовете, столько дел и в районе, и в округе, и в Московском объединении избирателей! Но что поделаешь: приходится реагировать на провокацию. А главное — пора нам учиться жить в правовом государстве. И еще: хотя речь пойдет в основном о газете «Тема», за всей этой историей встают серьезные проблемы средств массовой информации.

Суть дела вот в чем.

В Межведомственную комиссию при Моссовете по общественным объединениям и средствам массовой информации поступило заявление о регистрации газеты «Тема». В нем указаны программные цели и задачи газеты:

«Информация о жизни и проблемах сексуальных меньшинств в России и других странах. Борьба за равные социальные права всех людей, независимо от их сексуальной ориентации. Пропаганда безопасного секса. Информационная и финансовая поддержка общественных программ «АнтиСПИД». Утверждение примата интересов личности над интересами государства как условие создания свободного общества».

Не имея юридических оснований для отказа, Комиссия 4 октября 1990 г. зарегистрировала газету (Комиссия начала работать в июле и зарегистрировала более 100 средств массовой информации и около трехсот общественных объединений). Вскоре об этом сообщили несколько газет. Прошло полтора месяца, и в газете "Каретный ряд" появилась заметка И. Бруштейна. Кое-что из ее содержания придется здесь обсудить, как ни противно. ТАСС распространил по этому поводу сообщение за подписью Л. Кислинской, по объему примерно равное самой статейке, дополнив его (я бы сказал, удобрив) рассказом «одной уборщицы Моссовета». Газеты КПСС «Правда», «Советская Россия», «Московская правда», а может, и другие перепечатали это сообщение. «Советская Россия» и «Московская правда» хоть концовку с уборщицей выбросили. Или, по некоторым данным, ТАСС сам отозвал концовку. А «Правда» то ли не успела, то ли пожалела с ней расстаться. Далее, 17 ноября «Московская правда» и «Правда», зная уже о заявлениях, сделанных на сессии Моссовета по этому поводу, не пожелали проинформировать читателей о сути этих заявлений; вместо этого «Московская правда» перепечатала почти прежнюю «информацию» — теперь уже из сообщения агентства «Постфактум», а «Правда» предоставила слово все тому же И. Бруштейну для новой лжи. И вот уже на сессии Верховного Совета СССР 17 ноября народный депутат СССР Бородин Ю. И. заявляет всенародно: «Моссовет... регистрирует общества некрофилов, педофилов...»

Не удержалась от соблазна и газета «Семья», и ее обозреватель А. Сергеев переврал И. Бруштейна.

Теперь на примере заявления о регистрации газеты "Тема" небольшой правовой ликбез для некоторых журналистов.

По Закону о печати, кроме программных целей и задач, в заявлении указываются учредитель (не ассоциация сексуальных меньшинств, о которой пишет И. Бруштейн,— организация доселе малоизвестная и к тому же, насколько нам известно, нигде не зарегистрированная; заявитель — частное лицо Р. Калинин), далее название, язык, местонахождение, предполагаемая аудитория (в заявлении — жители города Москвы), предполагаемые периодичность выпуска, максимальный объем средства массовой информации и источники финансирования. Предъявление иных требований при регистрации средств массовой информации запрещается. Отказ в регистрации средства массовой информации осуществляется только по следующим основаниям: ... не допускается... использование средств массовой информации для... распространения порнографии, в целях совершения иных уголовно наказуемых деяний. И еще два пункта, не имеющих в данном случае отношения к делу. Вот и все.

Мы знаем, что в УК РСФСР есть статья, преследующая за гомосексуализм. Но законы, направленные против преступлений, не запрещают о них писать. Так что для отказа в регистрации мы не увидели никаких оснований. Наши личные антипатии роли не играют, если мы строим правовое государство. Любой суд удовлетворил бы иск заявителя.

Вот когда после регистрации выйдет газета, тогда любой гражданин, усмотревший в ней нарушение Закона, вправе подать заявление в прокуратуру. А решение принимает суд. Нашей Комиссии Закон дает право на отмену регистрации в случае нарушений Закона.

Кстати, по Закону о печати контрольный экземпляр должен поступать в регистрирующий орган. (Пользуюсь случаем напомнить об этом всем редакциям уже зарегистрированных изданий.) Пока после регистрации мы ни одного номера «Темы» не получили; если узнаем, что газета выходит, а контрольных экземпляров не будет, обратимся в прокуратуру.

Еще о том, что в статейке Бруштейна касается Моссовета.

Начинается она с цитаты из разговора автора с секретарем нашей Комиссии депутатом Л. Ю. Абаюшкиным (кстати, даже инициалы депутата в статейке переврапы). Абаюшкин заявил на сессии, что такого разговора не было. Теперь цитирую слова, приписываемые Р. Калинину: «А в Моссовете много наших людей и с полиграфией вопросы решаются». По поводу «наших людей» мы потребуем у автора доказательства. Ибо в Законе о печати сказано (ст. 32, п. 2): «Журналист обязан... проверять достоверность сообщаемой им информации». Насчет того, как «решаются вопросы» с полиграфией для «Темы», приведу выдержку из заявления, поступившего в нашу Комиссию от сотрудников редакции газеты «Тема» 15 ноября: «Мы заявляем и готовы это подтвердить, что печатание нашего издания не производится в типографиях, принадлежащих или имеющих отношение к Моссовету и Мосгорисполкому». Так что посмотрим, что докажет И. Бруштейн.

И, наконец, я предлагаю ТАСС и «Правде» впредь не ссылаться на рассказ анонимной уборщицы об использованных презервативах в Моссовете, а самим собирать столь ценные для них вещественные доказательства, если не видят ничего более интересного.

Грязь, которую И. Бруштейн смакует в связи с сексуальными меньшинствами, далее пересказывать не буду. Во всяком случае, уверен, что большинство читателей именно от него впервые узнали, кто такие некрофилы, педофилы и зоофилы. В том же заявлении сотрудников редакции «Темы» о заметке в газете «Каретный ряд» говорится:

«Распространяемая информация из этого издания по каналам ТАСС является ложной в отношении нашего издания — газеты «Тема»... Мы заявляем, что И. Бруштейну, так же как и корреспонденту ТАСС Л. Кислинской с ее дополнениями, мы никаких интервью не давали. По словам Р. Калинина, такого интервью не давал и он. Поэтому мы считаем возможным обратиться в ближайшее время в суд с иском по ст. 130 УК РСФСР о клевете...»

Кстати, о суде. Видимо, тоже нужен ликбез. «Правда» с И. Бруштейном (17 ноября) восприняли наше заявление на сессии об обращении в суд как угрозу. Но суд — самое демократическое, нормальное средство разрешения конфликтов в правовом государстве. Ведь необязательно осудить — можно и рассудить. «Правда» и И. Бруштейн пользуются здесь подсознательным недоверием многих к суду. Что и говорить, у такого недоверия есть исторические корни. Однако если суд паче чаяния окажется несправедливым, то еще большой вопрос, на чьей стороне он будет — «Правды» или Моссовета.

Среди тех, кто пылает гневом по поводу регистрации «Темы», большинство вполне искренни. Основной аргумент у них, кроме отвращения к сексуальным меньшинствам,— это два номера «Темы», вышедшие до регистрации. Повторяю: юридически они не могут быть причиной для отказа в регистрации.

В связи с этим, может быть, следует подумать о совершенствовании Закона о печати. Мое предварительное мнение: основанием для отказа в регистрации может служить противоречащее законодательству содержание номеров газеты, предшествующих регистрации, если заявитель не отрицает преемственности. Но как быть, если заявитель не признает преемственности?.. Видимо, стоит также предоставить право регистрирующему органу или суду ограничивать распространение некоторых специфических средств массовой информации, но как очертить их круг?.. Наша Комиссия рассмотрит эти вопросы и, возможно, выступит с предложением о поправках к Закону.

Вернемся, однако, к газетной кампании. Уверен, что она поднята для того, чтобы сбить рабочий настрой Моссовета во время сессии. Может быть, ставка еще выше: разве случайно эта кампания по дискредитации демократов приходится на "бунт" в Верховном Совете СССР?

Вспомним перепечатку из газеты «Републблика». Вспомним и недавнюю кампанию по поводу пресловутой «Программы действий-90», которая на поверку и программой не была, а лишь проектом и ко всему демократическому движению отношения не имеет, а лишь к небольшим группам, но была использована для срыва коалиции «Горбачев — Ельцин» и для расширения полномочий Президента... Схема событий везде одна и та же.

Есть, видимо, и другие расчеты: расширить социальную базу среди слоев населения с низкой правовой культурой, падких на подобные сенсации. Заодно еще больше накалить общественную атмосферу.

И уж совсем не смущало этих режиссеров то, что они, по сути, создают невиданную рекламу и «Теме», и той самой ассоциации. Вот кому должны быть благодарны сексуальные меньшинства! Такая реклама в иных странах стоит, по оценкам специалистов, миллионы долларов.

В заключение я поздравляю всех телезрителей с тем, что Л. П. Кравченко, несколько лет назад «переброшенный» с руководства Гостелерадио на руководство ТАСС, теперь Указом Президента «переброшен» обратно. Не будут ли теперь телезрители получать информацию такого же качества, каким последнее время славится ТАСС — наподобие только что рассмотренной?

Много подобных вопросов вызывает очередная провокационная кампания, раздутая ТАСС и газетами КПСС.

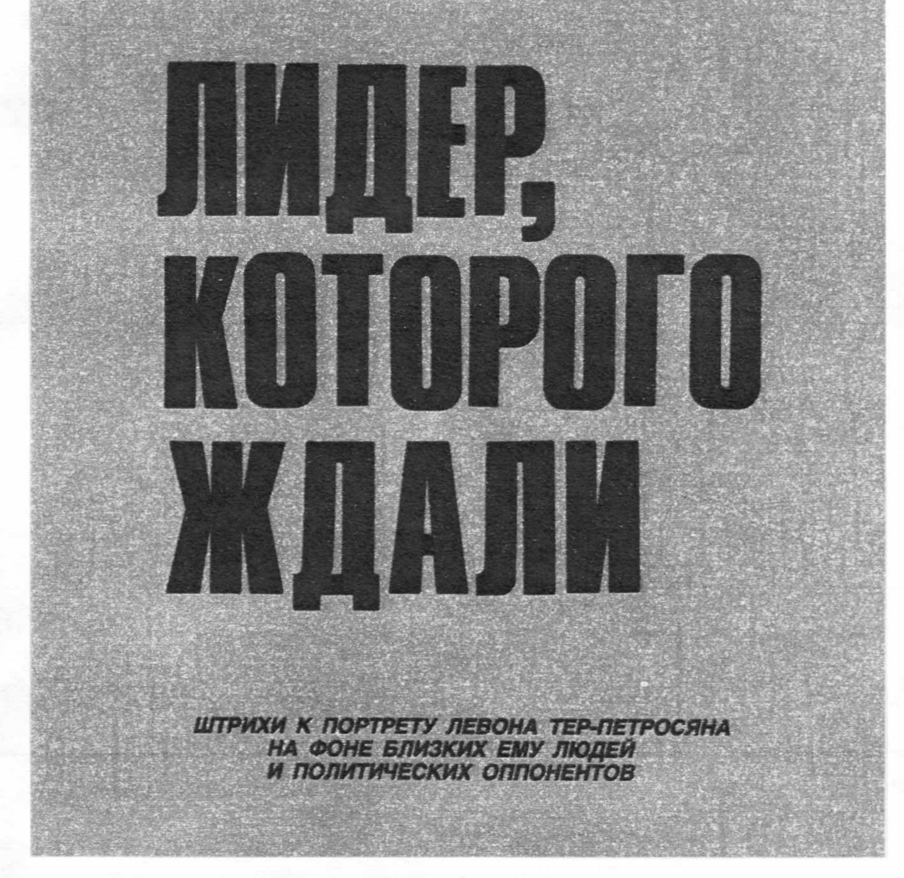
Д. КАТАЕВ,
народный депутат Моссовета,
председатель
Межведомственной комиссии при Моссовете
по общественным объединениям
и средствам массовой информации

Геворк МАРТИРОСЯН,
собственный корреспондент
«Огонька»

В Ереване приступил к работе собственный корреспондент «Огонька» по Республике Армения. Предлагаем вашему вниманию первый материал нашего собкора.

День приема по личным вопросам.

Имя Левона Тер-Петросяна сегодня в Армении у всех на устах: самый высокий политический рейтинг и самые противоречивые мнения. Одни считают его национальным героем, другие — баловнем судьбы, которого волны демократического шторма нежданно-негаданно вознесли на пик политического Олимпа.

Ему 45 лет. Худощавое лицо, испытующий взгляд и спокойная, лишенная всякой манерности речь. Тер-Петросяна трудно сбить с толку. Я знаю это по митинговым выступлениям и парламентским схваткам. Острую критику, даже откровенные выпады, он воспринимает с достоинством, старается не дать волю чувствам. Только упрямее становятся глаза и короче фразы, которые Тер-Петросян, словно гвозди, поплотницки, одним махом вгоняет в возражения оппонентов.

Он посвятил себя изучению обширной области историко-филологической науки — армяно-ассирийским культурным связям. Человек с европейским образованием, владеющий добрым десятком языков, Левон Тер-Петросян — доктор филологических наук, член Ассоциации востоковедов СССР и Французского азиатского общества, автор шести монографий и свыше семидесяти статей, изданных в стране и за рубежом. В мировой науке, занятой изучением христианского Востока, за ним прочно укрепилась репутация одаренного исследователя. И вдруг крутой поворот от пропахших пылью веков рукописей Матенадарана к беспокойному поприщу политика.

— Наука была главным делом моей жизни, удовлетворяла все мои запросы, доставляла истинное духовное наслаждение. Я не страдал комплексом неполноценности, потому что был доволен результатами своего труда, его оценкой со стороны коллег. И если что-то заставило меня изменить образ жизни, забыть на время научную работу, то лишь чувство долга перед своим народом.

Я включился в борьбу и занял свое место в окопе. Судьба распорядилась так, что сейчас я во главе этой борьбы. Но и теперь меня не покидает сознание воина. Когда я пойму, что уже не соответствую своему положению, спокойно вернусь в науку или займу более скромное место в нашем движении. Думаю, это касается не только меня, но и всех моих друзей. Между прочим, ни в комитете «Карабах», ни в правлении АОД не было людей с неудовлетворенными личными амбициями или преследующих корыстные цели. Будь так, мы давно бы потеряли авторитет у народа.

Если Тер-Петросян не изменит себе, то наука, видимо, не скоро заполучит его обратно. Впрочем, академик С. Аревшатян, директор Матенадарана, где Левон работал с 1978 года вплоть до избрания главой парламента, настроен более оптимистично. Он надеется, что его бывший старший научный сотрудник найдет время, чтобы подготовить хотя бы одного-двух аспирантов...

* * *

Многие с первых же митинговых дней обвиняли членов комитета «Карабах» в желании совершить государственный переворот, чтобы занять руководящие кресла. Передо мной большая, почти в газетную полосу статья «Час беды и час ответственности», опубликованная в декабре 1988 года в республиканских газетах. Автор, пожелавший остаться неизвестным, предлагал следующую характеристику: «На арену вышли политические авантюристы, которые ни перед чем не останавливаются в достижении своих корыстных целей. Эти цели хорошо известны: они рвутся к власти, подталкивая народ к последней черте, за которой его ждет неминуемая трагедия».

Эти строки прочитала вся республика, а наиболее хлесткие абзацы процитировала центральная пресса. Но вот активистам комитета полюбоваться своим «портретом» уже не пришлось: за два дня до этого они были арестованы военным комендантом Еревана генералом Макашовым и этапированы в Москву, в следственный изолятор Бутырской тюрьмы.

Что же предшествовало аресту?

...Февраль памятного 88-го выплеснул на улицы почти все население полуторамиллионного Еревана. Стихийно вспыхнувший митинг продолжался несколько дней. Ораторы выстраивались в очередь к микрофону. Скандировали лозунги: «Партия! Ленин! Горбачев!»

Так ответил народ Армении на решение облсовета Нагорного Карабаха выйти из состава Азербайджана и воссоединиться с Арменией. Люди наивно поверили, что с провозглашением перестройки разом падут оковы сталинской национальной политики...

Потом был Сумгаит.

— Волею судьбы Армения стала первой республикой, где перестройка, отпускаемая сверху умеренными дозами, обрела свое истинное содержание. Впервые в стране (да и во всем социалистическом лагере!) в Армении прошла волна массовых митингов, демонстраций, забастовок. И именно здесь народ впервые отказался от этой формы борьбы в пользу более эффективной — парламентской. Разумеется, и антидемократические шаги были впервые апробированы именно здесь: комендантский час, репрессии на национальной основе, попрание прав карабахского армянства на самоопределение. Система не жалела сил, чтобы остановить демократическое половодье в республике.

Бывшая правящая верхушка была не в состоянии возглавить движение. Но детонатор народного гнева, его поруганных чувств, обманутых ожиданий

уже сработал. На гребне этого движения родился комитет «Карабах», который тут же потребовал от центральных властей справедливого решения карабахской проблемы и политической оценки кровавой резни в Сумгаите.

Скоро три года, как Армения ждет ответа.

...К тюрьме Тер-Петросяну привыкать не пришлось. Вспомнился первый арест, в 66-м. Правда, тогда все было проще. Двадцатилетнего Левона за участие в студенческом выступлении наказали, так сказать, символически: десять суток ареста — за инакомыслие, за попытку взглянуть на историю родного народа, его будущее не только через призму официальной «пролетарской» трактовки. И вот спустя двадцать лет система вновь решила его «перевоспитать».

А за стенами Бутырки тем временем ширилась борьба в поддержку комитета «Карабах». Его освобождения требовали митинги в Армении и НКАО, академик Сахаров и Межрегиональная депутатская группа, влиятельная армянская диаспора, демократические силы страны и мира.

На одном из таких митингов в Ереване, на каменной эстакаде Матенадарана (Театральная площадь была оккупирована военными) выступала Галина Старовойтова, которая баллотировалась в народные депутаты СССР от Армении. Ее тогда мало кто знал в республике, и несколько газетных публикаций в местной прессе не могли служить прочной гарантией успеха. Но Старовойтова произнесла на митинге фразу, которая практически обеспечила ей депутатский мандат: «Я вместе с вами хочу, чтоб на моем месте сейчас оказались Левон Тер-Петросян или Вазген Манукян, Бабкен Араркцян или Ашот Манучарян, Амбарцум Галстян или Вано Сирадегян — любой из членов арестованного комитета. Уверена, что именно они самые достойные представители Армении в парламенте страны».

Центр не устоял: 31 мая 1989 года, после шестимесячного заключения, комитет в полном составе был выпущен на свободу.

Театральная площадь, этот Байконур демократических взлетов Армении, морем вскинутых кулаков приветствовал лидеров движения. «Борьба. Борьба до конца!» — летел над площадью голос Левона Тер-Петросяна. «Борьба до конца!» — вторила площадь.

Вскоре «Карабах» расширил свои рамки и преобразовался в АОД — массовую общественную организацию, которая с удвоенной силой продолжила борьбу за признание прав армянского населения НКАО на самоопределение и стала серьезной оппозицией правящей партии.

Правление АОД возглавил Левон Тер-Петросян.

* * *

Ни одной правящей партии не нравится, когда критикуют ее идеологию и руководящую верхушку. Она сопротивляется и, в свою очередь, стремится нанести контрудар. По этому на первый взгляд незамысловатому сценарию строились взаимоотношения компартии и АОД. Драматургия противостояния напоминала игру в шахматы по переписке. Левон Тер-Петросян и его единомышленники использовали для разговора с народом митинговые трибуны. Оппоненты же предпочитали «работу в первичках».

Заочные дискуссии еще больше распаляли оппозицию, она с каждым днем расширяла спектр своей критики: уже не только многострадальный Карабах и проблема беженцев, но и кадровая политика компартии республики, антиармянский настрой Центра...

В те дни гостей Еревана возили прежде всего не в Эчмиадзин и не на Севан, как диктовала давняя традиция, а на Театральную площадь. Народ переименовал ее в площадь Свободы, и она представляла собой пеструю палитру средств и методов политической борьбы: группы голодающих под различными лозунгами; тысячи листовок, сатирических плакатов, расклеенных на стенах оперы, самодельных щитах, даже на деревьях; палатки студентов, бойкотирующих занятия, а рядом под целлофановым укрытием — группа женщин, объявивших сидячую забастовку... Один строитель выставил в центре площади стул, на котором аккуратно повесил пиджак со своей Звездой Героя Социалистического Труда. А сам устроился рядом, на асфальте. Голодать.

Порой казалось, что Тер-Петросяну и другим лидерам АОД ничего не стоит одной лишь фразой бросить людские толпы на демонстрации, пикетирование правительственных зданий или, скажем, на предупредительную забастовку... И к таким крайним мерам прибегала оппозиция, вызывая озлобление Центра и далеко не лестную интерпретацию союзной прессы.

Но возросшая активность народа приносила свои плоды. Верховный Совет республики старого созыва признал 28 мая 1918 года Днем восстановления армянской государственности, принял постановление о воссоединении Арцаха (историческое название Карабаха) и Армении, закрыл Армянскую атомную электростанцию, экологически опасное НПО «Наирит», временно прекратил призыв юношей на военную службу...

Сегодня компартия пытается разобраться в причинах падения своего авторитета, хочет понять, что же привело ее к поражению на выборах. Но и тогда, в дни митинговой стихии, даже невооруженным глазом было видно, что партаппарат буксует, без борьбы отдает инициативу соперникам, проигрывая даже там, где, казалось, обязан выиграть. То ли коммунисты бороться за власть отвыкли, то ли уверовали в непоколебимость своей власти...

В декабре прошлого года Левон Тер-Петросян выступил на сессии ВС республики со своим проектом декларации о коренных демократических изменениях в Армении: ликвидация 6-й статьи Конституции, переход к подлинному народовластию, новое название респуб-

Народ сделал свой выбор. Фото Завена ХАЧИКЯНА

лики — без слов «советская социалистическая» и т. д. Однако Верховный Совет воздержался от принятия этой декларации.

— Отказ от этого документа я считаю ошибкой наших оппонентов и политической победой АОД. Мы доказали народу, что компартия уже не в состоянии откликаться на его национальные и демократические требования. Что она не может за столь короткое время изменить мышление, воспитанное десятилетиями. Мы не имели тоталитарных комплексов. Нам было гораздо легче освоить современное мышление. Так выявились новые люди — целое поколение, свободное от догм прежнего режима.

И все же основная масса жителей Армении — это демократическое большинство умеренного толка, желающее перемен, но весьма щепетильное в выборе средств. Конечно же, люди остро реагировали на те или иные промахи оппозиции: излишнюю резкость высказываний, безапелляционность в оценке деятельности партии, призывы к забастовкам...

— Наша борьба внешне казалась экстремистской, наши лозунги и призывы носили форму острой конфронтации, практические действия квалифицировались властями как противоправные, но за всем этим скрывалась цензура народа. Мы всегда чувствовали реакцию на наши слова, дела и старались не допускать перегибов. Острая конфронтация с системой была необходимым средством политической борьбы. Если бы мы столь резко не отмежевались от тоталитарного режима, если бы не доказали его немощность, то не только бы не одержали победу, но и, возможно, стояли бы сегодня перед трагедией.

В то же время революционные перемены в Прибалтике, России, на Украине, в странах Восточной Европы внушали надежду, что и в Армении может произойти бескровная смена власти. Основой нашего политического оптимизма было убеждение, что армянский народ начисто не приемлет авантюризма, политического экстремизма в любом его проявлении.

Тер-Петросян любит ссылаться на опыт Восточной Европы, и я поэтому решил воспользоваться термином из политического лексикона этого региона — «бархатная революция». Что как нельзя лучше характеризует процесс политических перемен в Армении. АОД пришел к власти не насильственным, а обычным парламентским путем, и его победу следует расценивать скорее как закономерность, чем случайность.

4 августа 1990 года Тер-Петросян был избран Председателем Верховного Совета Армении. Спустя несколько дней другой лидер комитета «Карабах», Вазген Манукян, стал премьер-министром республики.

* * *

За Левоном закрепилась репутация бунтаря и противника режима. Именно на это ссылаются его оппоненты, доказывая, что «антикоммунисту» Тер-Петросяну не удастся навести порядок в республике, совершить ощутимый политический, социальный и экономический рывок. Цитируют следующие его слова, произнесенные в парламенте Армении: «...Возможно ли и впредь доверить судьбу армянского народа партии, семидесятилетняя преступная деятельность которой привела нашу республику к краю гибели? Эта партия, созданная по инициативе чужих и служащая чужим целям, в действительности не имеет никакой связи с нашими национальными устремлениями и целями».

Когда я спросил Акопа Тер-Петросяна о причинах антикоммунизма его сына, он искренне удивился:

— Это Левон — антикоммунист? Левон беспартийный — это верно, но коммунист — лучше нас с тобой, лучше многих, кто носит в кармане партбилет. Он понимает коммунизм как справедливость, свободу, а не диктат партаппарата.

82-летнего Тер-Петросяна стариком никак не назовешь. Он сохранил удивительную молодость души, реалистический взгляд на жизнь. А она у него богата событиями. Акоп Тер-Петросян был одним из основателей, членом Политбюро Компартии Сирии и Ливана, а в годы второй мировой войны возглавлял подпольную партийную организацию сирийского города Алеппо.

— Случись в доме пожар, я первым делом вынесу свой партбилет,— сказал он, а затем, подумав, добавил: — Бросить сегодня партбилет — такая же низость и предательство, как в свое время было вступать в партию нечестным путем.

Сидящие рядом сыновья, Тельман и Петрос, отцу возражать не стали. По их лицам я понял, что подобные разговоры в этом доме не редкость, особенно в присутствии третьего брата — Левона.

Тельман и Петрос — коммунисты со стажем, опытные руководители крупных предприятий. Тельман — генеральный директор ПО «Разданмаш», к тому же член ЦК КП Армении, делегат проходящего съезда коммунистов республики. Неуставная партячейка семьи Тер-Петросянов, как это нередко делается сегодня, свое членство в КПСС не приостановила. А при взглядах главы семьи, Акопа Тер-Петросяна, вряд ли вообще это сделает. Удивительно добрая семья, где почитается слово старшего и прислушиваются к мнению младшего.

Армения — это собирательный образ каждой армянской семьи. Я лично не против, если она будет похожа на семью Тер-Петросянов: мне понравились согласие и мир в этом доме, где уживаются различные политические взгляды, где бытует диктат совести над любой партийной униформой.

* * *

Левон Тер-Петросян предложил парламенту кандидатов на посты своих заместителей — Бабкена Араркцяна, члена комитета «Карабах», одного из лидеров АОД, и Гагика Арутюняна, заведующего отделом ЦК КП Армении. Парламент его выбор одобрил. И хотя Председатель отверг мое предположение, что это был рассчитанный политический ход, тем не менее этот шаг был всеми понят как отказ от политики конфронтации с коммунистами. Единственно верный путь, способный не на словах, а на деле консолидировать Армению, вывести ее из кризиса.

— В своей политике в интересах развития нации мы будем руковод-

ствоваться стремлением использовать возможности всех слоев общества, всех политических партий. И ни в коем случае, будьте уверены, мы не отдадим предпочтения представителю АОД, если есть более достойный по своим человеческим и профессиональным качествам человек, независимо от его партийной принадлежности.

Левон Тер-Петросян, по его же выражению, приверженец политики реализма. На ее знамени как бы начертано: «Умеренность, терпимость и расчет». Накалу митинговых страстей и крайне радикальным лозунгам пришла на смену позитивная политика национальной консолидации. В новом кабинете формирующегося Совета Министров, в постоянных комиссиях ВС уже есть немало коммунистов, в том числе представителей партаппарата.

Видимо, Левону, отведавшему нелегкий хлеб оппозиции, лучше других известно, как важно иметь крепких политических спарринг-партнеров. Мне даже почудилась в его словах нотка ностальгии по крепкому оппозиционному корпусу. Компартия еще не собралась после поражения на выборах. Другие партии и движения пока не представляют серьезной политической силы; ведь быть в оппозиции — искусство, которому экстерном не обучишься. А вот АОД, пожалуй, может стать противостоящей парламенту силой. Л. Тер-Петросян, В. Манукян, Б. Араркцян сразу же после избрания на новые посты вышли из правления АОД, видимо, чтоб не оказаться в плену узкопартийных интересов. А вот новое руководство АОД, возможно, не одобрит несколько сдержанную политику Председателя, его заметный уже отход от митинговых лозунгов.

—Определенная доля истины здесь есть. Но все же я не думаю, что у нас будет деструктивная оппозиция. Скорее наоборот. Если не будет острого глаза единомышленников, строгого контроля с их стороны, то это может привести нас к застою.

* * *

Тер-Петросяну удалось убедить Горбачева продлить на два месяца срок выполнения Указа «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения». Видимо, не последним аргументом, склонившим Президента к этому решению, было заверение Тер-Петросяна в том, что власти Армении в состоянии собственными силами, без вмешательства извне навести порядок дома. Этот шаг не только поднял рейтинг Тер-Петросяна в республике и стране, но и прибавил ему оппонентов даже в лагере сторонников. Ведь обещание на первый взгляд выглядело почти невыполнимым.

...Недавнее лето в Армении выдалось жарким. Вооруженные столкновения на армяно-азербайджанской границе втянули в необъявленную войну войска МВД и Вооруженных Сил. С обеих сторон были раненые и убитые. Центральные средства массовой информации не упускали случая, чтоб не рассказать об «армянских террористах», сеющих ужас и смерть, об их гранатах, минометах, ракетах типа «земля — земля»... Первопричина конфликтов, конечно же, была уже забыта, да и текущая информация не отличалась особой тщательностью. Армянские деревни путались с азербайджанскими, произвольно называлось число жертв с той и другой стороны, перевирались факты... Пойди убеди сейчас армян, что это журналистская небрежность: здесь даже дети уверены, что информационная свистопляска — звено единой цепи «антиармянской политики Москвы».

Ереван еще недавно напоминал прифронтовой город. По улицам открыто расхаживали вооруженные люди, с бешеной скоростью мчались машины без номерных знаков, «временно» экспроприированные у государства и частных лиц. По ночам раздавались автоматные очереди... Почувствовав бездеятельность правоохранительных органов, заметно оживились уголовники. Под видом фидаинов заходили они в дома и, спекулируя на национальных чувствах, обирали людей, а в случае отказа помочь «защитникам родины» нередко применяли оружие. Народ устал. От безвластия. От страха и насилия.

С подачи опять-таки центральной нашей прессы пошло-поехало гулять по свету сообщение, будто действующая на территории республики Армянская национальная армия (АНА) насчитывает в своих рядах... 150 тысяч боевиков. Тер-Петросян потом уже скажет, что АНА была мифом, который раздували ее руководители и особенно те политические силы, которым была на руку подобная легенда. Потребовалось еще раз предъявить всему миру «воинственность» армян, их нежелание политическим путем решить спор с Азербайджаном. «Полуторастотысячная армия» на самом деле насчитывала несколько тысяч человек. Причем под ружьем была лишь малая часть.

28 августа 1990 года у штаба АНА были убиты депутат ВС республики Витя Айвазян и командир отряда ополчения Геразник Микаелян. Они были посланы правлением АОД для выяснения обстоятельств ночного инцидента у одной из ереванских бензоколонок, где боевиками АНА были ранены люди. К свежим могилам фидаинов, сложивших головы в приграничных конфликтах, прибавились еще две...

29 августа Левон Тер-Петросян предложил парламенту ввести в Армении чрезвычайное положение. Нелегко было ему решиться на этот шаг: еще недавно он сам критиковал власти за введение комендантского часа в Ереване, называя это решение антидемократическим и антинародным. Но другого выхода не было. До прямого столкновения вооруженных формирований, присягнувших парламенту, и АНА не оставалось уже и шага.

170 голосами «за» против двух воздержавшихся парламент принял предложение Председателя. АНА был предъявлен ультиматум: к 22 часам 29 августа сдать оружие и похищенные автомобили. В противном случае будет применена сила. Республика замерла в тревоге...

К счастью, обошлось без кровопролития. Командующий АНА Р. Василян сложил оружие и обратился по телевидению к верным ему подразделениям. Двести боевиков, удерживающих штаб АНА, сдались. Угроза братоубийственной войны миновала.

Это была победа здравого смысла, подтверждение дееспособности новой власти, решительности и выдержки главы парламента.

— Мы фактически предотвратили гражданскую войну. Прежние власти — и с психологической точки зрения, и из-за паралича государственных структур — этого сделать не могли. Мы предотвратили также вмешательство армии в наши внутренние дела. Ведь начнись в Армении столкновение, это незамедлительно повлекло бы вмешательство военной силы извне. Пролилась бы кровь армянского народа, русских солдат. Сегодня это самое большое дело, которое совершило движение. Отголоски гражданской войны дают о себе знать и через сотни лет, пагубно сказываются на будущем народа. Такова судьба и французской революции, и Октябрьской... Если сегодня АОД уйдет с политической арены, думаю, оно сделает это со спокойным сердцем, ибо вольно или невольно нам удалось выполнить свою миссию.

Нашу политику механически связывают с выполнением президентского указа. Это неверно. Независимо от того, издал бы Горбачев этот указ или нет, мы должны были сделать то, что сделали. Это была наша внутренняя потребность, потому что вооруженные формирования дестабилизировали ситуацию в республике, мешали реализации политических и экономических программ. А теперь говорят о медленной сдаче оружия, хотя сдано уже более трехсот стволов. Забывают, что на протяжении предыдущих восьми месяцев не было возвращено ни одной единицы оружия. К тому же в указе обозначены две задачи. Первая — расформирование вооруженных групп, вторая — возврат оружия, находящегося у различных лиц. Самую трудную задачу, первую, мы уже выполнили. Что же касается второй, то и здесь, надеюсь, будет наведен порядок. Но в конце концов надо быть реалистами, при всем старании в масштабах Союза все оружие собрать не удастся. Главное, чтобы мы ограничили возможности его использования.

Жизнь в Армении возвращается в нормальное русло. Исчезает страх, уступая место уверенности и оптимизму. Воспрянувшая духом милиция при поддержке специальных подразделений по обороне республики и охране общественного порядка из числа добровольцев активно борется за наведение правопорядка. Расформировано свыше 20 незаконных вооруженных групп, владельцам возвращено 500 экспроприированных автомашин. Но о полной стабилизации говорить еще рано.

* * *

23 августа парламент принял Декларацию о независимости Армении. Она предусматривает установление республиканского гражданства, создание собственных вооруженных сил, прямое участие республики в деятельности международных организаций. В документе не уточнено, остается ли Армения в составе СССР или выходит из него, просто указывается на начало процесса становления государственной независимости. Тер-Петросян считает, что независимость — это не единовременный акт, а цель, к которой надо идти. На этом пути возможно вхождение республики в какие-либо союзы. Идеалом ему представляется европейское сообщество. Что же касается Союзного договора, то Тер-Петросян настроен здесь скептически.

— Мы рассматриваем этот договор как сотрудничество народов. Значит, во-первых, из него должны быть исключены общая союзная Конституция, существование общих законов. Во-вторых, мы исключаем существование общего союзного правительства. Это лишний орган. И, наконец, в-третьих, должны быть ликвидированы вертикальные экономические связи, то есть те связи, которые пирамидально исходят от центра к республикам. Эти связи должны превратиться в отношения по горизонтали — на основе двусторонних договоров, заключаемых между республиками. При таких условиях мы, возможно, подпишем договор.

Вскоре после своего избрания Тер-Петросян встретился с Б. Ельциным. Основа для диалога была хорошая: российские строители, ведущие восстановительные работы в зоне землетрясения, обратились к Председателю Совета Министров РСФСР И. Силаеву с телеграммой: «В результате чрезвычайных мер, принятых новым правительством Армении, обстановка в республике улучшилась и находится под контролем. Просим вас подтвердить наше твердое намерение остаться и работать в Армении. Мы убеждены, что строители России должны выполнить свой интернациональный долг — дать кров обездоленным стихией людям».

Сошлись оба Председателя и в вопросе о необходимости прямых связей между республиками. Судя по последовавшей затем переписке, в ближайшее время Россия и Армения подпишут долгосрочный политический договор. Для большинства армян это стало хорошей новостью.

Уже в ближайшее время Армения заключит договоры с Грузией, Украиной, прибалтийскими и среднеазиатскими республиками. А с Азербайджаном? Наступит ли конец межнациональной вражде? Придет ли долгожданный мир в дома карабахцев?

— Нужны переговоры,— считает Председатель,— конфронтация себя исчерпала. Основание для компромисса — немедленное восстановление всех местных органов власти Арцаха.

Азербайджан же считает, что на переговорах вопрос НКАО вообще стоять не должен. И все же стороны приходят к выводу, что конфликтная ситуация должна быть урегулирована мирным путем.

«Инициатор и стратег карабахской драмы», как назвал Тер-Петросяна руководитель Азербайджана Аяз Муталибов, решительно отвергает мнение своих оппонентов, утверждающих, будто лидеры АОД использовали «карабахскую карту» в своих предвыборных целях, а ныне, придя к власти, отбросили эту политику на второй план.

— Главное — поставить гражданские права арцахских армян под надежную защиту действующих законов. Это задача номер один. Но политическое решение проблемы — в праве на национальное самоопределение. Остается надеяться, что расширение прав автономных образований позволит наконец и Нагорному Карабаху конституционным путем осуществить свой политический выбор.

* * *

Никогда еще Армения не привлекала такой интерес мирового сообщества, как в последние три года. Мощный взрыв карабахского движения, опустошительное землетрясение, которое снесло с лица земли целые города и села, унесло жизни десятков тысяч людей, потоки беженцев, чья единственная вина заключалась в том, что они армяне, борьба за демократические преобразования... Три выстраданных года, вобравших в себя столько горя и надежд, лишений и радостей.

Люди, стоящие у штурвала Армении, обременены колоссальной ответственностью. Председатель понимает, что теперь подлинно народный армянский парламент должен ежедневно наращивать обороты, открыться миру добром, согласием и готовностью к сотрудничеству.

...Более двух месяцев продолжалась блокада газопровода. Республика жила в суровом режиме экономии.

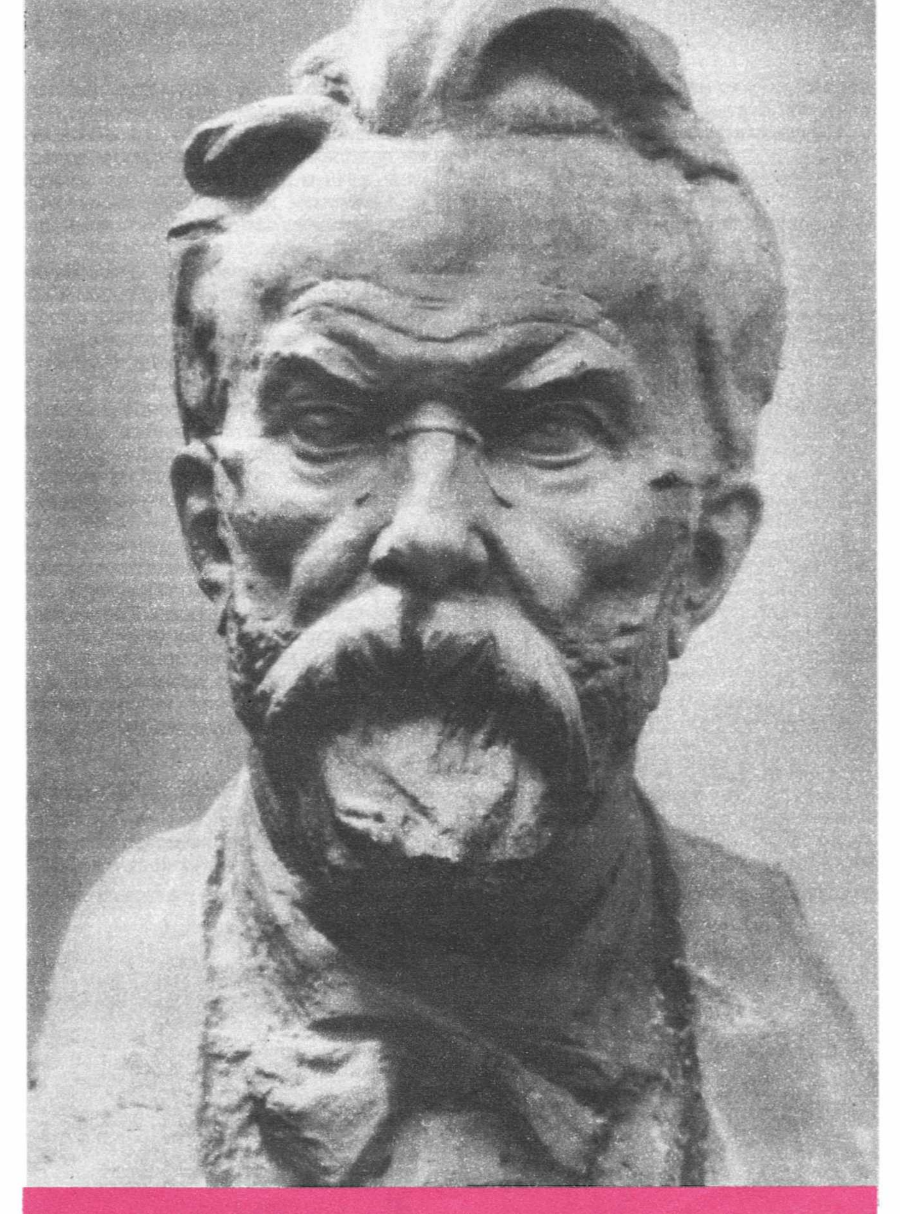
...Около миллиона людей, пострадавших от землетрясения, депортированных, третью зиму подряд вынуждены будут провести без крыши над головой.

...Правительственная комиссия, созданная Советом Министров Армении, рассматривает возможность возобновления некоторых производств НПО «Наирит», кроме каучукового и латексного. Это вынужденная мера, продиктованная крайне тяжелым экономическим положением.

Но люди не отчаиваются, они верят, что трудности будут преодолены. Уверен в этом и Левон Тер-Петросян.

Лишь бы Господь не отвернулся от Армении!

Ереван.

Если то, что делают большевики с Россией, есть эксперимент, то для такого эксперимента я пожалел бы дать даже лягушку.

И. П. ПАВЛОВ (1918 г.)

Мы затормозили ход нашей революции тем, что не признали сразу, что в основу ее должна быть положена человечность... Мы впали из одного насилия в другое. Наступают трудные дни. Россия погибает... Если возможен еще выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. Надо изменить систему. Иначе ничего не выйдет.

В. Г. КОРОЛЕНКО (1921 г.)

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

«ПРИДЕТСЯ ПЕРЕЙТИ ЧЕРЕЗ КРИЗИС»

28 февраля 1917 года, на следующий день после окончательно определившейся победы народного восстания в Петрограде, академику Владимиру Ивановичу Вернадскому исполнилось 54 года. К этому времени он уже всемирно известный ученый. Широко известен Вернадский и в кругах демократической интеллигенции, традиционно бывшей в оппозиции царскому режиму. В свержении этого режима есть и доля его участия.

О деятельности В. И. Вернадского в Конституционно-демократической партии, как и о ней самой (ныне, как известно, в нашей стране воссоздающейся), говорилось и писалось очень мало.

Свое начало партия кадетов берет с лета 1903 года, когда В. И. Вернадский и его единомышленники приняли участие в проходившем в Швейцарии собрании российских либералов, основавших нелегальный Союз освобождения. В октябре 1905 года Вернадский — участник учредительного съезда партии. На нем он избирается членом ее Центрального комитета и в дальнейшем работает в различных комиссиях — аграрной, редакционной и других.

Конституционно - демократическая партия ориентировалась прежде всего на общечеловеческие ценности. В лице своих лучших и наиболее дальновидных представителей она сумела уловить (значительно опередив в этом другие российские партии и их идеологов) фундаментальную смену парадигмы развития человеческой цивилизации. Понять, что человечество вступило в стадию становления принципиально новой социально-природной целостности, в которой именно общечеловеческие ориентиры и проблемы становятся доминирующими. Стадией ноосферы (сферы разума) назовет ее впоследствии В. И. Вернадский.

В этой ориентации на общечеловеческие ценности заключалась бесспорная сила партии кадетов и примыкавших к ней идейно кругов российской интеллигенции. Неудивительно, что прежде всего именно в этой среде и стали создаваться реальные предпосылки для возникновения того феномена, который впоследствии получит название нового мышления.

К 1917 году эти предпосылки приняли уже вполне отчетливый характер. Они ощутимы не только в публицистике В. И. Вернадского, но и в серии блестящих социально-философских статей и очерков Н. А. Бердяева. Российские интеллектуалы, как нередко случалось и ранее, значительно обогнали свое — «отечественное» — время, и сила их оказалась, увы, обращенной не столько к настоящему страны, сколько к ее будущему. В условиях социально отсталой России, в которой к тому же в связи с мировой войной и вызванной ею разрухой на поверхность истории массами выталкивались люмпенские, деклассированные элементы, сила эта должна была обернуться — и обернулась — слабостью.

Испытания 17-м годом партия кадетов в общем и целом не выдержала (как, впрочем, по-своему не выдержала этого испытания ни одна российская партия, включая и партию большевиков). Боязнь анархии, опасение развала государства, кровавой междоусобицы, упадка культуры порождали расслоение внутри партии кадетов, усиливали в ней консервативные, правые тенденции. Партия, представители которой попеременно входили в калейдоскопически менявшее свой состав Временное правительство, допускала политические просчеты, шла на неоправданные компромиссы либо занимала не диктовавшуюся обстоятельствами жесткую позицию. И чем далее развивались события от Февраля к Октябрю этого судьбоносного для нас года, тем фатальнее, безысходнее и трагичнее становилось положение кадетской партии.

Однако трагедия Конституционно-демократической партии — только часть более общей и глубинной трагедии всего охватывающего 17-й год революционного процесса. Трагедии, которая наложила свой отпечаток на всю последующую историю нашей страны и в ней продолжилась вплоть до сегодняшнего дня. Истоки этой трагедии — в глубинной противоречивости революционного процесса 17-го года, его саморазорванности, в отсутствии единства между Разумом и Волей, в так и не найденной гармонии между Мыслью и Действием, которые не только не смогли обрести общего поля сотрудничества и согласия, но, как правило (исключения из которого были очень редки), оказывались распределенными по разным, противоположным друг другу полюсам, оказывались по разные стороны баррикад.

В. И. Вернадский — талантливейший и проницательнейший представитель интеллектуального начала российской революции — остро переживал ее трагедию. Это естественно и объяснимо. Ему, как и многочисленным его друзьям и коллегам из мира интеллигенции, была органично близка и понятна огромная конструктивная сила Разума в революции, но наряду с этим он видел, сколь неуклонно по мере развития революционных событий эта сила все более оттесняется стихией снизу на задний план, обесценивается, остается невостребованной и даже начинает подавляться. Осознание все более нарастающего с течением времени бессилия Разума в революции овладевает им, достигая кульминации в октябре — ноябре 1917 года, что и находит отражение в его дневниковых записях этого периода.

...Поначалу же ситуация складывалась как будто вполне благополучная. Временное правительство не только не разрушило ранее сложившиеся государственные, частные и общественные организации научных и культурных сил России, но встало на путь поощрения образования новых. Более того — оно стало создавать внушительный интеллектуальный потенциал. Такого мощного сосредоточения в высших эшелонах власти первоклассных ученых — естественников и гуманитариев, инженеров и техников, агрономов и врачей, деятелей просвещения...— наша отечественная история дотоле еще не знала (не знает и до сих пор).

В начале марта 1917 года во главе Министерства народного просвещения встал давний коллега и товарищ В. И. Вернадского профессор А. А. Мануйлов, которого затем сменил академик С. Ф. Ольденбург. Вскоре Вернадский назначается председателем образованной при этом Министерстве комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям, входит в состав комиссии по реформе высших учебных заведений. В академическом архиве Вернадского хранятся многочисленные документы, свидетельствующие об активной работе его и его коллег в обеих комиссиях весной и летом 1917 года.

В конце июля 1917 года В. И. Вернадский получил предложение занять пост товарища (заместителя) министра. Он ответил согласием, сохранив за собой руководство обеими комиссиями и возглавив в министерстве отдел высшей школы и государственной организации научных исследований. В этой должности Вернадский был утвержден указом правительства 11 августа и продолжал оставаться товарищем министра вплоть до самороспуска Временного правительства 17 ноября 1917 года.

Вопреки установившейся в нашей официальной историографии многолетней традиции, зачастую стремившейся всячески очернить и принизить (если не унизить) Временное правительство, оценивая результаты его деятельности как нулевые или почти нулевые и еще чаще — со знаком минус, факты говорят об обратном. В частности, в архиве В. И. Вернадского сохранились ценнейшие документы, свидетельствующие о напряженной работе, которая велась в 17-м году в министерствах народного просвещения и земледелия.

Именно в этот период в Вернадском не только происходит существенный перелом в формировании концепции ноосферы — сферы царства планетарного разума,— но и отчетливо обрисовывается понимание исключительной роли России в становлении ноосферной цивилизации, что нашло отражение в пророческой статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России».

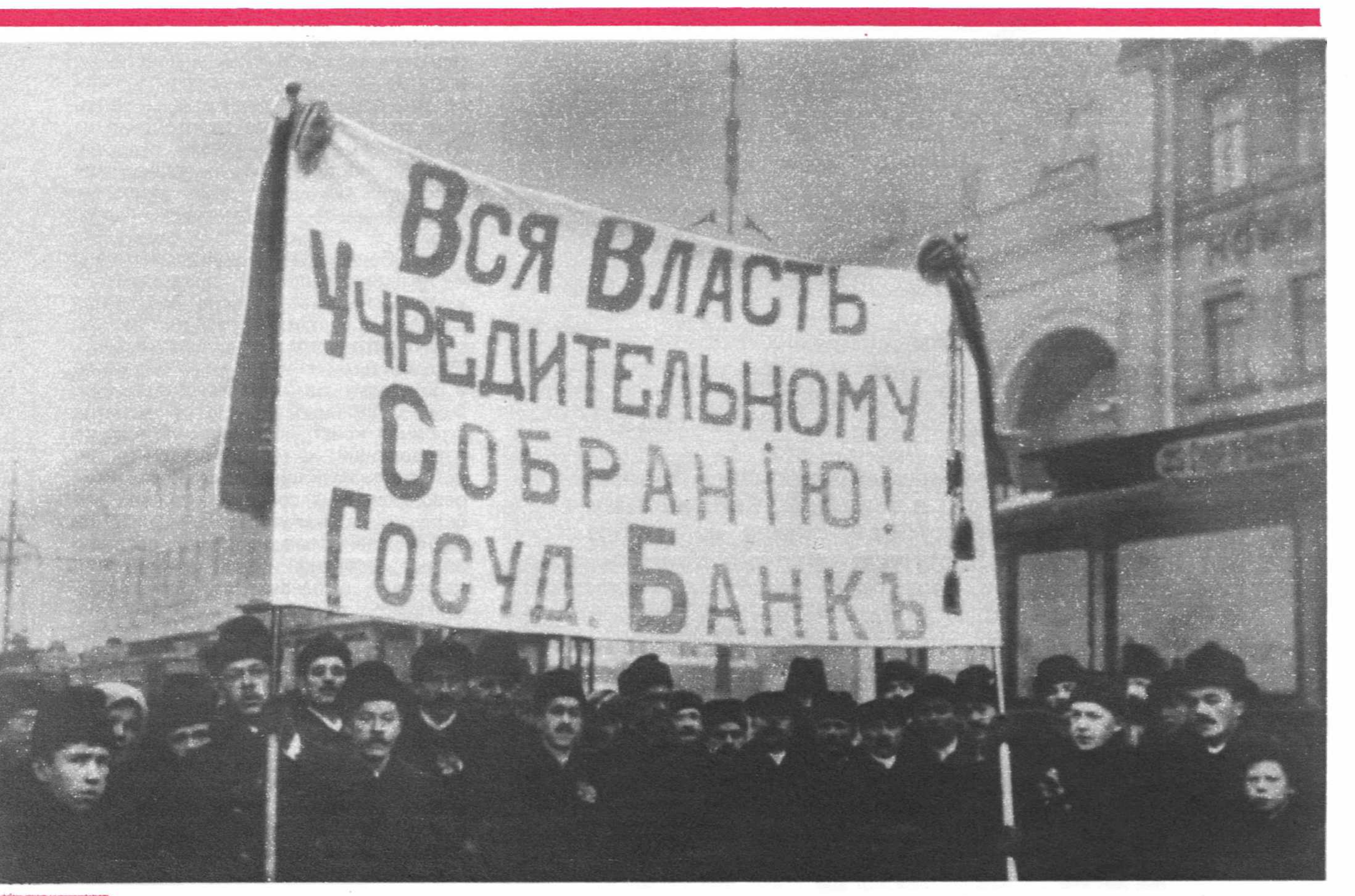
Всю свою жизнь оставался В. И. Вернадский приверженным ноосферному миропониманию, к выработке которого он неуклонно шел, начиная с юношеских лет. Отказавшись от неоднократно представлявшихся возможностей эмиграции и вполне обеспеченного существования и продолжения творческой работы во Франции, Англии или США, он верил в ноосферное будущее своей родины и для этого будущего трудился. С чем, однако, он никогда не мог примириться и против чего вел, как мог, явную или скрытую от посторонних глаз борьбу, это с тоталитаризмом, в какие бы — красные, белые или коричневые — одежды тот ни облачался. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что теоретически Вернадский предвосхитил то, что А. Д. Сахаров стремился реализовать практически.

В феврале 1932 года в письме к предсовнаркома В. М. Молотову В. И. Вернадский, отмечая свою «идеологическую чуждость основам капиталистического строя», вместе с тем подчеркивал, что он также «отнюдь не является сторонником социалистического или коммунистического строя и считает, что реально выявится нечто новое». Это только еще зарождающееся «нечто новое» с его непростыми, драматическими, а порой и трагическими проблемами стало прорисовываться уже в 17-м году. Потому во многом столь близки и созвучны нашим сегодняшним заботам размышления Владимира Ивановича...

9 октября, понимая, что приближаются решающие события, Вернадский начинает вести в блокноте среднего формата систематические, с редкими перерывами, ежедневные записи. Их значение трудно переоценить. Здесь они, за недостатком места, воспроизводятся в сокращенном варианте. Для удобства восприятия текста авторские сокращения и купюры публикатора не показываются; смысловые вставки заключены в угловые скобки.

«Придется перейти через кризис» — этими словами заканчивается последняя запись в дневнике. Предчувствие не обмануло Вернадского. Предвидеть тогда масштабы, глубину и длительность этого кризиса он, конечно, не мог. Но испить чашу сию довелось как ему и его поколению, так и поколениям, вслед за ним последовавшим.

И. МОЧАЛОВ,
старший научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники АН СССР

ИЗ ДНЕВНИКА ОКТЯБРЯ — НОЯБРЯ 1917 ГОДА

9 октября. Осмотр минералов в Лаборатории. Совещание в Геологическом институте, первое заседание Совета. Совещание о Севере, о задачах и программе Сельскохозяйственного Ученого Комитета.

Салазкин [1] — о положении дел. Сергей Сергеевич возбудил вопрос об условиях мира. Считает, что получение отказа побудит массы иначе отнестись к войне. Я указываю ему, что необходим разрыв социалистов-государственников с большевиками. Сила правительства — на психологии. Не надо бояться столкновения с большевиками, и надо идти на это.

С П. П. Лазаревым [2] общий разговор о необходимости интенсификации научной работы в теперешнее время.

10 октября. Вчера не был в ЦК. По словам С. Ф.[3] очень тяжелое впечатление развала правительства в такой момент. Приходится держаться Керенского faute de mieux [4].

Был Земятченский [5]. Очень волнуется в связи с эвакуацией. Подтверждает, что боятся не немцев, а промежуточного времени. По-видимому, обыватель хочет оставаться в Пярну, считая, что при немце будет безопаснее.

Совещание о бурятском вопросе. Сейчас как будто выясняется такая картина — проведение русского влияния и нашей культуры через национально организованную бурятскую народность. Издание учебников, строительство школ, учительских семинарий с бурятским языком (хотя бы на фоне монгольского письма) может явиться одним из способов воздействия на зарубежных монголов.

Заседание в «<геологическом и минералогическом>» Музее в связи с эвакуацией. Сейчас начинается в этом смысле волнение. В сущности, больше боятся большевиков, чем немцев.

12 октября. Всегда боялся, что социализм даст дисциплину казармы.

В Москве идет огромная культурная работа и масса всяких научных начинаний. Выходят книги, о которых мы здесь не знали.

Был И. П. Рачковский [6] — о его экспедиции в Уренгойский край. Есть будущее каменному углю, золоту, меди. Утром принес оконченную карту Курбатов [7]. Ему дал <задание> составлять карту ученых учреждений и высших учебных заведений всей Азии. Как мало сделано! Еще <только> начатки великого будущего.

Совещание Товарищей Министра. Обсуждение прав польских (и иных) школ с польским языком. В общем, у всех нас взгляд один: равноправие с русскими <школами>.

15 октября. Утром был Седергольм [8]. С ним разговор о Финляндии. Говорит, что социалисты у них потеряли голову. Финляндцы не верят в прочность свободы в России и думают, что вернется режим монархии с деспотизмом. Я ему говорил о трудности для государственных людей России найти устойчивое положение при независимости Финляндии благодаря близости столицы к границе. Для меня выход — или независимая Финляндия без Выборгской губернии, или цельная Финляндия, соединенная с Россией. Седергольм указывал на улучшение отношений Норвегии и Швеции после их разделения.

После разговора с Елизаветой Дмитриевной [9] для меня стало ясно то, что, по-видимому, ясно и для народных социалистов и части социалистов — опасности передачи земли Земельным Комитетам. Земельные Комитеты состоят из «социалистов-революционеров», подозрительных элементов; идет нажива, захват земли себе и своим. Несомненно, земля уйдет в другие руки, но не социализации или национализации, а в крепкие руки демократических Колупаевых. Они <ее> удержат. Елизавета Дмитриевна рассказывала случай с ее племянником, отдавшим небольшую часть земли в Земельный Комитет и сохранившим остальную. Он всецело предоставил все сношения с остальной землей Комитету, и там ясен такой характер — идет столкновение Комитета с крестьянами (Херсонская губерния).

16 октября. Салазкин: тяжелое впечатление от заседания Совета Министров. Выступление <готовящееся> большевиков; столкновение с Украиной; разруха; надвигающийся голод. Мне кажется, все-таки в правительстве нет смелости.

17 октября. Вчера впервые слышалось некоторое бо́льшее опасение <выступления> большевиков.

Доклад Рыкова [10] о высшем техническом образовании. Текущие дела. Я поднял вопрос о рыбацких школах. Необходимо выдвинуть вопрос об авиационном образовании и звании инженера-авиатора. Совещание об училищах правоведения.

18 октября. Был В. К. Бражников [11], изменившийся, нервный. Едет в Японию на службу. Берет отпуск на ½ года. Семья в Швеции, и в Россию везти боится. Он — как многие. В Россию верит, но считает, что сейчас здесь жить невозможно. Сознает, что <поступает> неправильно, но <иначе> не может. Готов идти <хоть> в казаки, но жить, ожидая, что зарежут, как «барина», не может. Такое нервное, возбужденное состояние у многих. Вчера нечто аналогичное говорила сестра [12].

Мне кажется, правительство не учитывает необходимости ярких выступлений. Они создают силу. Бессилие воли у социалистов? Другое племя, чем народовольцы. Пытался в этом смысле настроить Сергея Сергеевича. Несмотря на его энергию, этого элемента и у него недостаточно.

Возможность вероятной высадки <немцев> в Финляндии очень тревожит. Сергей Сергеевич передавал отзыв из левых кругов: флот будет спасаться в Кронштадте (немецкий флот весь в Балтийском море; против англичан — минные поля и т. д.). Неизвестно, что лучше: чтобы «эти молодцы» потопили или их иметь в Кронштадте. Это — то же самое настроение, как у обывателя: готовы «радостно» встретить немцев. Своих боятся больше.

Сейчас время людей воли. Их жаждут.

Вечером Малый Совет — совещание Товарищей Министров. Всегда остается тяжелое впечатление от неправильного способа проведения законов. А другого — лучшего — сейчас не выдумаешь.

20 октября. Утром Коловрат-Червинский [13] в связи с радиевыми делами. Прием. Студенты, курсистки — много ненужного, но неизбежного.

В большевизме есть идейная сторона, но она так чужда сознательно действенным силам, что в конце концов

чувствуется ими только как дикая разрушительная сила.

Телеграмма французского правительства (Барту [14]) об образовании русского института в Париже, чрезвычайно сочувственная. Идет творчество в такой момент разрухи. Решено организовать собрание представителей русских ученых.

Приехал Георгий[15]. Много интересного <рассказывал> о Перми. Университет растет, хотя условия и нехорошие. Несомненное будущее. Народный университет Перми <оставляет> впечатление слабое. Из 20 000 рабочих Мотовилихи записалось 300. Недоверие к буржуазной науке. Георгий говорит о мире во что бы то ни стало, не сознавая возможности этим путем рабства.

Может явиться сильная группа организованных войск с фронта, наводящая порядок при сочувствии населения? Кроме некоторых групп фанатизированных рабочих, остальная подавляющая масса солдат труслива и действует при недоверии к вожакам?

25 октября [16]. Пишу утром 25-го. Вчерашний день неожиданно оказался днем кризиса.

Салазкин <вчера> сообщил о подготовлявшемся кризисе — указал на закрытие газет и о том, что достигнуто соглашение, что Военно-Революционный Комитет возьмет назад свой приказ. До 3½ часов дня он ничего не знал о том, что соглашение расстроилось.

Совещание Товарищей Министра с Сергеем Сергеевичем о плане внешкольного образования. Интересное. Начинается новое крупное дело, которое потребует больших расходов — десятки миллионов рублей. Но <дело> — одно из важнейших. Верно говорит Софья Владимировна Панина [17] — назначение Товарища Министра по внешкольному образованию обязывает, и государство должно в таком случае не откладывать эту отрасль своей деятельности.

3 ноября, утро. Кажется, целая вечность прошла после последних записей. Невозможное становится возможным — и развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой.

Вчерашний день. Утром — на часах во дворе у запертых ворот дома. Чтение газет «Воля Народа», «Дело Народа», в которых бесконечное количество неправды перемешано с правдой. Но никто толком ничего не знает, и в газеты попадает то же самое, что знают вожди. Как и в словесной передаче со своим собственным «творчеством».

Заходил Карпинский [18]. Крепкий старик долга, но, как и все, в смущении.

На трамвае по дороге к Софье Владимировне, где собрался ЦК, читал, уходя от тяжелой обстановки дня, «Nature» [19] и новый украинский библиографический журнал. Как-то тяжело читать в «Nature» о широкой творческой работе англосаксов в связи с переживаемым несчастьем. Тяжело потому, что у нас ведь происходит — среди интеллигенции — то же самое. Неужели <нас ожидает> рознь интеллигенции и демоса? Или для устойчивости государства мы не могли <ввести> те формы жизни, к каким мы стремились все время?

В ЦК длинные прения. Ясное различие в настроении Комитета: для всех ясна необходимость перехода к той или иной форме диктатуры, но некоторые надеются выйти из положения путем создания временного социалистического министерства (без большевиков). Сведения о том, что делается вне Петрограда, ничтожны. Невольно вновь поставил себе вопрос, что делать мне — оставаться? Городские толки о герцоге Мекленбургском как регенте от Вильгельма в Петрограде. Обыватель ждет немца как избавителя!

Мрачная картина <положения> Москвы. В сущности, массы за большевиков. Защищают офицеры, студенты, юнкера, добровольцы. Социалисты-рево-

люционеры, их Центральный комитет, который пока держится твердо, переживают трагедию: они очутились без солдат и оказались под защитой буржуазии — вооруженных юнкеров и офицеров. Неужели погибнет Кремль с его вековыми сокровищами от тяжелой артиллерии большевиков? В Москве студент — опять «враг народа».

По Петрограду — безумные процессии победивших большевиков. Сергей, работающий все еще в Следственной Комиссии[20], говорит о необычном сходстве психологии и организации черной сотни с большевиками.

Вечером работал над сероводородом. Много двинул.

5 ноября, утро. Возможен арест, но бежать неприятно.

Кощунства в Зимнем Дворце — в Церкви Евангелие обоссано, Церковь и комнаты Николая I и Александра II превращены были в нужники! Кощунство и гадость сознательные[21]. Любопытно, что, когда я рассказывал об этом Модзалевскому[22], он говорит: «Евреи!» Я думаю, что это — русские. Как и <дело их рук> убийство царскосельского священника, очень порядочного человека. Какое-то безумие.

Сегодня в «Деле Народа» поразительное по цинизму решение большевиков о свободе печати. Это что-то невероятное.

6 ноября, утро. Вчера день довольно безалаберный. Не совсем здоровилось, и потому мало смог сделать.

Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на ее антигосударственное движение. Сейчас ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей, которые играют такую роль в этом движении. Очень ясно падение идейное социализма и народничества. Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции. Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить.

Днем у М. А. Дьяконова[23] заседание ученых в связи с выступлением <протеста>. Идея Гессена В. М.[24] об обращении к нации ее духовных вождей. Сергей <Ольденбург>: «Строители жизни — против ее разрушителей». Настроение всех тревожное, но растет государственное негодование. Может быть, на юге образуется твердый центр. А если не там, то в другом месте. Для меня это ясно.

Думается о новых научных работах. Хочу вырвать время. Сергей говорит, что начал усиленно научно работать — то же <говорят> Модзалевский, Ферсман и другие.

7 ноября, утро. Вчера утром в ЦК — впервые в обычном месте. Нудные длинные прения в связи с участием в выборах в Учредительное Собрание. Многие считают все потерянным — необходимым начинать сначала собирание России, им ясно, что Петербург погиб, и т. д. Строят смело исторические предвидения, не наученные опытом: всегда все они несли характер чёта-нéчета. Вера в южный центр, в Каледина. Указывают на необходимость выезда ЦК ввиду этого из Петрограда. Как будто там лучше.

Заседание Товарищей Министров. Получены сведения о том, что делается в России, через посланца в Ставку. Казаки ушли, и Ставка беззащитна. Духонин бессилен. Армия разлагается; держится еще Учредительным Собранием. Очень сильны — благодаря общей слабости — украинцы, полки которых (69-й на Юго-Западном фронте?), подчиняющиеся Раде, более дисциплинированы.

8 ноября, утро. Мысль о полной или временной эмиграции сейчас очень сильна у отдельных людей. Всегда так бывало — в России не часто.

Заседание ЦК. Информация. Об издательстве. Вопрос о <арестованных> министрах. Их тяжелое настроение. Кутлер[25] рассказывал о своих попытках воздействовать через Бонч-Бруевича[26]. Решено вчера искать свидания. Пользуясь старыми связями с Ульяновым Сергея Ольденбурга (и моими[27]), послать к нему <В. И. Ленину> **не** от партии депутацию для освобождения министров (Сергей, Кутлер, Шахматов[28], Васильев[29] — я отвел себя как Товарищ Министра, заменен Мануйловым). Положение <арестованных> министров в Петропавловке угрожающее, опасное.

Днем заседание Совета Министров. Прокопович[30] определенно против однородного социалистического министерства — считает, что его не признает Россия (Дон, Сибирь, Украина). Вопрос об издании компрометирующих документов о большевиках. Не уверен, что будет сделано, так как, вероятно, и другие социалисты в этом замешаны. Демьянов[31] в частном разговоре считает несомненно доказанной их денежную связь с Германией[32]. Разговор о Банке. Мы думали, что уже разграбили; из сегодняшних газет видно, что нет.

9 ноября, утро. Утром <вчера> ЦК. Не очень деловое обсуждение нашего поведения в Совете Министров. В конце концов дали свободу баллотировки по вопросу о <однородно социалистическом> деловом министерстве. С 4 часов дня до 8½ <вечера> у С. В. <Паниной> заседание Совета Министров. Вопрос отставки Керенского с передачей власти Временному правительству от 1.XI. «Заявление об отставке» написано на листочке бумаги — печальный конец политической карьеры. Прокопович очень ярко говорил: «Русская интеллигенция стояла все время вне идей государственности, только тяжелым опытом в ней образуется государственное течение». Указывал он и на ту затруднительность, какую испытывают министры-социалисты <стремясь>,— передать власть чисто социалистическому министерству, когда министры-несоциалисты арестованы. Его мысль, с чем и я согласен: борьба с большевиками в данный момент не силой оружия, а общественным мнением, печатью и т. д. Фридман[33] рассказывал о Банке. Впечатление такое, что теперь они <большевики> обратятся на Государственное казначейство. Всюду в министерствах они подбирают деньги (в казначействе взяли более 150 000 руб.). Нератов[34] рассказывал о передаче ключей в Министерстве Иностранных Дел. Сделали под угрозой взлома. Явились туда Троцкий, Залкинд, слесарь. Нератов рассказывал свой разговор с Троцким о внешней политике. <Троцкий> очень агрессивный и простецкий. Решено иметь официальный документ о передаче ключей Министерства Иностранных Дел.

10 ноября. Вчера утром ЦК. Ясно и определенно общее сомнение в социалистическом Министерстве, если только оно будет не деловым. Если же будет деловым — многие считают лучшим выходом. Вчера ввиду заседания правительства не удалось выступить на митинге. В душе я очень рад этой возможности избежать тяжелого переживания на законном основании.

Очень продолжительное и очень важное заседание Временного правительства. Вновь был поднят вопрос о посылке делегатов в Ставку. Вначале информация. Была прочитана телефонограмма Духонину по единственному проводу, который еще находится в распоряжении Комитета Спасения.

Положение трагическое: получили значение в решении вопросов жизни страны силы и слои народа, которые не в состоянии понять ее интересы. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки. Вспоминаются разговоры перед 1905 годом, когда вырабатывалась четыреххвостка[35].

По словам Церетели[36], Ставке угрожает разнос. Я очень определенно высказался против нашего участия в реконструкции власти с большевиками. Встретил поддержку. Церетели очень интересно высказался: он считает невозможным — ввиду большевистского настроения войск и народных масс — образование сейчас какого бы то ни было правительства, которое могло бы получить общегосударственное значение. Считает, что нам придется воссоздавать Россию. Эту цель надо поставить и <вести> широкую общественную (а не военную) борьбу с большевиками. Думает, что из анархии выйдет правое правительство.

Долгие прения о телефонном разговоре с Духониным, ввиду его трагического положения. Положено переговорить с ним, чтобы указать на мнение правительства о невозможности исполнения им приказов Троцкого, Крыленко. Но <у нас> нет грубой физической силы, а большевики в этом отношении закусывают удила.

Скарятин[37] прочел свою записку с разоблачениями Ленина и К°. Слабо, и мы все решили это не печатать. Скарятин настаивал на публикации и, казалось, не видел слабости своих доводов. В общем, все уже было в газетах. Может быть, все и так, но не доказано, и в таком виде нельзя печатать.

Ожидается безумный приказ о демобилизации <армии>. Надо испить чашу сию до дна. Церетели вчера: «Почвы создать власть, способную действовать, нет». Кто-то вчера сказал: «В России не было революции — был солдатский бунт, один в Феврале, другой в Октябре». Вчера при обсуждении вопроса о составе правительства в вопросе о социализме было поставлено: 1) коалиция из социалистов и 2) деловое и не нарушающее ни в чем прав Учредительного Собрания. Я заявил при голосовании, что я стою за деловое <правительство>, безразлично, <будет> оно социалистическим или нет, и вопрос о его составе мне безразличен. Вотум мой имел значение для них — как это было ясно, как кадета.

Кишкина[38], когда была у <арестованного> мужа, подвергалась насмешкам и унижениям как со стороны стражи, так и официальных <лиц>. Она боится рассказывать <об этом>, боясь, что они отомстят на ее муже. Еще хуже царских жандармов. Как быстро социалисты показали свой нравственный уровень. Я считаю, что между ними и нами скоро не будет сотрудничества.

12 ноября. Читал сейчас московские, петроградские, киевские и иркутские газеты — видишь все-таки глубокий рост России, несмотря ни на что. Неужели может разрушиться? Как выразился один из иностранцев, Россия находится под властью Большого Кулака. Со всеми последствиями?

Мне кажется, возможности разгрома, какие могут произвести большевики в бюрократической машине, еще не сознаются чиновничеством. А между тем разгром может быть аналогичен тому, какой произведен <ими> в армии.

Очень характерно враждебное отношение курьеров и низших служителей. Оно проявляется, как всюду, в стремлении не к равенству, а к господству (диктатуре пролетариата). Палечек[39] рассказывала курьезный случай в кооперативной лавке служащих Министерства Народного Просвещения. Там была недурная крупа — полба. Когда она хотела ее получить, курьеры запретили, заявив, что ее не арестовали только потому, что она идет к ним, низшим служащим, а потому они и не дадут <полбы> чиновникам. Тогда барышни-продавщицы отказались ее продавать кому бы то ни было. Обратились в районную продовольственную организацию и получили оттуда письменное удостоверение, запрещающее им слушаться каких бы то ни было сторонних распоряжений. Стали <полбу> продавать всем курьерам и чиновникам, только живущим в <этом> районе. Этот факт характерен. Большевистское движение несомненно имеет корни в населении — в черни, толпе. Она не верит интеллигенции. (Ненадкевич[40]: «Старая рознь между интеллигенцией и народом, очевидно, бóльшая реальность, чем я думал».) Аналогичный факт из другого кооператива рассказывала Кишкина: не выдали продукты, говоря: «Пусть буржуи дохнут с голоду». Растет озлобление с обеих сторон. И кровь может пролиться с обеих сторон.

Элементы единства: 1) воля народа к единству и к государственности сейчас чрезвычайно ослабла и, наоборот, направлена в другую сторону, 2) религиозная вера тоже исчезла в активных элементах. Временно? 3) Единство духовной культуры — очень сильная и крепкая <основа> благодаря мировому ее характеру по сравнению со все же местными национальными <стремлениями>, 4) качественное и количественное богатство русской литературы, имеющей практическое применение в жизни, и малая распространенность <в России> других мировых языков, 5) государственная рутина, 6) налаженные торговые связи, 7) значение и выгода большой государственной территории, обычно не оцениваемые для отдельных частей России, 8) личная связь между деятелями в разных местах и областях России, даже принадлежащих к разным национальностям, основанная на долгой традиции. Несомненно, большое значение должны иметь бессознательные элементы, сдерживающие Россию. Их надо развить особо.

14 ноября. Вчера опять сидел дома. Масса перебывала народа — Е. Д. <Ревуцкая>, Сергей <Ольденбург>, С. В. <Панина>, Н. И. Андрусов[41], М. А. Рыкачев[42], А. П. Карпинский, Паша[43], Ильин[44]. Всюду и все время разговор об одном и том же. Тревожное и тяжелое настроение. Сергей говорит, что он больше всего боится международных последствий. Рыкачев — единственная надежда на юг. Многие, как Н. И. Андрусов, не могут работать. Ростовцев[45] говорит о самоубийстве <России> (культура гибнет). Иван[46] тоже теряет почву. Он все говорил и много раньше о мире. Ясно видит теперь, что мир и перемирие в руках сильного, а не слабого.

Невольно думаешь о будущем. Хочется найти выход вне случайных обстоятельств. Эти случайности могут быть ужасны для переживающих, но поворот так глубок, что то, что за ними сохранится, само по себе огромно. Сейчас в смысле случайностей все зависит от Учредительного Собрания. Если оно будет не большевистское в большинстве, все же ясно, что унитарная Россия кончилась. Россия будет федерацией. Слишком пали воля и уважение к великороссам. Юг получит гегемонию. Роль Сибири будет очень велика. Столица — не Москва?

Сейчас надо ждать результатов выборов в Учредительное Собрание. Несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного. Tu l'a voulu, Georges Dandin[47]. Демократия показала свое лицо — то, которое она постоянно показывала в истории. В критический момент покажет и свою энергию. Но ясно одно: русский народ до этих форм жизни в мировом государстве не дорос, а так как возврат к унитарной монархии невозможен, то выход один — сильные области, объединенные единой организацией — федерацией.

Если Академия Наук будет разрушена как целое в этом вихре — переехать в Киев или Полтаву?

Яркое определение Сережи Ольденбурга[48]: «Лавина летит — и только когда она остановится и дойдет до конца, можно начать освобождать от обломков, наводить новый порядок и т. д.».

15 ноября. Опять вчера почти не выходил. Чувствую себя весьма неважно. Утром прошел и положил свой бюллетень на Учредительное Собрание на нашей же улице. Все в большом порядке, как будто выборы происходят правильно, а между тем нет основного условия — печати, нет возможности настоящей агитации.

Получил киевские газеты. Ясно, что большевики не овладевают там и власть Ленина и К° не признается. Но сила русской культуры так велика, что ей нисколько не страшна одновремен-

ная работа украинизации. Здесь должно быть совместное дружеское общение. И оно возможно.

16 ноября. Вчера опять нездоровилось и я сидел дома. Заходил Н. И. Андрусов. Он совсем измучен всем происходящим.

Вечером приехал Д. И.[49] из Москвы. Он тоже склоняется к необходимости сейчас областности (федерализма), но думает, что не надо этот вопрос подымать теоретически, а идти к нему практически. Мне кажется, это утопия. Надо поставить вопрос прямо. Для меня тут некоторый выход — тормоз против безумий, какие может наделать демократия при отсутствии подготовки к ней народных масс, как мы это видим теперь. Для Д. И. ясно, что большевизм овладел широкими массами народа. У него чувство, что Россия как-нибудь вывернется из этого положения. Я думаю, что роль социализма в России кончена.

Георгий Старицкий[50] все время подчеркивает вред пропорциональных выборов — того, что ярко указывал все время мой Георгий. Д. И. <Шаховской> тоже склоняется к этому и боится, что благодаря этому народ не поймет выборов и не признает Учредительное Собрание. Но, с другой стороны, он не подготовлен ни к каким выборам. Но все же слишком безличны и неперсональны выборы по спискам. А деление партий проникло недостаточно глубоко, и долгой их спокойной, мирной борьбы идей не было.

17 ноября. Был в очень важном заседании Временного правительства. Подписал два акта — «Обращение к русским гражданам» и о созыве Учредительного Собрания на 28.XI. Я считаю последний акт не менее важным. Первый имеет большое значение и в международных отношениях. От Министерства Народного Просвещения подписал я. К Салазкину ездила С. В. <Панина>, но он — через посредство дочери — правильно указал, что он не принимал участия и не знает содержания актов. Позже с дочерью прислал мне об этом и записку.

Сейчас очень серьезно то положение, что яркая пропаганда за единство России идет только в правых кругах. Смело и талантливо ведет эту линию Шульгин[51]. Там с открытым забралом — идея патриотизма. Социалисты этого боятся — и это их слабость. Черносотенные элементы находятся массами среди большевиков. К ним примыкают и преступные элементы. Это серьезная опасность.

Ясно, что Ставка должна что-нибудь сделать, чтобы не быть сметенной большевизмом — желанием кончить войну и безграмотной уверенностью, что это можно очень легко и просто сделать. Стремление к миру охватило массы — и по существу оно очень понятно и так правильно. Но в сложных явлениях жизни провести его напрямик невозможно. А между тем всякая слабость только уменьшает возможность инициативы мира.

18 ноября. Ночевал у Паши. С разных сторон все советовали не ночевать дома, и хотя Наташа[52] очень стойко не выражала своего мнения, ей хотелось, чтобы я не ночевал дома. Конечно, это маленькое неудобство, но все же есть и неприятное чувство, когда приходится скрываться. Я чувствовал, что у меня нет энергии уходить и начинать где-нибудь в стороне новую форму жизни. Это, может быть, еще более вредное настроение, и его я переборол. Человек во всяком решении находит хорошую сторону. Это есть одна из форм «здорового организма».

Зашел Васильев А. В. в связи с появившимся объявлением Временного правительства. Он очень волновался, советовал уехать на время, возвращался <к этой теме> два раза и подействовал на Наташу. Рассказывал о последнем заседании ЦК, где я не мог быть. Рассказывал конкретные факты продвижения вперед сейчас в большевизме самых больших негодяев в Казанской губернии, в том числе и черносотенцев. Это, по-видимому, общее явление.

В Министерстве Народного Просвещения начинают пытаться его захватить Луначарский и К°. Деньги все вынесены; вчера <изъяли> последние. На сегодня назначено в 12 часов приглашение всех к Луначарскому в Министерство Народного Просвещения. Вечером я получил повестку на это заседание. Я советовал сегодня Дорожкину[53] на совещание к Луначарскому не идти. Он по наивности думал, что я и другие пойдут!

Был Д. Д. Арцыбашев[54]. Приехал из Тульской губернии, где все разграбили. Говорит, что разорение полное; уничтожена вся культурная сельскохозяйственная работа — плодовые сады, племенные питомники, семенные хозяйства. Восстановить — <потребуются> годы. Все деревни переполнены обломками от грабежа усадеб. В грабеже участвуют подростки, и мы имеем и в этом отношении очень тяжелые последствия. Сифилис и болезни, разнузданность и оправдание грабежа — почва, на которой придется строить воспитание нового поколения.

19 ноября. Сегодня не ночевал дома. Решил уезжать. Кажется, все находят, что поздно. Вчера заседание Временного правительства не состоялось — пришли Константинов, Салтыков, Массальский,[55] я и С. В. <Панина>. По-видимому, все подписавшие <воззвание> уехали.

Закрыты все газеты, напечатавшие воззвание Временного правительства <«К русским гражданам»>, кроме «Вольности». «Дело Народа» напечатало это воззвание в виде статьи «Завещание» и осталось целым. Из провинции есть сведения о том, что оно произвело впечатление. Здесь — особенно в связи с закрытием газет — то же самое. Я считаю этот шаг правильным. Но это maximum, что могло дать родине Временное правительство.

Паша вместе с директорами правления их Общества был арестован и просидел несколько часов в Смольном из-за нежелания платить красногвардейцам. Сам их комиссар Юренев говорил, что это, может быть, и незаконно, но рабочие требуют денег, а у них нет. Может быть, Учредительное Собрание потом вернет компании <деньги>. Будущее промышленности, по-видимому, беспросветно — придется перейти через кризис.

* * *

Оставаться в Петрограде становилось небезопасно. Была арестована С. В. Панина, угроза ареста и для Вернадского приобрела реальные очертания.

22 ноября 1917 года Отделение физико-математических наук Академии удовлетворило его просьбу о командировке в южные районы страны по состоянию здоровья и для продолжения работ по живому веществу. Вскоре Владимир Иванович с семьей выехал в Полтаву, где проживали родственники жены.

Спустя несколько дней, 28 ноября, в специальном Декрете Совнаркома за подписью В. И. Ленина, И. В. Сталина и других наркомов властям предписывалось арестовывать и предавать судам ревтрибуналов членов руководящих учреждений партии кадетов, как «партии врагов народа»...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Салазкин Сергей Сергеевич (1862—1932), биохимик, педагог, беспартийный, близкий к кадетам. С 4 сентября по 25 октября 1917 года министр народного просвещения Временного правительства.

[2] Лазарев Петр Петрович (1878—1942), физик, биофизик и геофизик, академик.

[3] Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), историк-востоковед, археолог и этнограф, академик, член ЦК Конституционно-демократической партии, друг В. И. Вернадского.

[4] За неимением лучшего (фр.).

[5] Земятченский Петр Андреевич (1856—1942), геолог, минералог, кристаллограф, почвовед, чл.-корр. АН СССР; в 1917 году работал в Пярну.

[6] Рачковский Иван Петрович, геолог.

[7] Курбатов Сергей Михайлович, геолог, минералог.

[8] Седергольм Якоб Иоханнес (1863—1934), финский геолог.

[9] Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866—1941), минералог, ученица В. И. Вернадского.

[10] Сотрудник Министерства Народного Просвещения.

[11] Бражников Владимир Константинович (1870—1921), ихтиолог.

[12] Вернадская (Алексеева) Ольга Ивановна (1864—1920), сестра В. И. Вернадского.

[13] Коловрат-Червинский Лев Станиславович (?—1921), радиолог, ученик В. И. Вернадского и Марии Кюри.

[14] Барту Луи (1862—1934), французский государственный деятель, историк культуры, член Французской академии.

[15] Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973), историк, сын В. И. Вернадского; в 1917—1918 гг. преподавал в Пермском университете.

[16] В этот день министр народного просвещения С. С. Салазкин (как и ряд других министров Временного правительства) был арестован, и фактическое руководство министерством перешло к В. И. Вернадскому и С. В. Паниной.

[17] Панина Софья Владимировна, деятельница народного образования и культуры, товарищ министра народного просвещения Временного правительства, член ЦК Конституционно-демократической партии.

[18] Карпинский Александр Петрович (1846—1936), геолог, академик, с 15 мая 1917 года по 15 июля 1936 года первый выборный президент Академии Наук.

[19] «Природа» — английский информационный и научно-популярный журнал.

[20] Решением Временного правительства для расследования деятельности и преступлений царского режима и его сановников была образована наделенная широкими полномочиями Чрезвычайная Следственная комиссия, в состав которой вошли видные политические и общественные деятели, представители науки и культуры.

[21] Об аналогичных фактах вандализма писал А. М. Горький в своих «Несвоевременных мыслях», публиковавшихся в 1917—1918 годах в газете «Новая жизнь».

[22] Модзалевский Борис Львович (1874—1928), литературовед, чл.-корр. АН СССР.

[23] Дьяконов Михаил Александрович (1855—1919), историк, академик.

[24] Гессен Владимир Матвеевич (1868—1920), юрист.

[25] Кутлер Николай Николаевич (1859—1924), юрист.

[26] Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955), историк, революционер-большевик, в 1917—1920 годах управделами СНК РСФСР.

[27] В первой половине—середине 1880-х годов В. И. Вернадский, как и его друзья, близко сошелся с Александром Ульяновым, высоко ценил его как ученого с большим будущим, а впоследствии написал о нем воспоминания. Что касается В. И. Ленина, то каких-либо сведений о встречах с ним Вернадского пока не обнаружено (известно, что С. Ф. Ольденбург встречался с Лениным неоднократно). Знакомство Вернадского с Лениным могло произойти 9 (22) мая 1906 года в Петербурге в Народном доме С. В. Паниной, где Ленин выступил в тот день на многолюдном митинге. Но это предположение нуждается в проверке.

[28] Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), языковед, текстолог, исследователь русских летописей, академик, член ЦК Конституционно-демократической партии.

[29] Васильев Александр Васильевич (1853—1929), математик, историк науки, профессор Казанского университета, член ЦК Конституционно-демократической партии.

[30] Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955), экономист, публицист, был министром Временного правительства.

[31] А. А. Демьянов, товарищ министра юстиции Временного правительства.

[32] После фундаментального исследования А. Авторханова вопрос этот можно считать решенным в положительном смысле. См.: А. Авторханов. Происхождение партократии. Т. 1. Ленин и ЦК. Франкфурт-на-Майне, 1981, стр. 318—329. Любопытно, что даже в официозном трехтомном труде академика И. И. Минца и его сотрудников, написанном, естественно, в канонически пробольшевистском ключе, используются документы, которые, помимо желания авторов, подводят читателя к такому же выводу (И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2., М., 1978, стр. 81—88).

[33] М. И. Фридман, товарищ министра финансов Временного правительства.

[34] А. А. Нератов, товарищ министра иностранных дел Временного правительства.

[35] Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право — важнейший программный принцип Союза освобождения и Конституционно-демократической партии относительно гражданского устройства России.

[36] Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959), социал-демократ, один из лидеров меньшевиков.

[37] Г. Д. Скарятин, товарищ министра юстиции Временного правительства.

[38] Жена Н. М. Кишкина, министра государственного призрения Временного правительства, члена ЦК Конституционно-демократической партии.

[39] Сотрудница Министерства Народного Просвещения.

[40] Ненадкевич Константин Автономович (1880—1963), химик-минералог, чл.-корр. АН СССР, ученик В. И. Вернадского.

[41] Андрусов Николай Иванович (1861—1924), геолог и палеонтолог, академик.

[42] Рыкачев Михаил Александрович (1840—1919), метеоролог, академик.

[43] Павел Егорович Старицкий, инженер, профессор, брат жены В. И. Вернадского.

[44] Деятель земства и народного просвещения, знакомый Вернадских.

[45] Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952), историк античности и археолог, академик.

[46] Гревс Иван Михайлович (1860—1941), историк, друг В. И. Вернадского.

[47] Ты этого хотел, Жорж Данден (фр.). Обращенные к себе слова героя комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж».

[48] Сергей Сергеевич Ольденбург, историк и публицист, сын С. Ф. Ольденбурга.

[49] Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939), деятель земства и народного просвещения, историк, литературовед, член ЦК Конституционно-демократической партии, друг В. И. Вернадского.

[50] Георгий Егорович Старицкий, брат жены В. И. Вернадского.

[51] Шульгин Василий Витальевич (1878—1976), правый политический деятель, публицист.

[52] Вернадская (Старицкая) Наталья Егоровна (1860—1943), деятельница народного образования, жена В. И. Вернадского.

[53] Вероятно, сотрудник Министерства Народного Просвещения.

[54] Арцыбашев Дмитрий Дмитриевич (1873—1942), инженер-аграрник, автор трудов по сельскохозяйственной технике и технологии.

[55] Константинов В. К., Салтыков С. Н., Массальский В. И. — товарищи министров путей сообщения, внутренних дел, торговли и промышленности Временного правительства.

Сергей ЧЕТВЕРТКОВ и Светлана КЕКОВА — поэты звучания по нынешним временам редкого, так и хочется сказать, «декадентского». Кажется, что где-то за серой занавеской действительности спрятан проектор с цветными слайдами. Цветное — на серое. Рисунок выходит загадочным, жутковатым, изысканным.

Сергей ЧЕТВЕРТКОВ

* * *

Полдюжины балясин, часть колонны,
останки вазы с гипсовым рельефом,
где вперемешку: шестеренки, фрукты;
руины санатория поодаль;
а также солнце, ветер, кипарисы —
доступным нам античным языком
о временах мифических расскажут.
Тогда здесь жизнь плескалась. По утрам,
с веселым щебетом сбегая
по лестницам широким, мчались к морю
(кто взявшись за руки, кто взапуски, кто так)
служительницы юные Цереры.
Приветливой волной их Понт встречал
и принимал, послушно расступаясь,
в себя. После купанья: волейбол, лапта,
уединенье с книгой на тенистой
веранде, но... во всем сквозит
одно лишь настроенье — ожиданье.
И сердце так прерывисто стучит!
День бесконечен, —нечен, —нечен, вечен,
не шелохнутся стрелки на часах...
И все-таки приходит вечер
в начищенных высоких сапогах.
И все меняется. Как сладко
звучит оркестр! Огни горят!
Над танцевальною площадкой
висит недвижно виноград.
Затянутые в портупеи,
одевшись в папиросный дым,
скуластые сыны Арея
с улыбкой покоряют Крым.
«Любовь нечаянно нагрянет...
И каждый вечер сразу станет...»

Так они жили, не подозревая,
что все это — всего лишь хрупкий сон,
который, зная о себе, что сон,
горячие выталкивает слезы
меж слипшихся, чуть-чуть дрожащих век
у безымянных узников Плутона
в те мертвые минуты до подъема,
когда все звуки мира гасит снег.

ФОТОГРАФИРОВАНИЕ

В осеннем парке, где в предчувствии беды
стоят обнявшись
вислозадые Амур с Психеей, ты,
милая, со лба откинув челку,
наводишь на меня свой фотоаппарат.
Недобр его взгляд.
И кличка отдает погранзаставой — «Зоркий».

Озябший палец примерзает к кнопке...
Одно движение — и кубарем слетят
и ты, и я, и мраморные боги
в густую Лету, в бестолковый ряд
воспоминаний... Погоди! Назад
чуть отойду, чтоб задержаться на пороге.

Жизнь складчата, как старая портьера.
В одной из складок затеряюсь. Там
такой же беспробудно-серый
день;
долгий коридор;
по стенам
развешан пыльный коммунальный хлам;
сосед, переминаясь, дремлет в трубку;
не дозовутся Риту во дворе;
на кухне стол скрипит под мясорубкой;
и радио: «Сегодня в Бухаре...»

Застывшей скуки сладостное бремя.
Надежней и не выдумаешь крова.
Но клацает замок, надламывая время,
и входишь ты, и говоришь: «Готово».

* * *

Услышать дятла стук,
слегка натягивающий, как поводья, нервы;
крик петуха давно не первый; обернувшись
на горлицы протяжный стон,
уверенно сказать «кукушка»;
смотреть лениво, как скучает по косарю трава,
и краем глаза наблюдать пирушку горячих пчел,
а заодно
приземистую яблоню сравнить с несушкой.
Что потом?
Потом,
заметив лаз в кустах непроходимых,
стать на четвереньки
и, доверившись, как брату, проводнику-шмелю,
ползти тропой сырой, холодноватой,
неровной от корней деревьев
в густую облачность сирени.
Там задержаться...

...вернувшись, перемены сосчитать,
а к вечеру поближе
заставить взглядом немигающим стоять
неполную луну над голубятней с темно-синей
крышей.

В заботах немудреных встретить ночь
и, засыпая
под переборчатый сверчковый говор звезд,
дрожащих под восточным ветром,
вздыхать,
вздыхать...
и отрешенно бормотать: «Ах, жизнь моя —
степной пейзаж осенний с заводом
нефтеперегонным в центре...»

Одесса

Светлана КЕКОВА

К городам пробирается скверна
по лесам, по болотам и мхам,
как Юдифь с головой Олоферна,
как вино по собольим мехам.

Или мед, разрывающий бочки,
помещающий сладкую плоть
не в зрачке и его оболочке,
а в гортани, где слов проволочки
будут двигаться, жечь и колоть.

Та, кого узнают по походке,
держит голову в рваном мешке...
Мир отживший, лежащий в чахотке,
снова руки смыкает на глотке,
как часы на стальном ремешке.

Плодоносного дерева крона,
ствол могучий, свободный от ран,
снова выйдут на берег Кедрона,
где в зеркальных озерах гудрона
отражается башенный кран.

И тогда в плодоносных долинах,
в именитой нагорной стране
и в больших городах муравьиных
станет пусто и холодно мне...

* * *

Мы в воды медлительной Леты летим, как зерно
в борозду,
а три одиноких планеты в одну превратились
звезду,
и шкурою снежного барса лежит ослепительный
свет
Сатурна, Юпитера, Марса на теле озябших
планет.
Ручьи пересохшие немы. Землею бредет
караван,
волхвов в декабре к Вифлеему оптический
гонит обман,
а с крыш городских на просторе под шум
зацветающих лип
виднеется Мертвое море с прозрачными спинами
рыб.
Бредут вавилонские маги, им нет ни препон,
ни преград,
и тихо колышет в овраге черемуха свой
виноград,
колышет и кажется пьяной, и сладко цветет
курослеп,
а рядом, в избе деревянной, ржаной выпекается
хлеб.
Пора отправляться в Европу, посуду убрав со
стола:
там Кеплер, припав к телескопу, увидел, что
снова тела
Юпитера, Марса, Сатурна составили тело одно,
и море вздымается бурно, и рвется его полотно.
Друг другом питаются рыбы, нас время
прозрачное ест,
но вместо веревки и дыбы воздвигнут сияющий
крест,
и временной смерти проситель себя у
пространства крадет,
увидев, как снова Спаситель по Мертвому морю
идет.

* * *

Древесные птицы и гады морские!
Напялил народ колпаки поварские
и ждет: птицеловы расставят силки,
в кипящее море войдут рыбаки
и бросят тяжелые крепкие снасти,
и будут ныряльщики в устье реки
сомов теребить за усатые пасти.
Доставлена будет добыча к столу,
и повар возьмет поварскую иглу,
и сердце нащупает пойманной твари,
проколет его; небольшую пилу
наточит, о Божьей не думая каре,
распилит убитых животных тела,
огромную печь раскалит добела.
Ползите скорей, муравьи и жуки,
летайте, стрекозы, по белому свету,
лежите, ракушки, под илом реки,
текущей на юг и впадающей в Лету.
О лев муравьиный, сиятельный граф,
сидящий в воронке огромного мира,
ты видишь, как сборщик лекарственных трав
запутался в стеблях хвоща и аира?
Ты видишь, что птичьего горца тюки,
и бороды мха, и голов колпаки
в тиши бакалейных и мелочных лавок —
как рыбы, плывущие в волнах реки,
где водную пряжу прядут пауки
на круглые головы рыбных пиявок?

* * *

Щука ходит по кругу в горячей и мутной воде.
Муравейник молчит. Сохнет хвоя в его бороде.
Ты ему поклонись, ничего у него не проси,
лучше ягоду волчью, как мелкий орех, раскуси.
Волчий сок ее выпьешь и сразу увидишь ты,
как
засоряет пространство огромный коричневый
мак,
как его семена заполняют лощину и дол,
как рыбак у воды рыбе маленький рот проколол.
Рыбе рот проколол, а судьбу проворонил свою.
Муравьи в муравейник сухую несут чешую.
Только там я узнаю, протиснувшись в узкую
щель:
то не щука была, то была золотая форель.
Кто там плачет по-птичьи, кто жалобно телом
скрипит?
В доме, брошенном нами, вода ключевая кипит.
Кто-то делит пространство на множество мелких
частей,
кто-то душу мою отделяет от узких костей,
и несется она, освещая пространство, во мрак,
в те края, где повсюду царят муравейник и мак.

Саратов

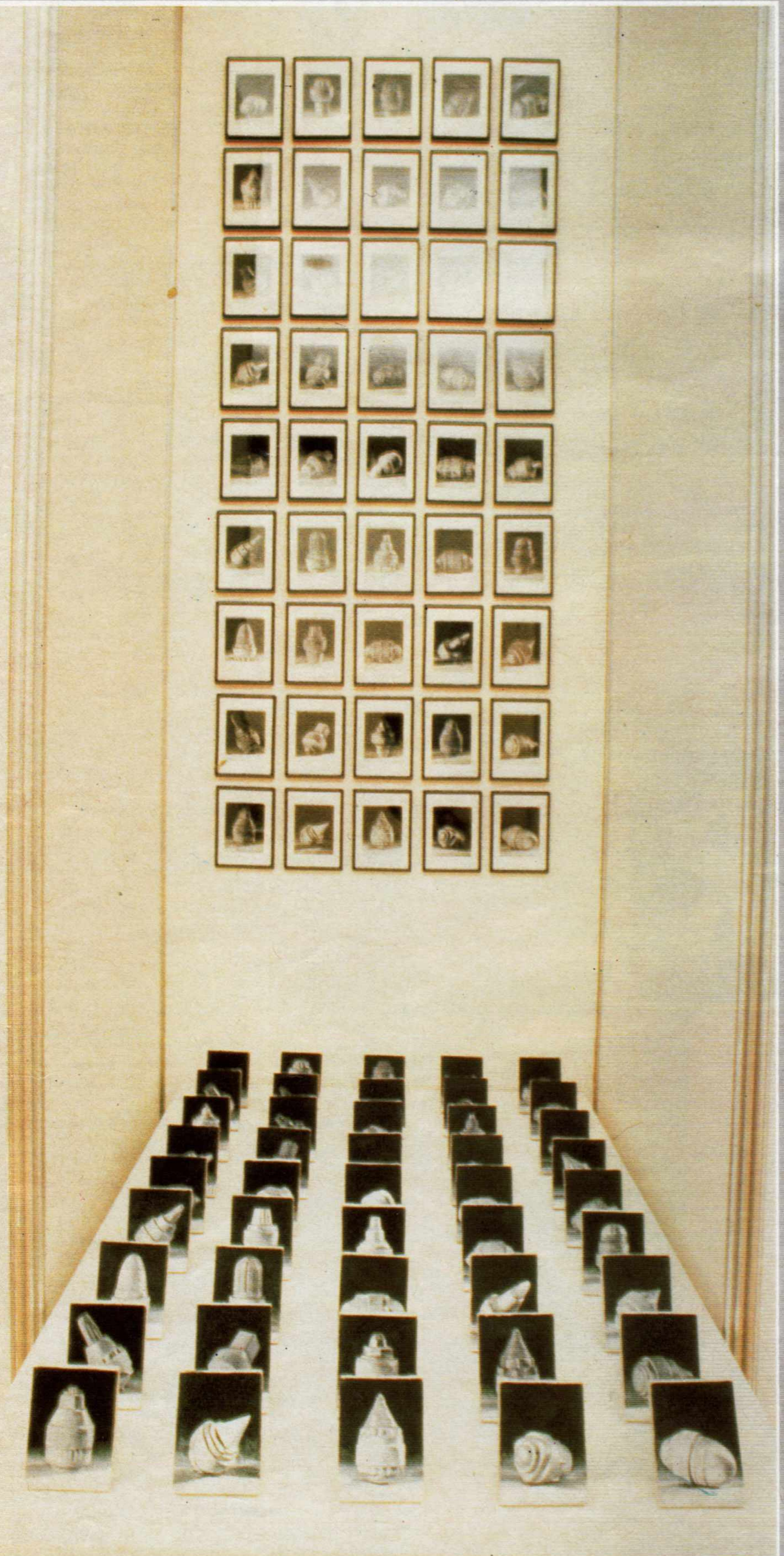
КОНЕЦ ВЕКА: ОБЗОРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК

ОГОНЁК

КРИЗИС ЖАНРА

А. Яхнин. ДЕТСТВО.

Фрагменты экспозиции выставки «Каталог».

Илья ЦЕНЦИПЕР

К. Латышев.
БЕЗ НАЗВАНИЯ. 1990.

ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ. 1990

Как и большинство критиков младшего поколения, признаюсь, я долгое время был увлечен концептуализмом. Этот роман начался, естественно, с книжек Ильи Кабакова для детей, продолжился отроческим интересом к поэзии Дмитрия Александровича Пригова и расцвел уже в перестроечные времена. Тогда я жил на полу у художников Абалаковой и Жигалова, уехавших за какую-то границу. Окна их квартиры смотрят на кинотеатр «Авангард». В квартире сложены тома МАНИ — Московского архива нового искусства, хранимого Жигаловым и Абалаковой с героической эпохи концептуализма. Ночами я глотал труднодоступную информацию.

Новую рубрику — обозрение художественной жизни — есть резон начать именно с разговора о концептуализме, занимающем исключительное место в московском искусстве. Тем более что выставки последних двух месяцев дают массу поводов: «Туда-Сюда» в Клубе авангардистов, «Каталог» во Дворце молодежи, «Шизокитай, или Галлюцинации у власти» в строительных павильонах ВДНХ, «За культурный отдых» на Петровских линиях, «Акт художественного противостояния» в Центральном Доме художника, персональные — Латышева и Яхнина в «Первой галерее».

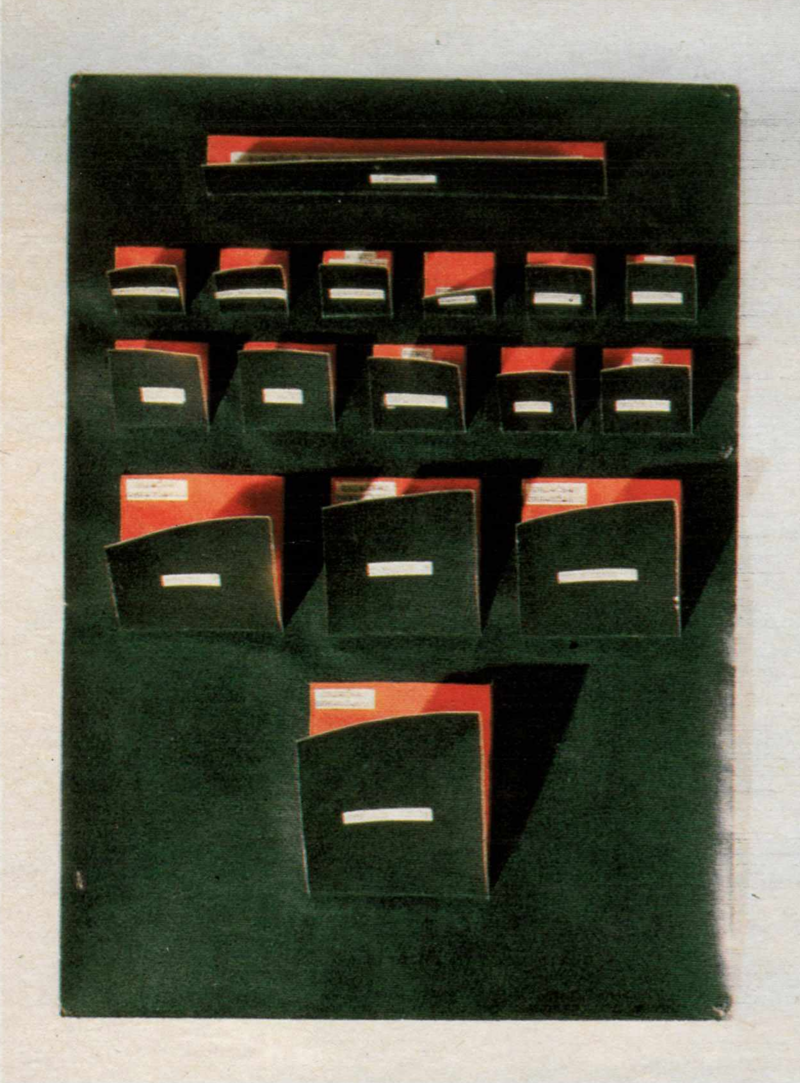
Попросту говоря, концептуализм — это распредмеченное искусство. Концептуалист может быть блестящим живописцем (как Чуйков) или превосходным рисовальщиком (как Пепперштейн), а может вовсе не уметь рисовать (как Монастырский). Для той практической эстетики, экспериментальной философии, которой и является концептуализм, пластические качества произведения безразличны. Впрочем, они могут иметь значение, но лишь как знаки пластических качеств.

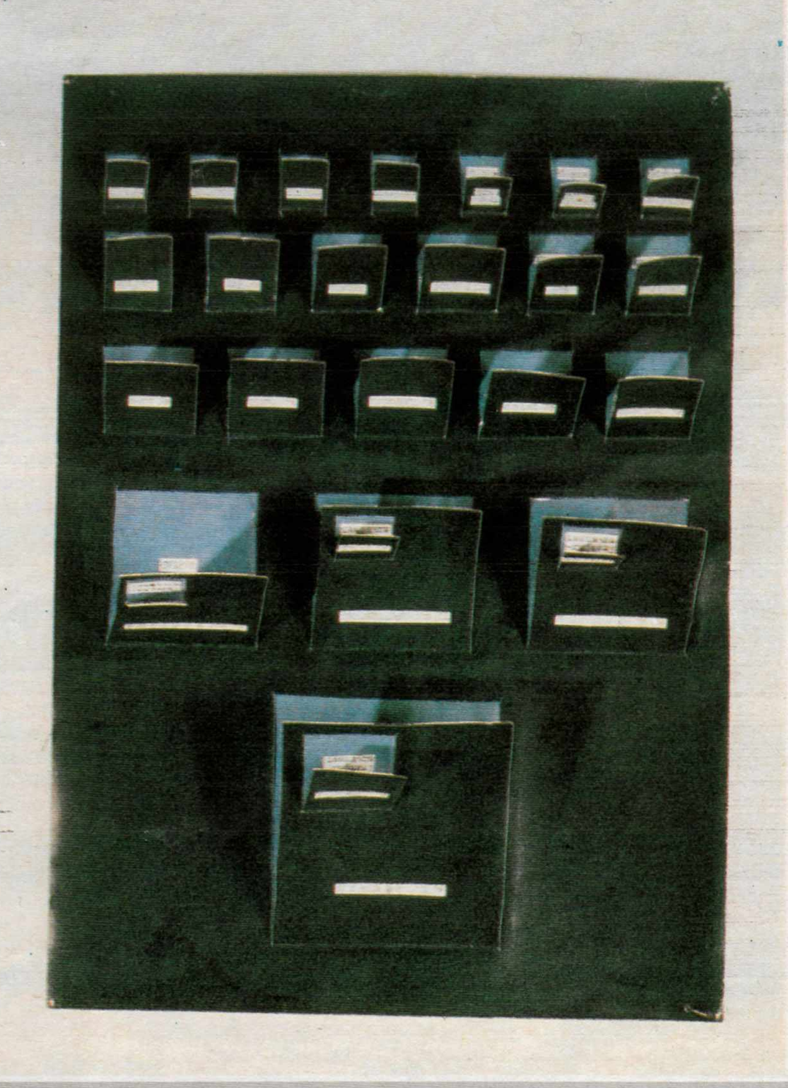
Наибольший интерес в Европе и в мире вызывали те русские художники, для которых картина не была изображением: от иконописи до «Черного квадрата» Малевича. К живописным же достоинствам русского искусства Запад, как правило, оставался безучастен — Александр Иванов или Врубель тому примеры.

С другой стороны, концептуализм с самого начала занимался местной проблематикой, российской культурной диагностикой и потому оказался куда менее провинциален в мировом контексте, чем ориентированные на «свободное искусство» эпигоны западных течений. Концептуализм несет свою русскую службу и в этом качестве интересен.

Наконец, концептуализм — это, собственно, единственная в Москве школа. Вместо выяснения отношений с традицией концептуализм позволяет выяснять взаимоотношения внутри концептуалистского сообщества, «номы». Своеобразный дефицит традиции ощущают на себе все остальные группы и течения, кроме школы, привлекающей уже четвертое поколение и создавшей собственную микротрадицию: Кабаков, Чуйков, Булатов, «Коллективные действия», Аптарт, «Медгермен-

Фрагменты экспозиции выставки «Каталог».

тевтика» и далее новые имена — Вика, Викуся, Таня.

Кстати, о девушках. Большое их число в последнем призыве концептуализма — недвусмысленный симптом кризиса. Появление девушек у нас всегда означает некоторую профанацию и начало не способствующей суровому творчеству сладкой жизни. Лучший вариант «девочкинского концептуализма» представляет Юля Кисина, в чьих альбомах умные слова Монастырского перемешаны с большеглазыми принцессами с последней страницы тетради по математике за восьмой класс,— вполне адекватно теме «девушка и концептуализм».

Разглядывая до боли знакомые лица на «черном» вернисаже «Каталога», изящной выставки, сделанной Катей Дёготь и Володей Левашовым иждивением «Синтез Интернэшнл», я размышлял о кризисе концептуалистского движения. И дело не только в чрезмерном интересе девушек. «Черный», богемный вернисаж — свидетельство растущей популярности концептуализма в широких массах. Не спасает и демонстративное равнодушие начальников «номы» к дешевой популярности: я раз пригласил Монастырского выступить по телевизору — он отказался. Вот ведь, кстати, и журнал «Огонек» о концептуализме пишет.

Концептуализм просачивается в жизнь. Вот история из этой самой жизни. Одна моя знакомая встретила концептуалиста. Концептуалист наводнил жилища ее родных и близких рукодельными спичечными коробками с концептуальными текстами: «Меня зо-

Выставка «Картины для неба»

Том Вессельман.
«СВЕТЛОВЛАСЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ» В НЕБЕ НАД ХИМЕЙДЗИ.

Арман.
БЕЗ НАЗВАНИЯ.

вут Андрей», «У негра чего только нету» или «Салют, козел! — Сам салют!». Теперь куда ни придешь — на любой кухне тебя ждут концептуалисты: от режиссера Васильева до Дуниной коммуналки.

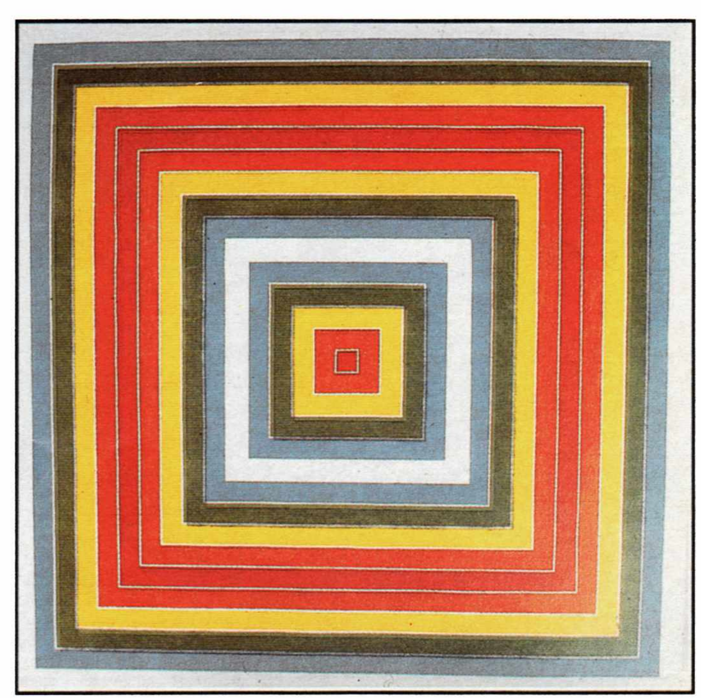
По мере же проникновения в массы концептуализм все больше превращается в набор приемов, штампов, то «юморных», то угрожающе-радикальных — и абсолютно бессмысленных. Превратившись в прием, жест концептуализма перестает быть жестом, быть концептуализмом.

У столпов же наблюдается некоторый кризис. Характерен сюжет «Каталога», — как метафоры и как структурного принципа, — замкнутого на себя, на «разборки» внутри сообщества и безразличного к внешнему миру.

Концептуализм кризиса — добротный, солидный, додуманный — предстает и на выставках Латышева и Яхнина в «Первой галерее». То, что делают эти два участника группы «Чемпионы мира», — «просто искусство», в отличие от той странной зоны классического концептуализма, которая «искусство только на пятнадцать процентов, в остальном же — болезнь и терапия одновременно», как сказал мне недавно один из трех участников наиболее интересного в последнем поколении концептуалистов объединения «Инспекция. Медгерменевтика».

Может быть, именно «Чемпионы мира» будут последними в истории концептуализма: попадать в «ному» становится с каждым годом все сложнее, дольше, утомительнее и унизительнее, подозрительность старожилов усиливается, новобранцы поддерживают дедовщину, рассчитывая отыграться в свое время. Дорогой, сделанный, усталый концептуализм Яхнина — как раз для финала.

Но хватит о концептуализме. Сегодня

Фрэнк Стелла.
РАСПИСНОЙ ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ ФРЭНКА СТЕЛЛЫ.

я не разбираю отдельных работ: мне хочется ввести читателя в курс дела, чтобы не разъяснять затем каждый раз, кто есть кто в концептуализме и что это такое. Приходится поэтому отказаться и от разговора о замечательно осуществленной Иосифом Бакштейном выставке «Шизокитай, или Галлюцинации у власти», показавшей, что в концептуалистских пороховницах есть еще порох.

В заключение скажу несколько слов о лучшей, может быть, выставке современного искусства в Москве за последние семьдесят лет. Я имею в виду «Картины для неба», экспонированные Институтом Гете (Осака) в Центральном Доме художника на Крымском.

История проекта следующая. В Японии есть традиция изготовления воздушных змеев из бамбука и бумаги, причем существует восемь, кажется, способов делать змеев разной формы. Организатор выставки доктор Пауль Ойбель пригласил несколько десятков художников мирового масштаба — от Стеллы и Армана до более известных московской публике Юккера и Кабакова — нарисовать, что захотят. Художники выбрали один из восьми вариантов плоскости (прямоугольник, круг с дыркой, восьмиконечная звезда и так далее), японцы сделали змеев, на них наклеили бумагу — и «Картины для неба», единственный раз запущенные в Японии, поехали в Европу и в Москву.

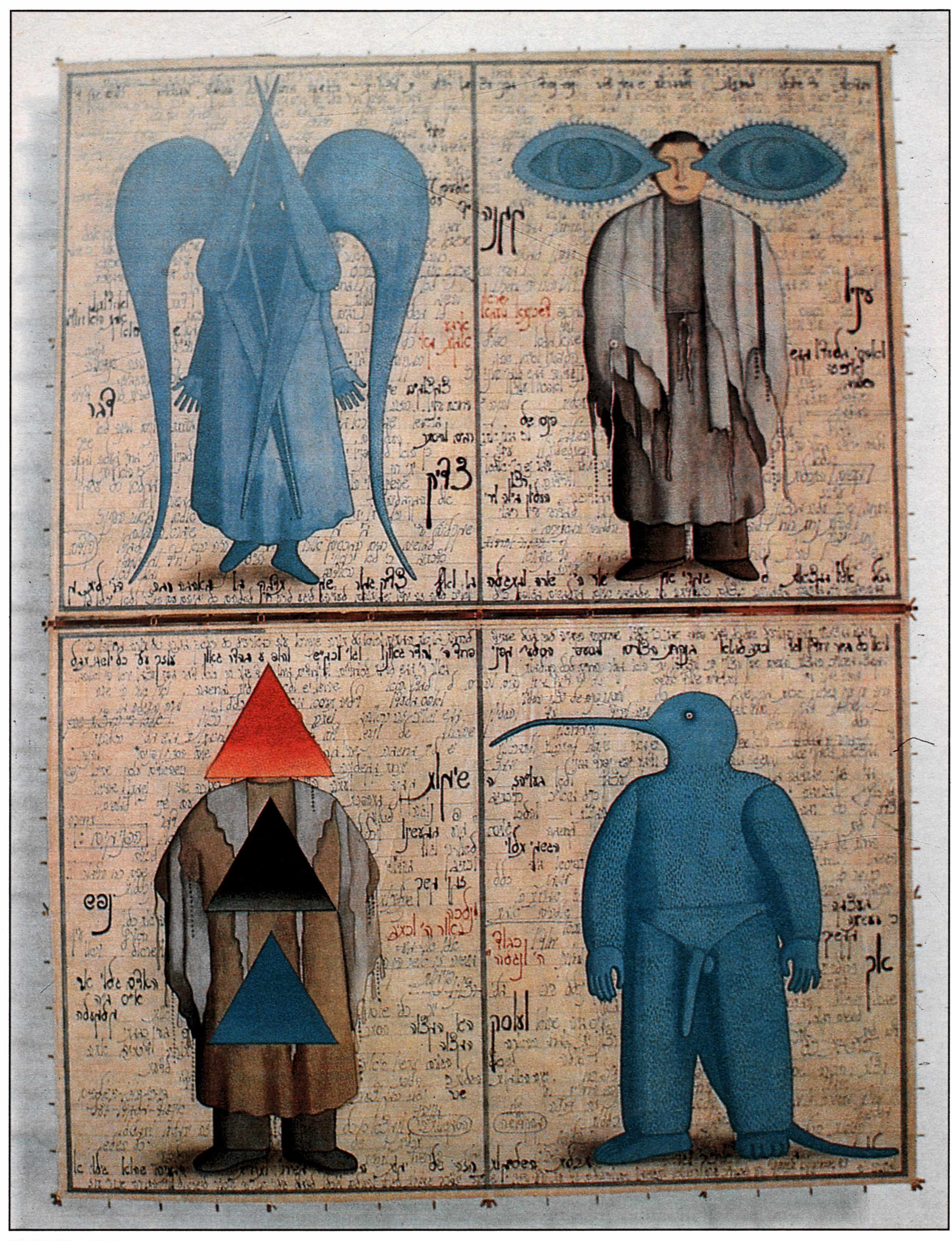
«Картины для неба» — это, конечно, главные работы представленных авторов, случайно оказавшиеся перед нами, в выставочном зале, а вообще-то предназначенные для показа Богу, или Ничто, или Вселенной, или, во всяком случае, для полета и для свободы — не для человеческих глаз. Поразительна легкость, с которой весомейшие философии и мировоззрения крупнейших художников мира прикрепляются к почти невесомым хрупким бамбуковым каркасам.

Советское искусство представлено на выставке Ильей Кабаковым, Эриком Булатовым, Георгием Литичевским, Игорем Копыстянским и Гришей Брускиным. Два первых имени принадлежат к главным именам концептуализма, так что можно окончить статью там же, где начали. Честно говоря, не только Булатов, в очередной раз повторивший свое излюбленное указание на небо, но и смешной проект Кабакова — сложенная на стуле одежда уцелевшего на змее автора — вызвали некоторое разочарование. Рядом с очень «неспециальными», невесомыми работами большинства участников выставки в проекте Кабакова чувствовалась некоторая натянутость, если даже не натужность.

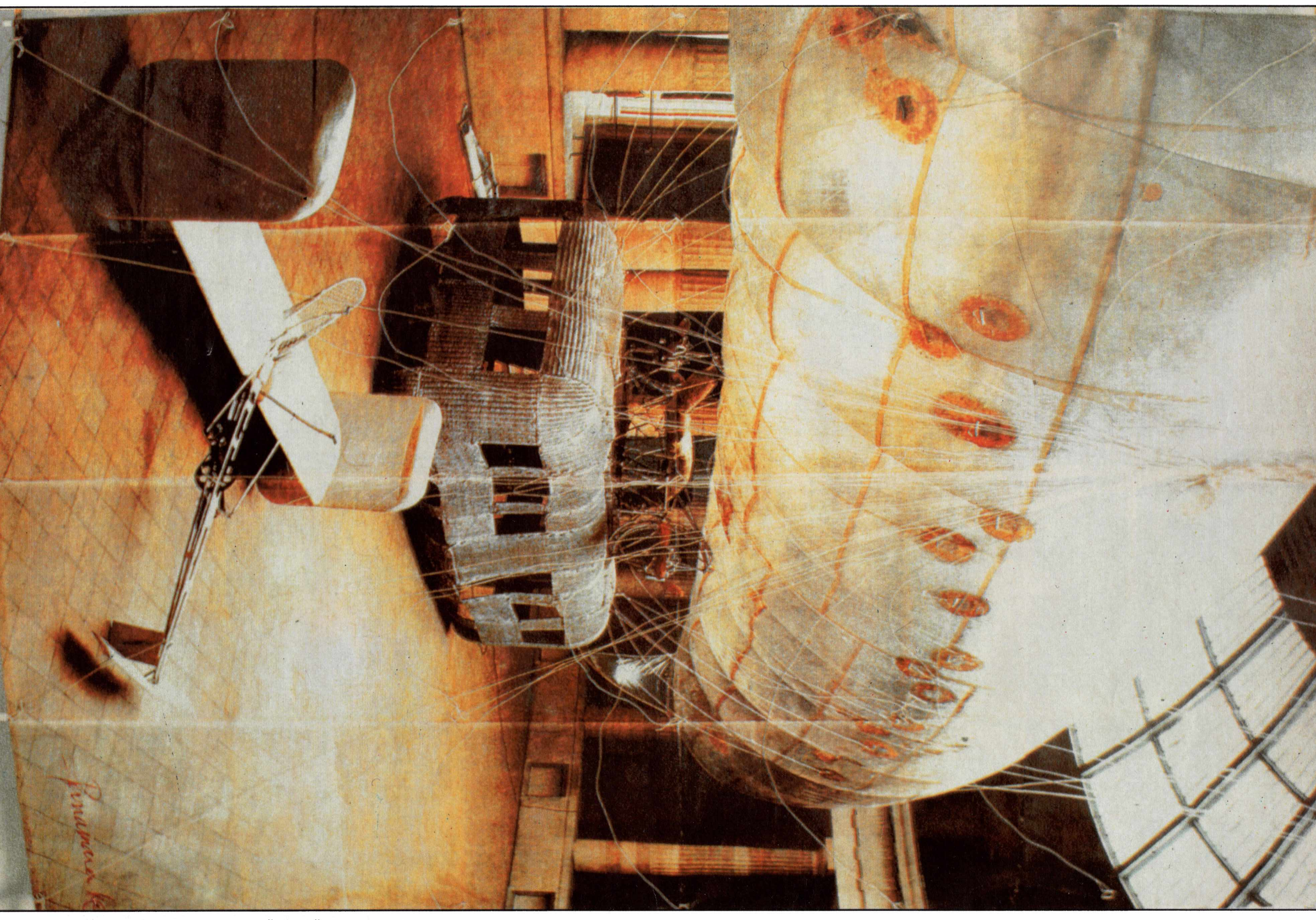
А вообще это было поразительно красиво: огромные змеи, пропускающие свет сквозь бумагу, тонко экспонированные — и призванные поднять к небу самые важные послания нашего времени...

Саломе.
БОРЦЫ СУМО В ВОЗДУХЕ.

Гриша Брускин.
ПОСЛАНИЕ.

Панамаренко. ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ АВИАМОДЕЛИСТА.

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава тринадцатая

О ПРЕЛЕСТЯХ МОРСКИХ ПРОГУЛОК, КРЕПОСТИ БУТЫЛОЧНОГО СТЕКЛА, БРЫЗГАХ КРОВИ И ФОРС-МАЖОРНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Товарищи, кольцо сомкнулось уже!
Кто верит нам, беритесь за оружие!
Дом горит, дом горит!
Братец, весь в огне дом,
Брось горшок с обедом!
До жранья ль, товарищ?
Гибнет кров родимый!
Эй, набат, гуди, мой!
«Известия», июнь 1919 г.

— Его превосходительство губернатор штата Канзас Рэй Хилсмен! — не растерялся я, хотя казалось, что сейчас на моих твердых руках загремят наручники.

Все кончено, finita la comedia, Алик, кранты, твоя песенка спета. А что, собственно, кончено? Что, простите, произошло? Все нормально, все о'кей, просто честный стукач ЦРУ Алекс расслабляется на яхте в компании с драгоценной невестой и не менее драгоценным соотечественником. Вот и все, леди и джентльмены. И спокойной ночи, леди, спокойной ночи, милые леди, спокойной ночи, спокойной ночи. Четвертый акт «Гамлета». Во всяком случае, смертоубийственная операция с прогулкой в Кале накрылась, это ясно. И слава Богу! Значит, Он все-таки есть, Он прислушался ко мне, Он внял моим мольбам. Он существует и спасает меня.

И я почувствовал радостное облегчение, стыдно сказать, счастье охватило меня, горло сжалось от волнения, хотелось взлететь на ангельских крыльях, парить в воздухе, кувыркаться и бездумно смеяться, плюнув на Великое Дело, на Кадры, на Бритую Голову и на весь свет. И проделал бы мелкая душонка Алекс все эти мерзкие сальто-мортале, если бы не жгла мысль: зачем приехал Рэй? Или Юджин был под наружкой и они засекли мой визит? Миниатюрный компьютер, заделанный в волшебный череп любителя лучшего в мире одеколона «Шипр», мгновенно проиграл все варианты и не нашел серьезного повода для беспокойства.

— Оказывается, у вас была помолвка... я хочу вас поздравить...— Рэй протянул чуть мокроватые, будто только что срезанные с куста, белые розы и церемонно поцеловал руку Кэти. «Roses blue and roses white plucked I for my love's delight»[1],— пропело в моих полушариях и уже не отпускало до самой ночи.

— Извините, Алекс, что я вас потревожил. Возникло чрезвычайно срочное дело. Дома вас не было, и я резонно решил, что вы уехали в Брайтон — ведь у вас тут родственники. Как видите, я не ошибся.

— Как вы меня разыскали?

— С огромным трудом. Сначала звонил по телефону полковнику Ноттингему, но его не застал. Тогда решил ехать прямо в Брайтон, и на этот раз полковник оказался дома... Он мне дал все ваши координаты.

Штатники пронюхали о планах Центра. Генри и Жаклин явились с повинной. Болонья и Пасечник наломали дров. Выдан план операции с Юджином или вся «Бемоль». Думай, Алекс, думай своей тыквой, только помни, что у страха глаза велики.

Я налил Хилсмену «гленливета» (пусть лишний раз узнает, что пьют приличные люди), и он погрузился в бокал с беспечностью человека, который явно не собирался меня арестовывать.

Шифровка, как чеканные строчки гениальной поэмы, сама собой сложилась в драгоценной голове, перечеркнутой белой молнией:

«Согласно вашим указаниям мною была начата известная вам операция в отношении «Конта». Удалось пригласить его на яхту и создать условия для отбытия в Кале[2]. Однако перед самым отплытием к нам неожиданно прибыл «Фред», и в этих обстоятельствах я счел целесообразным перенести мероприятие на другой срок. Том»[3].

И операция спокойно умерла, сыграли ей марш фюнебр Шопена, чуть покадили, окропили «гленливетом», и жизнь побежала дальше, как резвая лошадка,— шагай вперед, веселый робот!

Я исхитрился, ухватил момент и набормотал Кэти о великих достоинствах доброго волшебника Гудвина из Канзаса, своего партнера по бизнесу и отличного парня, на которого можно положиться. Кэти, однако, не вспыхнула от радости и не облилась слезами от счастья: она относила янки к расе неисправимых хамов, которые в свое время по-бандитски откололись от Британской империи, наплевали в душу своим и искорежили великий английский язык мерзким акцентом.

— Мы могли бы поговорить наедине? — шепотом спросил Хилсмен.

Я взглянул на Юджина, который безмятежно ворковал с Кэти, не подозревая, что милостивая судьба отвела топор от его шеи, и, наверное, радуясь, что теперь не нужно тащиться одному в поезде: Рэй, как все американцы, не отрывается от машины и подбросит его до Лондона. Вряд ли Рэй пропустил мимо внимания наш совместный вояж — в оперативной практике дружеские контакты агентов нежелательны и, во всяком случае, должны иметь санкцию начальства. Я, естественно, скажу, что звонил Рэю, хотел пригласить его на помолвку, не мог дозвониться, страшно расстроился из-за этого...

— Кэти, а куда запропастилась морская карта? Она лежала тут на столе... (Проходной цирковой номер Алекса на тройку с плюсом.)

— Ты, наверное, оставил ее в ангаре,— так она называла наш отсек в удлиненном помещении на берегу, куда яхтсмены в непогоду затаскивали небольшие яхты, а Кэти хранила разную утварь.

— Не хотите ли прогуляться со мною, Рэй? Я покажу наш ангар и заодно достану еще бутылку «гленливета» — у меня там тайный погребок. Когда Кэти меня выгонит, я собираюсь там жить. Что может быть лучше жизни на берегу моря! Целебный воздух, купание по утрам, шелест волн...

Мы выбрались из яхты и расслабленно, как два гуляющих старца-долгожителя, двинулись вверх, к строению.

— Чрезвычайное происшествие, Алекс! Ваши мальчики привезли сегодня утром два ящика на машинах, а потом на велосипедах довезли до тайников. Вели они себя спокойно и уверенно, не подозревая, что за ними следят. Мы обложили все место по первому классу, пришлось подключить к работе англичан... Затем они смылись на корабль, нас они больше не интересовали. Стали ждать ирландцев, ждали час, два, пять часов, но за ящиками никто не явился...— Хилсмен говорил таким укоризненным тоном, словно в непунктуальности террористов виноват был я.

— Может, ирландцы заметили наружку и отказались от операции?

— Исключено. Все организовано на самом высоком уровне, комар носа не подточит.

— Надо ждать, Рэй, другого выхода нет... Может, их планы изменились.

— Дело в том, что произошла накладка. Англичане, которых мы привлекли к операции, решили вскрыть один ящик. Мы не могли проводить операцию без них, ибо дела с оружием подпадают под законы Соединенного Королевства. Но они, оказывается, получили приказ премьер-министра... Через два дня в парламенте намечены дебаты о борьбе с терроризмом.

— Ну и что? Вскрыли?

— В ящике оказалось не оружие, а разный железный хлам! Вы поняли, в чем дело?

— Ничего не понял.— Сразу до меня, как ни странно, не дошло.

— Вся эта операция с ирландцами придумана Центром для вашей проверки, Алекс. Оба ящика — проверочные контейнеры. Они химически обработаны, и уже никак не показать, что они не вскрывались. Ирландцы — это «липа» Центра, вам тоже не даны указания о вскрытии. Кто же это сделал? Ясно, что спецслужба. Откуда узнали о тайниках и операции? Только от вас!

Напрасно разжевывал волшебник Гудвин, все я уже усек, блестяще сработали ребята: я-то, дурак, думал, что это всего лишь «красная селедка», чтобы отвлечь от путешествия с Юджином, а на самом деле Центр смотрел гораздо дальше и глубже, и меня «провалил», показав американцам, что не верит мне ни на йоту, что, естественно, укрепляло доверие ко мне американцев.

— Итак, вы сгорели, Алекс, и теперь не придется играть с Центром в «кошки-мышки».— Он все разжевывал мне очевидное.— Какие идиоты эти англичане! Я так уговаривал их не вскрывать ящик и подождать хотя бы пару дней. Правда, мы все равно бы вскрыли их рано или поздно.

— Что же будем делать дальше?

— Я связался сегодня с директором в Лэнгли, и мы пришли к общему заключению, что пора свернуть игру с Центром и максимально использовать ваше дело в политическом плане. Завтра же мы дадим сообщение в прессу о вашем разрыве с тоталитарным режимом и о просьбе политического убежища в США. Через месяц организуем пресс-конференцию... надеюсь, вы сможете задать хорошую публичную трепку вашей организации по конкретным пунктам, включая связь с ирландскими террористами. Нужны тезисы вашего выступления, я, конечно, понимаю, что у вас помолвка, но просил бы сейчас же выехать со мной в Лондон: директор хочет говорить с вами по телефону.— В голосе Хилсмена звучали хозяйские нотки, словно свободолюбивый Алекс уже стал вилкой или ложкой в огромном црувском буфете.

— Надо хорошо все обдумать... Такого поворота я не ожидал.

Мой завал, конечно, сделали красиво, но не покидало меня ощущение, что в этом деле одна рука не ведала, что творит другая: как можно совместить приказ о вывозе Юджина в Кале и смелое, даже изящное укрепление моих позиций в ЦРУ с помощью «разоблачения»? Последнее явно встраивалось в «Бемоль» и подталкивало меня ближе к Крысе. Пресс-конференция, гласность, возможно, зачисление в вожделенное ЦРУ на штатную должность,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—48.

[1] **«Голубые и белые розы собирал я на радость своей возлюбленной» — черт знает, где я подцепил эти строчки и почему они вдруг всплыли в памяти.**

[2] **Мне нравилось писать а la Чижик, так звучало торжественней и ласкало уши Центра.**

[3] **Полная туфта! Какой мог быть другой срок? Повторить операцию я уже не мог, но требовалось показать Центру, что я полон решимости выполнить Высочайшую Волю. О Бритая Голова!**

после всего этого доверие ко мне повышалось — ведь любой двойник всегда под сомнением. Конечно, надо немедленно ехать в Лондон и бодрым голосом сообщить о своем решении лопавшемуся от счастья директору.

И вдруг затаившийся в ребрах хриплый внутренний голос залопотал: ты на грани гибели, Алекс, не связывайся ни с пресс-конференцией, ни с политическим убежищем! Погубят тебя, Алекс, запутают, затянут в сети! И тут целая толпа: оскорбленная Кэти, сумасшедший Генри с браунингом в одной руке и своей профурсеткой — в другой, шуршащий Болонья, Пасечник с зернистой икрой, обманутый Юджин, разъяренные кот Базилио и лиса Алиса и даже строгая миссис Лейн с еще более строгим сеттером — вся эта толпа вдруг понеслась на меня, грозя кулаками и свистя. Беги, Алик, беги, пока тебе не оторвали голову, беги, пока не поздно.

— Что мы будем делать с Генри и Жаклин? — спросил я.

— Пока я не думал об этом. Все будет зависеть от вас, никаких документальных улик против них нет. Конечно, нам очень выгоден большой процесс о шпионаже Мекленбурга. Уверяю, что ваши бывшие коллеги подожмут хвост на несколько лет!

Я представил себя в сером костюме в белую полоску, толкающего покаянную речь в суде, с омерзительной рожей тычущего пальцем в Генри и Жаклин, сидящих на скамье подсудимых,— и комок тошноты подкатил к горлу. Веселенькая перспектива, ничего не скажешь, хватит рисковать, Алекс, подумай о своей драгоценной жизни, единственной и неповторимой, которую надо прожить так, чтобы не было... Хватит рисковать! Тебя уже несколько раз чуть не убили, какого черта играть с огнем? Вот они, два края, и ты, мечущийся между ними: на одной стороне самоличный приказ Бритой Головы об «эксе»[4] в отношении Юджина, на другой — маневр Центра с провалом, о чем, кстати, тебя никто не предупреждал. Камо грядеши, Алекс? Делай выбор, хотя и там, и тут сплошная мерзость, думай, Алик, не трухай, но и не забывай о главном — о своем долге. У тебя есть твердое указание Центра, разве ты уже не следовал за Юджином, сжимая взмокшей рукой баллончик аэрозоля? Решай, Алекс, не плавай, как дерьмо в проруби... Я сунул руку в карман за ключом и наткнулся на «беретту» — словно электричеством обожгло пальцы. Мы подходили к ангару, действуй, жалкая тряпка, слюнтяй, сопля! «Roses blue and roses white plucked I for my love's delight».

И грянул марш «День Победы», гремевший однажды на юбилее Челюсти в специальном зале ресторана. Певец в поношенном фраке пел тогда, выкатив грудь, прямо перед очами Николая Ивановича: «День Победы порохом пропах, День Победы сединою на висках», и юбиляр, который во время войны только пошел в школу, хмурил лоб и вздыхал, скромно опустив голову, словно вспоминал трудные дни, когда он и другие герои спасали Мекленбург и весь мир от коричневой чумы.

Марш оглушал меня, перемешиваясь со строчками о голубых и белых розах, я снял навесной замок и пропустил Хилсмена вперед.

— Посмотрите, какой уютный склад, Рэй...— И почему-то вспомнил дядьку, скомандовавшего взводу «Вперед!» и первым прыгнувшего со второго этажа семинарии (большинство поломали ноги, двое испугались, не прыгнули и были отчислены дядькой, а сам он схватил выговор за авантюризм в работе с кадрами).

Я ударил его по затылку рукояткой «беретты» — шмяк! — прикоснулся не сильно, как учили, но вполне достаточно, чтобы он кулем опустился на пол.

Рамону Меркадеру, когда-то проводившему «экс», было гораздо проще: он бил Троцкого альпийской киркой сверху вниз, а мне пришлось чуть встать на цыпочки и откинуться назад, чтобы замахнуться. *Прости мне, Господи, грехи мои. Прости мне, Господи. Вы слышали, что сказано древним: «не убивай»; кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону, а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. Прости, Господи.*

Ноги Рэя с задранными брюками нелепо высовывались из двери, и мне пришлось втащить его поглубже в помещение. Он застонал — прости меня, Господи, и спасибо Тебе, что он жив,— я достал баллон с аэрозолем и шуганул ему в нос сильную струю. Он снова застонал, глубоко вздохнул и погрузился в здоровый сон канзасского фермера — надолго, но не навсегда.

Я осторожно затворил дверь и повесил замок. Если лошадь украдена, слишком поздно запирать дверь конюшни. Назад пути нет, мосты сожжены, наш паровоз летит вперед.

Глубоко вдохнув пропахший водорослями воздух, я зашагал к яхте. День Победы сединою на висках...

— А где Рэй? Что-нибудь случилось? — дрогнувшим голосом спросила Кэти.— Что с тобой? На тебе лица нет!

— Кое-какие неприятности в Лондоне. Рэй пошел звонить по телефону, сейчас он вернется.

— Надеюсь, ничего серьезного? — вытянул свой носище Юджин, словно принюхиваясь.

— Мелочи жизни...— Философ и гуру Алекс ободряюще улыбнулся Кэти и пригладил пробор, наверное, так выглядел принц Гамлет после того, как пронзил шпагой Полония.

Марш играл и играл, голова моя и руки двигались по каким-то особым, им одним ведомым траекториям, словно меня, как куклу, дергали за ниточки — да это Маня подключился к игре и улыбался детской улыбкой, почесывая «ежик», а рядом Бритая Голова в простыне (баня или гарем?) и аскетичный Сам с томиком своих собственных гениальных стихов — все дергают за ниточки, играют в любимого оловянного солдатика... Теперь начнем все сначала: «Посмотрите, Юджин, какую мы устроили спаленку...» Начнем сначала, как на репетиции. Вспомни, как в семинарии ты с Чижиком играл «Идеального мужа», повторяли по несколько раз, и все во имя чистого отшлифованного английского языка.

Леди Чилтерн (я): Нет, Роберт, никогда.

Сэр Роберт Чилтерн — Чижик (с грустью): А твои честолюбивые мечты? Ведь ты мечтала об успехе — для меня?

Чижик все время забывал последнюю фразу, и я снова начинал: «Нет, Роберт, никогда!»

Прости меня, Господи, но ты сам покарал Иуду, а любой предатель — Иуда, чем бы он ни оправдывался. Самое главное — вовремя закрыть нос платком, руку вытянуть до отказа и для страховки чуть отвернуть лицо.

— Посмотрите, Юджин, какую мы устроили спаленку...

Он открыл дверь и вошел.

В голове моей «День Победы сединою на висках» врывался в «roses blue and roses white», одна рука сжимала в кармане баллон, а дура-другая сама по себе ухватила со стола остатки «гленливета» (хотелось хлебнуть, вот он, проклятый алкашизм!) — так я и застыл с занятыми руками и только тогда вспомнил о платке — что делать? — и, не успев пожалеть о третьей руке, бухнул его по голове «гленливетом» — не засыпать же нам от газа, мучаясь в объятиях друг друга!

Бутылка разлетелась на кусочки, виски и кровь обрызгали мне лицо и потекли за шиворот. Юджин рухнул головою вперед, задев руками лампу. Господи, прости меня, грешного, прости!

Пришел я в себя лишь от пронзительного крика Кэти, трясшей меня сзади за плечо.

— Полиция! — Она взывала то ли в никуда, то ли ко мне, то ли к морскому царю, мягко раскачивающему нашу шикарную посудину.

— Кэти! — Я достал злополучный платок и вытер им лицо и шею, использовал все-таки, хоть и не по задумке.— Кэти, не кричи, я должен тебе рассказать кое-что. Это очень, очень важно. Это касается не только нас с тобою, но и всего Соединенного Королевства (хотел добавить «и всего мира»).

В глазах Кэти застыл такой ужас, словно перед ней трепыхалась многоголовая гидра, она не слышала меня, и я прижал ее к себе.

Полная чепуха, что лучшие шпионы — это священники и женщины. Насчет Несостоявшегося Ксендза, быть может, это и правда, но у женщин всегда сдают нервы и слишком развита чувствительность, они эмоциональны, и от этого одни беды, знал я одну — конь в юбке,— и то ухитрилась втюриться во французского резидента, выдала все с потрохами, разворошила весь муравейник, потом раскаялась и сиганула с моста в Сену. Она была сильнее многих, целую сеть сплела из своих любовников, пока не зацапал ее Эрос.

— Я люблю тебя, Кэти,— шептал я, поглаживая ее, как перепуганную кошку,— люблю, люблю, люблю, ты у меня самая нежная, самая красивая, самая умная, я жить не могу без тебя, моя милая, моя любовь, моя судьба, успокойся, ничего не произошло, все будет в порядке, я все объясню, только не нервничай, моя дорогая, моя самая любимая, ну что ты испугалась? Я же люблю тебя, люблю, люблю...

Заклинания мои по своей бессвязности напоминали письма одной прекрасной дамы к Совести Эпохи, наградившего ее, то бишь даму, «сифоном», который он сам подцепил совершенно случайно во время поездки на грузовике (роман Совести с девицей-шофером был посильнее, чем в «Фаусте» Гете[5] или соблазнение Джакомо Казановой старой вдовы, пожелавшей вновь родиться мальчиком). Совесть обнаружил беду с опозданием, из честности и порядочности сообщил имена всех своих привязанностей требовательной медицинской службе (имени у девицы-шофера он не успел спросить), прекрасную даму вместе с мужем поставили на учет, но она все вытерпела, все приняла, как должное, все снесла, только в горящую избу не успела войти, и каждый день летели Совести сумбурные письма с «люблю, люблю, люблю», он читал мне их вслух, попивая водку, оставляющую размазанные пятна на тексте, и говорил: «Учись, Алик, учись! Постигай, что такое настоящий мужчина, что такое настоящая любовь!»

Я целовал ее лицо и плечи, я ласково прижимал ее к себе (серое атласное платье тут же покрылось кровавыми пятнами) и не мог оторваться, дьявол подталкивал меня к постели... Мы аккуратно обошли безжизненное тело Юджина и быстро, как изголодавшиеся коты, довели помолвку до логического конца, или, по Шакеспеару, «made a beast with two backs» — «сделали одного зверя с двумя спинами».

«О карамба, я еще опишу все это,— думал я, целуя ее и тоскуя,— мир еще узнает, что такое разведка, где долг, любовь, виски и кровь смешаны воедино, мир еще узнает, я вздымусь со дна подводного царства тайной войны, я выплыву оттуда, весь залепленный ракушками и водорослями, и поведаю миру об этом! Все поры души, годами придавленные конспирацией, задушенные и изведенные, вдруг раскроются, как белые цветки, и сорвет взбунтовавшийся Алекс сургучную печать со своего измученного молчанием рта, главное — успеть до цирроза, до инфаркта, до паралича».

— Слушай меня внимательно, Кэти. Я давно собирался тебе об этом сказать, но тогда мы еще не были так близки, как сейчас... Ты любишь меня?

— Да, да! — шептала она.

— Так слушай и не удивляйся. Ты была права: я плохо разбираюсь в торговле, папа правильно угадал... Не удивляйся, Кэти, но я работаю в разведке.

— Я так и думала! — И она прижалась ко мне еще крепче.— Я люблю тебя, Алекс!

— И я тоже,— сказал я.— Я очень, очень тебя люблю, Кэти. Я не могу без тебя, и я счастлив, что мы повенчались. Я всегда буду с тобой, Кэти,— жужжал я, уже сам поверив в это.

— Да, да,— шептала она, словно боясь разбудить окровавленного Юджина.— Да, да...

— Ты даже не спрашиваешь, в какой разведке я работаю...

Она словно очнулась после летаргического сна.

— То есть как? Разве не в Сикрет Интеллидженс Сервис? — Вот таким патриотом я выглядел в ее глазах! О женщины! Глупые птичьи головки, ничтожество вам имя, доверчивые щенята — вот вы кто!

— Конечно. В Сикрет Интеллидженс Сервис, в четвертом бюро по иностранным операциям.— Нес я всю эту муру, прекрасно зная, что широкой публике так заморочили голову байками о шпионаже, что чем больше идиотски-сложных названий, тем глубже доверие.— Кэти, нам срочно нужно плыть в Кале, за мной погоня... меня об этом предупредил Рэй... положение очень сложное.

— А Юджин? Зачем ты это сделал?

Она уже совсем очнулась и с ужасом смотрела на распростертое тело Юджина.

— Юджин — агент враждебной службы, он заслан сюда с подрывными целями... он пытался меня отравить. Рэй поручил доставить его в Кале, там его ждут наши французские коллеги — до этого он совершил преступление в Гавре[6].

— Может быть, вызвать полицию?

О, это вечное, чисто западное уважение к Закону, эта слепая вера в его незыблемость и правоту, полное непонимание норм кристально чистой пролетарской Морали — единственной судьи всех и вся. Яхту покачивало, набережная Брайтона сияла огнями, времени было в обрез — за работу, шпион, и горн, и барабаны, барабаны, барабаны!

— Не беспокойся, Кэти, с полицией все согласовано, сейчас мы приведем его в порядок...— Я тронул Юджина рукой, и он застонал.— Видишь, он жив, не волнуйся, Кэти. Где у тебя бинт? Скажи, где бинт, я перевяжу его сам, а ты включай мотор и становись к штурвалу! Только быстро, нельзя терять ни минуты!

Она убежала на палубу, мотор вздохнул, мягко

---

[4] «Эксами» до мекленбургской революции деликатно называли экспроприации собственности, а точнее, вооруженные налеты на почтовые поезда с деньгами, взрывы и ограбления банков, столь необходимые для жизнедеятельности руководящего ядра во главе с Учителем в целебной Швейцарии и других жемчужинах обреченного капитализма. После революции «эксами» стали называть любые острые мероприятия, включая удушение подтяжками, выстрел в затылок или увоз с кляпом во рту из Рио-де-Жанейро, где все ходят в белых штанах, в родимый Мекленбург для свершения справедливого пролетарского суда.

[5] «Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гете»,— сказали Усы о «Девушке и Смерти» Буревестника, «тут любовь побеждает смерть, а не наоборот». Видимо, эта мысль озарила Усы после того, как он довел до самоубийства (если не убил сам) свою жену.

[6] В Гавре, в Рио-де-Жанейро, в пустыне Сахара, на памятнике виконту де Бражелону, на крыше — все легко сходило с рук: и красная опасность, и рука Мекленбурга давно вошли в кровь и плоть англосаксов, все это постоянно подогревалось и прессой, и контрразведкой. Впрочем, под родными осинами ребята тоже не лыком были шиты и умело надували пузыри о западных происках.

взял первые обороты, и мы отчалили, освещая темнеющие дали прожектором, которому помогала несколько мрачноватая луна.

Я перевязал голову Юджина — в бинтах он выглядел как Дед Мороз на даче у Большой Земли, к снежной физиономии которого присобачили неестественно огромный красный нос. (Я вспомнил, как целовал Римму в снегу.) Я оттер его рубильник от крови, вытер все лицо тем самым пресловутым платком, о котором забыл в критический момент, что, собственно, и привело к кровопролитию, с трудом перетащил на ложе, снял забрызганный кровью костюм и рубашку, перекрутил ему руки веревкой и привязал к кровати.

Все его испачканные вещи вместе со своим любимым костюмом я завернул в простыню, привязал к тюку якорь и выбросил в морские глубины на радость Нептуну и золотым рыбкам. На яхте находились кое-какие шмотки, я быстро переоделся и принес Юджину спортивный костюм.

— Какая вы все-таки сволочь[7]! — сказал он вдруг тихо.— Я предполагал, что вы сволочь, но не думал, что до такой степени. Дайте мне что-нибудь от головы...

Я достал таблетки.

— И воды!

Я положил ему таблетку на язык, приподнял голову и поднес стакан к губам — просто брат милосердия, спасающий ближнего и кормящий его своей собственной грудью.

— Какой я дурак! — вздохнул он.— Тюфяк! Я всегда подозревал вас, но потом перестал. И вот результат: попался как кур в ощип! Но я не думал, что вы такой негодяй, чтобы делать все это в день помолвки. Что вы сделали с Рэем? Убили?

— Что за ерунда! И вообще это вас совершенно не касается. Лежите себе спокойно.

— А ведь я вам поверил... Я действительно поверил, что вы порвали с Мекленбургом. Дурак я все-таки, ужасный дурак! — причитал он.

Яхта уже набрала скорость, за иллюминаторами свистел ветер, Хилсмен мирно храпел в ангаре на берегу, Базилио и Алиса, видимо, обсуждали мой переход на сотерн как добрый знак на пути к полному семейному счастью и радовались за Кэти, неизвестный Летучий Голландец, на котором собирались ласково побеседовать с Юджином, уже, наверное, бросил якорь в Кале, и на все это щедро выливала свой мутноватый свет маячившая над нами луна.

— Вы еще пожалеете об этом, Алекс... Вы еще пожалеете! Зачем вы это делаете? Вы даже не представляете, какую роль вы играете... Вы же пешка в чужих руках... Сука ты последняя,— перешел он на более эмоциональный сленг,— сука ты, вот ты кто!

Я вышел на палубу, подошел к Кэти сзади и нежно поцеловал ее в шею.

— Как Юджин? — деловито спросила моя боевая подруга, прижимаясь ко мне спиной, видимо, в ней проснулась душа полковника Лоуренса, спасающего Британскую Империю от происков турок.

— Он пришел в себя, все в порядке. Тебе не холодно? — Заботлив я был до приторности, самому стало противно.

— Постой немного у штурвала, я достану меховую куртку.

Я вгляделся в непроходимую тьму, слегка просвеченную головным прожектором яхты, и прибавил ходу — вдали мельтешили пляшущие огоньки французского берега, по времени мы вполне укладывались в железные указания Бритой Головы. Точность Алекса высоко ценилась в Монастыре, точность всегда была культом: перед началом совещания Маня многозначительно смотрел на часы, а опоздавших обливал таким ледяным презрением, что они проходили на цыпочках и боялись громыхнуть стулом. Правда, как всегда в Мекленбурге, за точностью следовала безалаберная говорильня, не ограниченная никаким регламентом, которую Маня — отдадим ему должное — увенчивал неким пространным резюме (он говорил «резюмэ»), лишь отдаленно связанным с предметом дискуссии.

Через несколько минут Кэти вернулась, переодевшись в куртку и исторические ботфорты, перевернувшие мозги баловня лондонских клубов.

[7] **Тут он не ошибся. Правда, у меня тоже были некоторые претензии, когда он зажал мне нос тряпкой в Каире.**

— Юджин говорит, что ты мекленбургский шпион и получил задание вывезти его из Англии.— Глаза ее смотрели настороженно.— Между прочим, папа тоже считал, что ты мекленбургский шпион![6]

— Леопард не может сменить своих пятен (у нас это переводится вроде как «горбатого могила исправит», ужасно просто с этими переводами!). Ты его больше слушай, он может наговорить с три короба! Ему лишь бы спасти свою шкуру! Если хочешь, спроси у него об ирландцах, с которыми он взрывал пластиковые бомбы в Лондоне,— эти акции вызывали ненависть у всех англичан.

— Значит, он связан с террористами! — Кажется, Кэти совсем выплыла из транса и на глазах превращалась в знакомую следовательшу с перхотью на плечах, которая в свое время выжимала из меня все соки.

Я еще раз поцеловал ее в шею, на этот раз спина ко мне не подалась и словно затвердела — кровь, видимо, отлила к милой головке,— ищейка мчалась вперед, вертя черной пуговкой носа, все остальное ей было до фени.

Я поспешил вернуться в спальню.

— Что вы там болтаете, Юджин? Хотите испортить со мною отношения?

— Какая вы сволочь, Алекс! — Видно, ничего свежее и оригинальнее не приходило ему больше в забинтованную башку.

— Давайте смотреть на вещи трезво, Юджин. Я ничего не имею против вас, вы мне даже симпатичны... но вы же не дошкольник. У меня есть задание. Оно очень просто: вывезти вас на беседу в порт Кале.

— И там прикончить!

— Ничего подобного. Вы сами должны быть заинтересованы в этой беседе... Я не в курсе дела, но предполагаю, что речь пойдет о серьезных вещах. Поверьте, я ваш друг...

— Послушайте, Алекс, не морочьте мне голову. Таких друзей, как вы...

— Хорошо,— я старался говорить спокойно,— но не забывайте, что мы имеем право предъявить вам претензии. По всем канонам и по уголовному кодексу вы являетесь предателем родины!

— Это я-то предатель родины? — вдруг заорал он.— Это ты, сволочь, предатель родины вместе со своими жирными псами! Это вы обобрали народ, довели его до ручки, выпили из него кровь! Я ничего не выдал и никого не предавал!

— Только без эмоций! Взгляните на все разумно, не как человек пишущий, а как профессионал...

Меня его бурные всплески особо не взволновали: к жирным псам я себя не причислял, кровь народную не пил и служил своему народу честно, как солдат. Что было еще делать? Звать Мекленбург к топору? Уже звали и дозвались.

Вся страна от столицы до самых до окраин вкалывала на заводах, поднимала урожай, создавала ракеты и ядерные бомбы, и ничем они не лучше меня, я служил своему народу, и точка. Любое правительство всегда подонки, но не терзает же себя агент ЦРУ из-за того, что президент Никсон — обманщик и интриган, устроивший Уотергейт! Правильное ты делаешь дело, Алекс, великое дело, без темных делишек нельзя, чистоплюям всегда достается за парение в небесах, они проигрывают, а побежденным, как говаривал Бисмарк, победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать.

— Послушайте, Алекс, будьте благоразумны, отпустите меня. И сами сматывайте удочки, вас же прикончат... я не сомневаюсь...— Тут он уже явно запугивал меня, в борьбе все средства хороши. Впрочем, я и сам догадывался, что старуха смерть гоняется за мною со своей острой косой, глаза он мне не открывал.

— Хватит блефовать, Юджин! Если мне действительно кто-то угрожает, то говорите конкретно и прямо! Что вы все время юлите и недосказываете?

И снова в памяти выплыл сосед по этажу — задницеподобный Виталий Васильевич, который темнил мастерски: «Как чувствует себя Самый-Самый?» — «Чудесно! Даже рюмку иногда пропускает (перепугался, что сказал лишнее)... когда, конечно, дел нет!» — «А западная пресса пишет, что он тяжело болен!» — «Да что вы! Где вы читали?» — «Да у нас на Севере эти проклятые голоса плохо глушат...» — «Больше их слушайте, они сплетни пускают, лишь бы нам поднагадить...» — «Пишут даже об отставке по состоянию здоровья...» — «Да он на водных лыжах катается! Все решает сам, и знаете, иногда поражаешься, как глубоко смотрит... прямо в корень. Не специалист, казалось бы, а сто очков даст любому специалисту и во внешней политике, и по сельскому хозяйству!»

[6] Старый козел!

— Я не могу назвать имя, это опасно и не нужно. Поверьте мне на слово.

— Почему не можете? — Я не слезал с него.

— Вы мне все равно не поверите, решите, что я опять блефую. Зачем вам имя? Хотите выслушать правду? Развяжите меня!

Я снял с него веревки, вынул «беретту» и приказал надеть лежавший рядом спортивный костюм.

— Валяйте! Рассказывайте! — сказал я и умышленно зевнул, сверкнув белыми зубами. До Кале еще было плыть и плыть. Сейчас он навешает мне на уши, ведь, когда на горло наброшена петля или к сердцу приставлен пистолет, любыми средствами нужно найти выход и улизнуть. Даже архипринципиальный Учитель, когда его в 1918 году прихватили на дороге бандиты, не стал с ними спорить и моментально отдал кошелек со златом, что впоследствии возвел в теоретическую мудрость.

— Так слушайте! — начал он.— Короче говоря, меня завербовали, и не какая-нибудь западная разведка, а свои...

— Что-то я не совсем понимаю. Что за ерунда? — Такой фигни я от него не ожидал даже при форс-мажорных обстоятельствах.

— Вербовка была проведена сотрудником Монастыря, одним очень влиятельным человеком. Собственно, это была не официальная вербовка. Он просто привлек меня для выполнения своих личных поручений. Знакомы мы были давно, одно время частенько встречались... Началось это вскоре после моей эпопеи с Карпычем, когда я поступил работать в Монастырь. Он очень часто одалживал мне деньги, правда, я их всегда вовремя отдавал... Тогда я еще был холостяком, жил один, и я ему был нужен, как владелец хаты, куда он водил своих подружек. Однажды я случайно переступил грань... Дело в том, что я собирал самиздат, причем самый что ни на есть политический, в общем, хранил дома небольшую крамольную библиотеку. Однажды по пьянке я разоткровенничался и стал хвастать ею перед своим другом, на следующий день пожалел, но что делать? И эта тайна легла между нами, ни разу мы о ней не говорили, хотя она постоянно витала в воздухе. По работе я подчинялся ему, и вот однажды он мне говорит: «У меня есть очень важное и секретное поручение для тебя, никому об этом говорить не надо, все должно быть сугубо между нами». У меня и мысли не мелькнуло ему отказать, я исходил из того, что выполняю одно из заданий Монастыря, тем более что его просьба оказалась очень простой: передать письмо человеку в широкополой шляпе типа «Генри Стэнли», который сядет на скамейку в одном сквере. Был и пароль. Вскоре последовала другая просьба: отнести пакет по указанному адресу. Дверь мне открыла женщина, довольно хмурая и неприветливая, взяла пакет, поблагодарила и передала для него небольшое письмо в конверте. Откровенно говоря, я не придавал особого значения этим поручениям, воспринимал их, как любой из нас, и не задавал лишних вопросов. А он мне однажды и говорит: «Вот у нас с тобой и появились свои собственные тайны, правда?» О его тайнах в то время я еще не догадывался и принял все на свой счет, то бишь на библиотечку, ведь за хранение запрещенной литературы полагался приличный срок. Целый год я передавал пакеты или контейнеры незнакомым людям и соответственно что-то забирал у них, я был убежден, что он ведет особую работу по линии Монастыря, в этом у меня не было никаких сомнений.

Однажды он вручил мне увесистую пачку денег, и это меня удивило, ведь существовали бухгалтерия и прочие финансовые органы, а тут, как на базаре,— из рук в руки. Но он добавил: «Наша работа носит чрезвычайно секретный характер, и мы нигде не фиксируем ее официально. Этого требует конспирация». Такое объяснение показывало особое доверие ко мне, и я даже возгордился.

Все началось за полгода до моего побега. Поздно вечером я зашел к нему в кабинет без всякого предупреждения, секретарша из приемной уже ушла, дверь я открыл тихо, не постучался, и он не заметил меня, поскольку весь углубился в работу, сидел над стопкой документов и водил по ним пачкой «Мальборо». Вам, Алекс, не нужно объяснять, вы сами, наверное, не раз пользовались этой мини-камерой, закамуфлированной в пачку,— никаких подозрений, сидишь себе за столом, водишь ею по документам, покуриваешь и делаешь незаметно свое дело. Единственный недостаток заключается в том, что она берет лишь половину обычной страницы, поэтому приходится тратить много времени.

Он поднял голову и увидел меня — ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя он сразу оценил всю обстановку. Все же перед ним стоял профессионал, который прекрасно понимал, что в своей собственной стране нет необходимости фотографировать документы таким способом, если не опасаешься, что тебя засекут. Документы в сфотографированном виде предназначались для иностранной разведки, в этом у меня уже не было сомнений. Тут же я трезво оценил свои функции связника в его операциях и понял, что он использует меня «втемную» в своих целях. Вы уже наверняка поняли, Алекс, что я человек доверчивый и довольно слабый, что бы вы сделали на моем месте? Явиться с повинной и все рассказать? О самиздате, о работе связником на иностранную разведку? Признание в шпионаже? Думаю, что меня тут же расстреляли бы. Его, конечно, тоже, но ведь от этого не легче. Что оставалось делать? Ничего. Я не подал виду, что заметил «Мальборо», и продолжал выполнять его поручения. И так работал бы на него и до сих пор, если бы он не попытался меня убрать. Это он пустил газ у меня на квартире...— И Юджин закашлялся от избытка эмоций.

Крыса! Я вышел на Крысу! Вышел неожиданно, искал в одном месте, а нашел в другом — вечный парадокс разведки. Но может, он врет? Играет ва-банк? Это же в его манере, думай, Алекс, думай! И все-таки ты чертовски удачлив, мой друг: казалось бы, все планы «Бемоли» и поимки хитроумной Крысы разлетелись в прах — все заслонил этот проклятый вывоз Юджина в Кале, перевернул все вверх ногами,— и вот тучи рассеялись, выглянуло солнышко, и обернулась «Бемоль» лебедем и грандиозным успехом, вот она, Крыса, сидит себе, улыбается, шевелит усами, водит «Мальборо» по документам... «Вдруг волшебник, плут отпетый, явился, в пестрый плащ одетый, на дивной дудке марш сыграл и прямо в Везер крыс согнал!»

— Но где доказательства, Юджин? Как можно все это доказать?

— Во-первых, я помню все адреса и тайники, которыми пользовался. Во-вторых, мои показания тоже что-то значат. Наконец, вы представляете себе весь размах утечек в Монастыре? Провалы целых резидентур, появление липовых агентов, которые снабжали нас дезинформацией? Остается только все сопоставить...

Все я представлял, все я понимал, ведь не для забавы вызывали меня на большой ковер и везли прямо с аэродрома по утренней столице в высочайший кабинет, выходящий окнами на памятник неподкупному и железному Несостоявшемуся Ксендзу. Крыса, наконец-то Крыса! Но почему он ходит вокруг да около, как кот вокруг блюдца с горячим молоком, почему не называет имени?

— Договаривайте до конца, Юджин! Имя!

— Этого я не сделаю. Во-первых, вы мне не поверите, свяжетесь с Центром, и это дойдет до него. Но главное не это. Я хочу гарантий. Вы должны меня отпустить. Баш на баш: мне — свобода, а вам — этот предатель. Могу я встать?

— Только не валяйте дурака! — Я легко поиграл «береттой».

Он встал и захромал по спаленке, разминая ноги. Вряд ли он врал, ведь я и сам читал о человеке в шляпе «Генри Стэнли» в его личных бумагах. И поступил он верно: какой же идиот подставляет голову под топор? Конечно, расстреляли бы вместе с Крысой. Хотя...

— Я даю вам слово, что, если вы назовете имя, это вам зачтется. Клянусь честью! — сказал я твердо, даже торжественно, будто объявлял о начале собрания.

Он лишь хмыкнул:

— Бросьте, Алекс, не берите грех на душу! Я еще с ума не сошел, чтобы верить на слово. Да еще когда дело касается Мекленбурга, где все построено на бессовестности! Только баш на баш. Имя я вам сообщу, когда буду на свободе.

— Он часто приходил к вам на квартиру? С кем он был в последний раз? И как вы не заметили, что он открыл конфорки?

Не было у меня следственных навыков, сюда бы сейчас дядьку, который хвастался, что в молодости раскалывал любую контру, одного трудного субчика из антиусатой оппозиции допрашивал шесть ночей, сам изнелся и его довел до ручки, но тот не дрогнул. И тогда дядька сделал ход ферзем: «Если не сознаетесь, то я вас выпущу!» — «То есть как?» — «Выпущу, и ваши арестованные друзья справедливо решат, что это вы их завалили!» И полился из голубчика водопад признаний, ничего не утаил, очень боялся презрения товарищей.

— Споил он меня, поэтому я и не заметил ничего...— бормотал Юджин.

— А с кем он был? — не отставал я.

— С разными... Жратву приносил с собою из своей кормушки: и кету, и буженину, и разные салями, икру притаскивал, даже сыр рокфор, все аккуратно нарезано, видимо, просил в буфете. И бутылку шампанского, пил он мало... Почти все оставалось, мне на неделю хватало...

— И с кем же он был тогда, когда пустил газ? — Я знал, что лечу в пропасть, но ноги сами тянулись туда, и толкать меня не надо было.— С кем он?..

— С одной рыжей бабой... любительницей Хемингуэя... она не представлялась. Он с ней часто бывал, правда, и других хватало. Однажды я слышал из кухни — они меня туда выставляли,— как она смеется над своим мужем: мол, помешан на кладбищах, готов там дневать и ночевать. Я еще тогда содрогнулся: какой цинизм! А муж-дурак, наверное, ей верит... Впрочем, как писал ваш любимец Шекспир: «Женщине, которая не умеет обмануть своего мужа, не давайте кормить ребенка, ибо такая непременно выкормит дурака».

Много он обо мне наслушался, слишком много, дружок и начальник кое-чем с ним делился, да и сам он ушами не хлопал и много усек, пока они... Молчал, гад, скрывал от меня, пока не приперло...

Я ударил его хуком справа, поддел аперкотом и сбил с ног. «Врешь! Зачем ты, сука, врешь?» — Я бил его ногами, пока он не замолчал.

За что ты лупцевал его, Алекс? Ты же ноги должен ему целовать, памятник при жизни поставить! И тебе поставят, Героя дадут — ты же сам мечтал, что в деревушке, где еще пара старух помнит твоего настоящего отца, установят твой бюст, и приедешь ты туда, и пойдешь, опираясь на палку, по грязной дороге, окруженный любопытствующими ребятишками, а потом сядешь за стол и начнешь рассказывать байки из своей яркой шпионской жизни. Выше нос, Алекс, ты нашел Крысу, ты реализовал операцию «Бемоль», а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...

Но как простенько и красиво завербовала Крыса этого дурака Юджина! Ведь и тебе, Алекс, приходилось не раз вербовать под флагом чужим: то от имени транснационального концерна, заинтересованного в экономической и политической информации (надо же знать мировую конъюнктуру!), то от лица пацифистов, осуждающих НАТО. Красиво его сделала Крыса, что и говорить! Что ты на него набросился, Алик? Он ни в чем не виноват, он открыл тебе глаза — вот и вся его вина. Боже, кругом идет голова, опомнись, нервы в кулак, пусть старый марш звенит в ушах...

— Вы больны, Алекс? Я не могу поверить, что вы просто дурак! Неужели вы до сих пор думаете, что я все выдумал? — услышал я.

Юджин раскрыл глаза, из его разбитого носа текла кровь, он смотрел на меня со спокойной кротостью, как Христос, прибитый к кресту.

— Простите меня, Юджин.— Жестокий спазм перехватил мне горло.— Я не понимаю, что со мной творится, я болен... простите меня!

Я чуть не наклонился и не поцеловал ему руку, словно священнику, совершенно спятил Алекс, это уж точно, чуть было не ткнулся мокрым носом, совсем зашлись мозги.

Дьявольскими огоньками подмигивали через иллюминаторы ночные звезды, яхта шла полным ходом, ведомая капитаном в ботфортах. Я взял себя в руки, достал злополучный платок, пропитанный кровью и «гленливетом», и вытер глаза. Небольшой пансионат в Монако — вот что нужно, если отказывает психика и вся система разболтана. Утренние терренкуры, грязевые ванны, табу на «гленливет», овсяная каша и молоко по утрам, вечерами рулетка по мелочи, к ней меня редко тянуло — слишком много игры было в бурной жизни.

— Зачем вы везете меня в Кале? — повторил он.

— Для беседы...

— Понятно. Там меня заберут и доставят в Мекленбург.

— С вами поговорят... они, видимо, хотят предложить вам кое-что... если вам дорога семья.

— Слушайте, Алекс, прикончите меня прямо здесь! Умоляю вас! Ведь меня будут мучить...

— Да все будет в порядке... сейчас же не тридцать седьмой! — Я думал о другом.

— Неужели вы думаете, что вас оставят в живых? Не будьте наивны, Алекс, он догадывается, что я вам все рассказал... он держит все дело под контролем... он же не дурак! Сначала кокнет меня, а потом — вас!

В этом у меня не было особых сомнений, и я холодно, словно с бородинского холма, обозрел всю диспозицию. Итак, последняя соломинка переломила спину верблюда, как веревочке ни виться, а конца не миновать, как вор ни ворует, а тюрьмы не минует, я сгорел, комедия окончена, и принцу Гамлету больше не жить в Эльсиноре. Хилсмен приходит в сознание, бьет тревогу, подключает Интерпол и французских коллег. Обыск в Хемстеде (никаких улик, все в тайниках), перепуганная миссис Лейн у подъезда, медленная смерть несчастного Чарли, оставшегося без пищи, прощайте, могилы королей, прощайте, Вестминстерское аббатство, Шерлок Холмс, пиво «Гиннес» и газовые фонари, я унесу с собой ваше тепло. Конечно, я отвык от Мекленбурга, но я не разлюбил его, я — частица его плоти... В Кале нас ожидает судно, на которое забирают Юджина. Нет, не забирают, я постараюсь выпустить его на свободу. Хватит лить кровь и крутить мясорубку, Алекс, ты создан для наслаждений, для звуков сладких и молитв. Ты отпустишь Юджина, иначе накажет тебя Бог, не гневи Его. Центру объяснишь, что он ухитрился выпрыгнуть с яхты и исчез, возможно, утонул. Что дальше? Срочно вылететь в Мекленбург. Опасно: Хилсмен и К° расставят сети, аэродромы контролировать легко. Поездом или авто проще, но долго, изведешься, пока доберешься до дома. Что мне грозит, если, выпустив Юджина, я рву на пароход к своим? Вряд ли Крысе известно о моих перипетиях в Брайтоне и на яхте, и глупо меня ликвидировать, оставив на свободе Юджина. К тому же Крыса далеко-далеко, туда мне дойти нелегко (а до смерти четыре шага), развалился, наверное, в кресле и читает свежую «Истину», купленную в киоске на Мосту Кузнецов, по которому он продолжает ходить пешком — не любит, чтобы его подвозили прямо к парадному подъезду, сходит у Мекленторга и прет вверх пешечком ради променада, рассматривая ножки пробегающих леди из Дома моделей. Опомнись, Алекс, не связывайся ни с какими пароходами, не будь идиотом, забудь о Кале, а дуй до соседнего порта, там ты его выпустишь... А что дальше? Дальше придется перейти на другие документы, которые ты перед операцией положил в атташе-кейс, сменить внешность (усы, борода, очки) и добираться до Мекленбурга через Берлин. Прямо из Кале до Булони, затем на поезде до Парижа. Хорошо бы в Париже в последний раз в жизни успеть прошвырнуться по Монмартру, заглянуть в «Ротонду» или в «Дом», в эти приюты гениев... Что тебе лезет в голову, безумный Алекс? Спасай свою шкуру, дурачина, хотя, конечно, жаль, что уже никогда — Nevermore! — не пороешься в книгах на берегу Сены, да и в хемстедский паб никогда не забредешь. Прямой поезд Париж — Берлин. Вряд ли за такой короткий срок французы сумеют организовать поиск. Французская полиция не будет обыскивать все поезда, уходящие из страны. В Берлине перейдешь в восточную часть через пункт Чарли, потом в Карлхорст, а дальше все элементарно просто. По прибытии в Мекленбург немедленно просить аудиенции у Бритой Головы, выкладываешь все как на духу. Но он потребует доказательств. Что ж, они будут. А может, оставить все как есть? Контакт в Кале со своими, и проследовать на судно вместе с Юджином. Но он идет на верную смерть. Кто тебе сказал? Хорошо, конечно, он понесет наказание, но это же не невинный агнец, это предатель. О Алекс, создание Близнецов, вечное метание из одной стороны в другую, хлипкая нерешительность. Перед тобой предатель родины. И от того, что он выдал Крысу, его вина только уменьшается. Кто тебе сказал, что он выдал? Он даже имени не назвал, одни намеки... Ты вычислил Крысу, ты, Алекс, ты! И не надо жалеть предателя, пусть его охмурила Крыса, но кто ему мешал пойти и доложить обо всех манипуляциях с «Мальборо»? Испугался, перетрухал, вот и затянули его в паутину! Отдать гада на корабль и самому следовать туда же — никакого риска, полный иммунитет, а дальше видно будет...

Побойся Бога, Алекс, зачем тебе выдавать Юджина? Человек запутался... Разве не могло такое произойти с тобой? Никогда. Никогда. Никогда в жизни. Все что угодно: пьянство, Черная Смерть, все земные и неземные грехи беру на себя, но только не предательство!

Я глянул в иллюминатор — береговые огни быстро приближались. На такой яхте не «эксами» заниматься, а путешествовать по Средиземному морю под ласковым солнцем, наслаждаться рыбалкой с борта, целовать любимую женщину, баловаться домашней кухней в приморских ресторанчиках, где хозяева считают своим долгом рассказать клиенту какую-нибудь байку, бродить по набережной, обняв Кэти (или когонибудь еще) за талию, выйти на рыбный рынок и съесть прямо у прилавка пару только что выловленных и легко засоленных голландских селедок (особенно хороши они в Остенде, сравнительно недалеко отсюда), поваляться на пляже, листая «Плейбой», вечером переодеться и прикоснуться к чему-нибудь возвышенному, допустим, пойти на «Волшебную флейту», помнится, в Венской опере, где все пропахло Габсбургами и нафталином, я чуть не заснул, и все из-за того, что трое суток безвылазно обучал агента элементарному шифроделу. Совсем раскуксился, выше нос, Алекс, в Мекленбурге ты не пропадешь, твои корни там, ты легко приспосабливаешься к новой жизни, неприхотлив и вполне проживешь на ржаном хлебе, картошке в мундирах, селедке иваси и ливерной колбасе. Пора подумать о воспитании Сережи, он совсем отбился от рук, прояснить отношения с Риммой, сделать вид, что ничего не произошло — не судить же рыцарю Черной Смерти о чужих грехах. Заняться благоустройством дачи, кирять иногда с Совестью Эпохи, завести девочку из иняза, сразив ее австралийским акцентом. Работенку, конечно, дадут фиговую, не бей лежачего, буду учить каких-нибудь болванов уму-разуму. Не вешай нос, Алекс, жизнь продолжается, наша алая кровь горит огнем неистраченных сил, и вперед — в Мекленбург!

— Выпустите меня, Алекс, прошу вас! — прервал мои сладкие грезы Юджин.— Я сделаю все, что вы попросите. Если надо, исчезну, и вы меня никогда не увидите. Если хотите, не буду писать в эмигрантской прессе, замолкну навсегда, уеду в Аргентину или к черту на кулички. Отпустите меня, Алекс, разве вы не видите, что я ни в чем не виноват? Я отплачу вам добром... Умоляю вас!

Слезы стояли у него на глазах, нос совсем опух, он снял очки (удивительно, как они не разбились!), и они дрожали у него в руках.

Глазенки Бритой Головы прощупывали меня насквозь. Где доказательства? Не дезинформация ли это американской разведки, умело выводящей из строя самые ценные и самые надежные кадры? Временно мы вас арестуем, Алекс!

— Вот что, Юджин, я вас отпущу, но сначала коротко напишите обо всем. Больше фактов. Но обязательно укажите фамилию.

Он быстро ухватил листок бумаги и ручку и начал что-то скрести, а я вышел к Кэти, которая уверенно вводила яхту в порт Кале. Я обнял ее и почувствовал боль расставания, и жалко стало самого себя, и вновь я обернулся ребенком, которому никто не может помочь. (Мама! Мама! Почему ты задерживаешься? О Боже, верни мне маму, пусть с ней ничего не случится по дороге, верни мне маму поскорее, умоляю тебя!)

Мне было жаль расставаться с Кэти, расставаться навсегда, я любил ее, и все, что шептал ей совсем недавно жарким, срывающимся голосом, было сущей правдой. Я пошлю ее что-нибудь купить в ночной лавке, сам встану у штурвала, пусть она уходит.

— Ты на себя не похож, Алекс! — сказала испуганно Кэти.— Вытри лицо... Ты весь в слезах!

На пути вниз я взглянул в зеркало и увидел бледное, изможденное лицо с красными глазами. По знаменитому пробору словно прошелся плуг, и несло от меня такой уксусно-острой псиной, что тут же пришлось вылить на себя изрядную дозу «ронхилла» («Бей в барабан и не бойся беды...»).

Юджин передал свои писания, и я спрятал все в атташе-кейс.

— Когда причалим, я попрошу Кэти сходить в портовую лавку и купить что-нибудь.— Я не мог придумать что, такая в голове была каша.— Постарайтесь тут же исчезнуть из порта. Если мне понадобитесь, я буду писать на каирский адрес, где живет Бригитта. До свидания!

— Спасибо, Алекс! Я знал, что вы настоящий человек! Я никогда этого не забуду! — Мы обнялись и поцеловались, как два самых близких друга, и испытывал я величайшее счастье, что повстречался с честным человеком, который помог разоблачить Крысу, слабым, правда, но все мы грешны и слабы — разве не так сказано в Библии?

Яхта упруго коснулась причала, лишь чуть-чуть скрипнул борт.

— Прощайте, Юджин! Уходите быстрее, а лучше всего улетайте сразу же куда-нибудь подальше. Старайтесь не входить в контакт с незнакомыми людьми. Желаю вам счастья! Кэти! — крикнул я.— Ты не сходишь...

И тут на лестнице, ведущей в наш салон, появились чрезвычайно знакомые ноги, чуть кривоватые, как у старого кавалериста, дальше следовали неопределенные формы и вот, наконец, мощный подбородок, прославленные уши и сам главный герой.

Пока я соображал, что делать, Юджин, словно в предсмертной агонии, метнулся в угол, схватил по дороге вазу и метнул ее прямо в Челюсть. Раздался звон разбитого фарфора — ваза, пролетев мимо начальственной главы, разбилась о стенку.— Челюсть же ринулся за Юджином, как кот за мышью, как овчарка в фильмах о пограничниках, мгновенно настигающая нарушителя. В руке у Николая Ивановича сверкнул некий предмет с иглой, и Юджин тут же осел на пол — такие уколы гораздо надежнее любых таблеток и аэрозолей, они сразу одуряют и превращают человека в живой мешок, который можно таскать на спине или просто ставить в угол.

Кэти, вбежавшая вслед за Челюстью, вскрикнула и рухнула в обморок.

Так мы и остались друг против друга, два старых кореша, два мастера деликатных дел, два соперника. Остановись, машина! Огнем горит, сгорает осень. Мальчишка проволочкой гонит через дорогу обруч...

Окончание следует.

ОТРЕЧЕНИЕ

Дмитрий БИРЮКОВ

Я впервые всерьез задумался над будущим нашей страны на пресс-конференции папы римского по случаю его приезда в Индию, когда, отвечая на вопрос, как он относится к коммунизму, папа сказал: за свою историю христианство много ереси видело.

Меня не удивило отношение папы к коммунизму. Для этого у него были все основания. Как прилежного ученика, воспитанного на уважении к любым цитатам, меня поразило другое. Ересь — это ведь уже не империя зла. И еретик — это вроде как свой, только глубоко заблуждающийся. А раз заблуждающийся, продолжал я свои размышления, основанные на, прямо скажем, адаптированных знаниях христианства, то, значит, у нас есть возможность отречься и даже, чем черт не шутит, получить прощение.

Фантастическая идея отречения в форме общенационального движения настолько увлекла меня, что я даже забыл о тех неприятностях, что облепили меня, словно слепни крупный рогатый скот.

Они начались со странной депеши, поступившей на мое имя по каналам дипломатической почты. «Просим объяснить, кому и на каких основаниях в марте — апреле этого года были выданы 400 индийских рупий, предназначенных для оплаты услуг сторожа в доме оператора корпункта Гостелерадио». Это письмо, подписанное заместителем начальника валютно-финансового управления Гостелерадио, при внешней безобидности таило в себе такую мощь, что могло уничтожить не то что там какого-то корреспондента, но и главного советника посольства.

После первого прочтения я не придал ему значения. О письме я вспомнил только у ворот корпункта, когда из тени тропического кустарника, называвшегося, видимо, в честь национально-освободительной борьбы «смерть европейцам», выскочил маленького роста непалец. Выпятив грудь, обтянутую вылинявшей майкой с надписью «Динамо», шлепнув босыми пятками и заученным жестом бросив ладонь к краю ушанки, купленной мной в военторге, он заорал низким голосом, идущим, словно отрыжка, из глубины живота: «Иеес. Сэээээр». Точно так же он приветствовал и мою жену. Вместе с остальными элементами воспитания все это свидетельствовало о том, что Янджи — сторож корпункта — долгое время служил в армии. Кроме этого приветствия, а также заунывных горских песен, сопровождавшихся мучительной икотой, раздражавшей моего соседа филиппинца, Янджи ничего не делал. Во-первых, он не знал английского, хинди, урду и других иностранных языков. А во-вторых, я думаю, он был просто уверен, что именно эти его качества мне импонируют. В те редкие случаи, когда я пытался объясниться с ним на пальцах, используя всю доступную мне мимику, он вглядывался в мои гримасы и ужимки с неподдельным интересом зрителя театра для глухонемых и выражал свое одобрение протяжным «Оооооо. Иееееес. Сэээээр», после чего садился в тени куста, обсуждая сам с собою увиденное. За всю историю наших взаимоотношений мне удалось разучить с ним только одно — «сходи за слесарем». Видимо, эта серия движений, олицетворявших представителя нужной даже в Индии профессии, удавалась мне лучше всего.

Бахадур — сторож в доме оператора Петрова не намного отличался от нашего. Единственно, он знал немного хинди, что позволяло нам, нанимая переводчика, узнавать некоторые подробности его жизни и преодолевать недоразумения в наших отношениях.

Конечно, теоретически мы могли их уволить, нанять других или вообще обойтись без сторожей. Но теория хороша лишь вдали от практики. В Дели нанять сторожа за 400 рупий, что в переводе означало 40 рублей, было так же невозможно, как увидеть танцующего Шиву. Даже женщины из диких племен соглашались строить дороги, не говоря уж о более дорогостоящих услугах, никак не меньше чем за 1000 рупий. Жить без сторожа было просто невозможно. Мафия непальских сторожей, десятилетие назад захватившая наш район, наказывала любого самоуверенного хозяина. Сначала предупреждали — выбивали стекла, запускали в машину крыс, что очень действовало на жен. Упорствующих наказывали грабежом с незатейливым вандализмом.

Все это я подробно изложил в объяснительной записке, недвусмысленно намекая на то, что никто, кроме Бахадура, деньги за апрель — март получить не мог. В другом случае нас с Петровым ожидала неминуемая расплата. Если в моем доме из особо ценных вещей по описи имущества значился приемник ВЭФ, то у Петрова на балансе числились: кинокамера «Эклер» французского происхождения и девятикилограммовый магнитофон «Награ», на общую стоимость которых можно было купить стадо слонов для Московского зоопарка с последующей их пешей транспортировкой через Гималаи. Ознакомившись с объяснительной запиской, Петров одобрительно хмыкнул: «Если бы ты так материалы писал, мы бы давно уже премию Воровского получили». Окрыленный столь мощной интеллектуальной поддержкой, я отправил письмо в Москву, уверенный в том, что недоразумение преодолено. Я заблуждался так же глубоко, как и инквизиторы, пославшие Бруно на костер. Ровно через месяц мы получили новую депешу, слово в слово повторявшую прежнюю.

В течение следующих месяцев мы сбились с ног, доказывая, что деньги все же получил Бахадур. Мы дошли до того, что посылали его фотокарточку (в форме солдата), заверенное нотариусом письменное признание и даже отпечатки пальцев Бахадура, которые и без мастики оставляли прекрасные следы на бумаге. Москва тупо стояла на своем. Депеши приходили с ритмичностью позывов рвоты при отравлении ромом местного производства.

В один из тяжелых по метеоусловиям дней потускневший Петров неожиданно предложил послать в Москву самого Бахадура, заявив, что готов взять на себя бремя расходов. Это был акт отчаяния. Дело шло к тому, что нас впрямую обвинят в присвоении государственных денег. А это по тем временам считалось тягчайшим преступлением, не сравнимым с другими прегрешениями.

Излишнее увлечение спиртным никого не трогало. Советника посольства, отсутствовавшего три дня на работе и сорвавшего важные переговоры, отправили в Москву не потому, что он искал у себя под кроватью своего папу и не открывал дверь, опасаясь, что папа прошмыгнет в щелочку, а потому, что его надо было подлечить от язвы желудка. Другого сотрудника, таранившего на «Датсуне» памятник Махатме Ганди, не тронули вообще. Даже его сломанная нога именовалась не иначе как производственная травма. Правда, как я узнал потом, он не был дипломатом. В посольстве таких сотрудников называли интимным словом — «соседи». Кое-кто даже предположил, что у него было такое задание. Я, конечно, имею в виду не количество спиртного, а памятник.

Несмотря на то, что в колонии установился специфический микроклимат, по последствиям напоминающий вечную весну, и щепочка лезла на щепочку, прелюбодеяние (в посольстве сей акт именовался не иначе как «пристроить Артемку в депо») вообще воспринималось со смехом. Над журналистом, который во время отпуска переженился и приехал в Индию с новой женой, хохотал даже главный бухгалтер, который сам был в таком возрасте, когда мужчину от женщины отличают только по уровню зарплаты.

Зато полное, можно даже сказать, патологическое, нетерпение проявлялось во всем, что касается денег. Подозрение вызывало любое несоответствие негласно установленным нормам: покупка не обычного, а дорогого мороженого, обмен слишком большой суммы на чеки или полное их отсутствие расценивались как симптомы. Обед же в китайском ресторане не с иностранцем, а с женой и не на представительские, а на свои сразу же воспринимался как преступление, шлейф от которого мог тянуться всю жизнь, соответственно влияя на карьеру. Именно поэтому мы с Петровым приуныли. Упорство центра, не желающего признавать аргументы, наталкивало на глубокую мысль — все это неспроста.

Новая депеша из Москвы, в которой говорилось, что если мы в кратчайший срок не ответим на поставленный вопрос, то Гостелерадио обратится за помощью в посольство, развеяла иллюзии.

— Они хотят, чтоб я уехал,— сказал Петров, глубоко затянувшись сигаретой.

— Кто они? — автоматически спросил я, хотя прекрасно знал, что на Гостелерадио существовало несколько кланов, которые постоянно вели между собою борьбу за места и должности. От масонских лож эти кланы отличало полное отсутствие евреев и беспартийных, поскольку ни те, ни другие не могли поехать за границу либо занять солидный пост. Отсутствие кодекса чести, в результате чего кланы нередко обменивались своими членами и продавали друг другу информацию. И, наконец, деятельность кланов характеризовалась скудостью обрядов и была полностью лишена таинственности, потому что строилась на трех российских китах — на спиртном, деньгах и памятных подарках в виде бутылок со спиртным. Если объем поглощаемых кланами спиртных напитков мог вызвать уважение в любой точке земного шара, то суммы денег, ради которых вроде бы все и заваривалось, могли развеселить даже эскимоса, только что обобранного закупщиками.

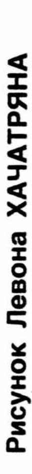
Но общее между масонскими ложами и нашими гостелерадийными кланами все же было — размах операций и восточная изощренность.

Поскольку борьба велась за каждый корпункт, иногда случалось, что корреспондент и оператор могли оказаться по разную сторону баррикад, вместо работы занимаясь выдавливанием друг друга на Родину. В этом случае в ход шли такие приемы, по сравнению с которыми роман «Семнадцать мгновений весны» показался бы описанием проделок мелких пакостников.

Наше с Петровым положение естественным образом вписалось бы в эту ситуацию, если бы не одно но... Мы не принадлежали ни к одному из этих кланов. Более того, наше появление в Индии было связано с цепью случайностей, которые брали свое начало ни много ни мало от смерти Генерального секретаря и последовавшего за этим незначительного смещения акцентов в балансе сил, в результате чего сразу два клана отказались от борьбы за Индию, уделив все внимание Европе, где, видимо, в тот момент решалась их судьба. А в корпункт Гостелерадио в Индии стали оформлять двух беспартийных, имевших раньше столько же шансов на работу за рубежом, сколько козлы летать. Правда, в последний момент в партию нас все же «вступили» — бойцы идеологического фронта не могли не иметь классового чутья. Но это была заслуга не кланов, а системы.

Оценив все эти обстоятельства и тот факт, что удар был направлен все-таки против нас обоих, мы пришли к выводу, что кланы хотят вернуть свои позиции в Азии. Мы им явно мешали. Пережевывая сухари из бородинского хлеба (ничто так не соединяло с Родиной), мы подумали, что если наша гипотеза подтвердится, то, как емко выразился Петров, оценивая наши шансы, «и принял он смерть от коня кирпичом».

Не испытывая никакого задора от схватки с неравными силами противника, мы впали в состояние философского камня. Именно на эту подготовленную почву и упали зерна сомнения, содержащиеся в словах папы. Осознав всю суетность окружавшего нас мира, в поисках духовной опоры мы были готовы на многое. Единственное, что мы отвергли сразу, так это поиск таковой опоры в советском коллективе, что было равносильно попытке пересечь Гималаи на отечественном автомобиле. Кстати, два индийца, осмелившиеся стартовать на нашей «Ниве», закончили подобный пробег в пропасти из-за лопнувшей рулевой тяги. Должен сказать: нас с Петровым больше влекло христианство. Но даже в тот драматический момент я не испытывал той целостности, каковая требуется для общения с высшими ценностями. Мое сознание как бы раздваивалось. С одной стороны, я был готов без колебаний отречься от идей марксизма-ленинизма, с другой — меня никак не устраивало смирение как форма существования. Видимо, сказывались годы, проведенные в атмосфере воинствующего атеизма, дух которого крепко засел в моем теле. Поскольку кардинальных средств от

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

изгнания атеизма, в отличие от изгнания дьявола, я тогда не знал, то с христианством решено было повременить. В нашем запасе из духовных опор еще оставались индуизм, буддизм, ислам, сикхизм, джайнизм, йога, но все они, к сожалению, требовали концентрации и усидчивости, что от нас в тот момент можно было ожидать только при подсчете денег. Оставалось одно — сдаться на милость оккультным наукам, тем более что, как утверждали знающие люди, оккультные науки не только могли стать духовной опорой, но и предоставить очень много ценной информации. Ознакомившись с азами оккультизма, мы решили остановиться на хиромантии. Нельзя сказать, что мы полностью отдавали себе отчет в нашем выборе. Скорее на нас оказало воздействие само слово, которое Петров несколько раз произнес вслух, как бы обыгрывая. Разделенное на две части, оно не казалось таким мистическим и выражало вполне определенные понятия, доступные всем смертным. Итак, выбор был сделан, но легче не стало. К нашим проблемам добавились еще две. Во-первых, мы не знали, где найти хироманта, а во-вторых, мы должны были вести наши поиски в глубокой тайне. Если за визит к тибетке, лечившей советские болезни с помощью трав, по приказу посла грозил немедленный отъезд на Родину, то можно себе представить, что ожидало нас в случае разоблачения. Углубившись в поиски хироманта, мы напрочь позабыли про работу. Введение чрезвычайного положения в Амритсаре, подготовка Пакистана к войне с Индией и, наконец, последние советские мирные предложения волновали нас столько же, сколько орла урожай желудей. Когда мы практически вышли на след хироманта, меня неожиданно вызвали в посольство. «Это конец»,— подумал я и на всякий случай перед отъездом сжег все личные письма. Тревога была напрасной. Оказалось, посольство тоже обдумывало слова папы и наконец решило поделиться мыслями по этому поводу. Советник посланника, не касаясь впрямую папы, намекнул, что в условиях империалистического заговора самым светлым и самым выгодным на свете остается советско-индийское сотрудничество — залог мира во всем мире. Поскольку само сотрудничество дальше крепить уже было некуда, то нам предстояло крепить его освещение, то есть показать зримые плоды. За зримыми плодами, по мнению советника, надо было ехать в Калькутту.

Зримые плоды меня не волновали, и, сидя дома, я размышлял над тем, как отказаться от поездки. Дальше «заболеть» фантазия не простиралась, как я ее ни ускорял плодами манго. На третьем фрукте в дом ворвался Петров и триумфально бросил листок бумаги. «Что это?» — театрально спросил я. «Заявление об уходе из жизни,— сказал Петров.— Адрес хироманта. Нужно ехать в Калькутту».

Презрев суеверие относительно случайных совпадений, мы вылетели в Калькутту. Ночью на калькуттском аэродроме, убедившись в том, что нас никто не встречает, хотя именно это обещал советник, мы поддались легкой панике, которая всегда охватывает советского человека, воспитанного на грустном опыте передвижения по Отчизне. Перспектива провести ночь на улице, кошмарные видения закрытых гостиниц, бандитов, представлявшихся нам в виде китайцев высокого роста, которые отнимают у нас самое ценное — аппаратуру, ввели нас с Петровым в состояние транса. Оглашая душную ночь дикими криками «такси!», мы ворвались на стоянку таксомоторов, отпихнули ошеломленного индийца, который неожиданно один поднял свой пятидесятикилограммовый саквояж, плюхнулись на заднее сиденье, выдохнув «Совьет эмбасси». Наши вопли, непонятного вида предмет в руках Петрова, похожий на обрез 90-миллиметрового безоткатного орудия, заставили шофера сорваться с места.

Через час, когда мы укладывались спать в гостинице торгпредства, нам обоим приснился хиромант. Мы шептали ему нежные слова, предчувствуя скорую встречу.

Сомнения закрались в нашу душу утром, когда, выйдя из номера, мы увидели, что новое здание торгпредства по форме напоминает средневековый замок, приготовившийся к осаде неприятеля. За ворота без сопровождающего нас не выпустили, мотивируя такое решение отсутствием указаний. Через щелочку в заборе мы посмотрели на свободу. Ее вид не радовал. Вместо многолюдного проспекта с тысячами индийцев, как я любил начинать свои материалы, нас встретили шестиметровые кирпичные стены, между которыми жалась асфальтовая дорога, визуально не приспособленная для разъезда двух автомобилей.

«Без автомобиля отсюда не выбраться»,— сказал Петров. «Это точно,— раздался голос,— в городе напряженная обстановка. Эпидемия кровавой дизентерии. Четыре тысячи погибших. Будем предельно осторожны».

Голос шел откуда-то сверху, и поэтому Петров на всякий случай сказал «спасибо» прямо в щелочку. Наш сопровождающий позволил нам немного поглазеть за ворота, а затем деликатно похлопал меня по плечу: «Нас ждет много работы. Программа очень плотная».

В тот момент мы еще не знали, что рано утром, когда мы сражались один на один со своими сновидениями, наша судьба была решена на совещании в генконсульстве. На протяжении многих лет обделенные вниманием Советского телевидения, калькуттские руководители чувствовали свою ущербность. Справки справками, а мелькнуть по телеку, да еще в программе «Время», считалось высшим достижением. Такой шанс никто не хотел упускать, и руководитель каждого подразделения подготовил свой план наших съемок. В течение последующих трех дней мы спускались под землю, ездили в угольный карьер в поисках советского экскаватора, посещали наших специалистов, ведущих на ТЭЦ Патрату неравную борьбу за выживание государственной станции, вокруг которой сосредоточились частные мастерские по ее ремонту, по счастливой случайности возглавляемые главным инженером ТЭЦ. С удивлением осмотрев сгоревшие трансформаторы, из которых вытаскивали железнодорожные костыли, мы понеслись дальше. Мысль о хироманте стала чахнуть. Если днем мы мотались по объектам, то вечера были забиты мероприятиями. За три дня мы побывали на четырех митингах, очень похожих на партсобрания в районных жэках. Два из них выразили поддержку советским мирным предложениям, а два выступили с протестом против действий американской администрации в Индийском океане. Я вглядывался в зал, и меня не оставляло ощущение, что где-то я уже видел всех присутствующих.

Утром четвертого дня, следуя в неизвестном направлении, наша машина врезалась в канат, с помощью которого местные бурлаки тянули через дорогу рельс. От удара рельс не шелохнулся. Зато бурлаки взлетели в воздух, полетом и криками напоминая стаю диких уток. Мы с Петровым загрустили. «А вот и левитация,— тоном экскурсовода сказал сопровождающий,— низко летят, видимо, к дождю». Когда бурлаки, завершив полет, взрыхлили собой гумус придорожной канавы, он небрежно ткнул шофера: «Что встал? Поехали!» «У меня испортилась камера»,— неожиданно заявил Петров, чем остановил калькуттский марафон смотра мощи советско-индийского сотрудничества. Сопровождающий отреагировал на заявление Петрова спокойно, и мы повернули в торгпредство. Однако нашу жалобную просьбу — сойти в центре — оставил без внимания.

В торгпредстве, побросав аппаратуру, мы сразу же выскочили во внутренний дворик, намереваясь пешком добраться до такси. Билеты на утренний рейс придавали решимости. Мы хотели к хироманту так, как хочет дитя припасть к груди матери. На наше несчастье, двор торгпредства, до этого пустынный, был полон народа. В ожидании кинофильма сотрудники парами прогуливались по узкой дорожке вокруг газона. Выйти незамеченными не удастся, поняли мы и сделали вид, что думаем. Когда процессия подошла поближе, мы обнаружили, что возглавляют ее сам торгпред и его заместитель. Неожиданно из процессии, выстроившейся в соответствии с рангом, вышел человек. «У нас здесь принято гулять»,— сказал он бархатным голосом, полным власти, и мы с Петровым, взявшись за руки, двинулись, как вагонетки в чреве угольной шахты. «В другую сторону»,— остановил нас человек. В его глазах лучилась жалость.

После двадцать шестого круга процессия скрылась в кинозале. Мы бросились к воротам, на бегу объясняя охранникам, что у нас кончилась смазка для камеры. При этом Петров быстрыми вращательными движениями тер себе живот, видимо, демонстрируя работу смазки. Загипнотизированные охранники после нашего ухода кивали головами.

Через два перекрестка, когда стало ясно, что пешком мы вернемся не раньше утра, мы наткнулись на велорикшу, которого в этот район мог занести только тайфун. Презрев страх за наказание (поездка на рикше, приравненная к эксплуатации чужого труда, могла стоить по меньшей мере партбилета), мы вскочили в коляску.

Утром, лежа в постели, я старался сосредоточиться, рассеянно отвечал на вопросы Петрова.

— Слушай, очень похож на кота из этого... ну, как его...

— Леопольда, что ли? — заметил я.

— Да нет. На Бегемота из Мастера,— сказал Петров, и я поразился ассоциативному мышлению коллеги.

«Не будьте загадкой»,— вспомнил я слова хироманта и посмотрел на Петрова, который, стоя в сатиновых черных трусах, брился перед зеркалом, умудряясь при этом напевать: «Почему я не болею? Почему я здоровее всех ребят из нашего двора? Потому что утром рано заниматься мне зарядкою не лень, потому что водой из-под крана обливаюсь я каждый день...» Вечером у хироманта, раскусывая орех, Петров сломал передний зуб и теперь посвистывал, от чего песня приобрела новое звучание.

— У вас есть оппозиция,— сказал хиромант,— она рядом.— Мы посмотрели на Петрова, который, не зная английского, доверчиво таращил на хироманта глазки.— Нет,— продолжал хиромант,— человек, который борется против вас, считает, что вы хотите его скомпрометировать, и наносит мощный упреждающий удар. Если вы не убедите его в обратном, вам несдобровать. Он лучше знает, как это делается.

— Но кто он? — взмолился я.

— Этого я не знаю,— ответил хиромант.— Произошло какое-то недоразумение. Замешаны деньги, и притом немалые. Вижу индийца. Он сыграл в вашем конфликте роль детонатора. Могу сказать одно. В самое ближайшее время вы узнаете, кто этот человек. Остальное зависит от вас. Как ни странно, у вас на руке два варианта судьбы.— Хиромант немного помолчал.— А знаете, я вспомнил, такие же линии, как у вас, были у наших красных.

— Партизан? — спросил я.

— Несколько тысячелетий назад в Индии вспыхнуло восстание. Очень кровавое и жестокое. Знамена восставших были окрашены в красный цвет — цвет насилия. Именно поэтому их и называли красными.

— И чем оно закончилось? — с пафосом поинтересовался я.

— А ничем.

— Что он еще сказал? — допытывался Петров.— Ну хоть приметы какие? Рост, возраст, размер обуви. Может, усы есть?

— Старик, ты что, в полицию ходил, что ли?

Весь полет от Калькутты до Дели, напрягаясь до боли в пояснице, мы перебирали наших коллег и индийцев. Несмотря на то, что Петров прокомментировал наш поход к хироманту «и разошлись, как в море трактора», я чувствовал, в Калькутту мы ездили не зря.

В Дели, подъехав к корпункту, мы поняли: случилось нечто необычное. Янджи размахивал руками, тыкал в свою военторговскую ушанку, скалил зубы и злобно пукал. Наверное, так в армии обычно предупреждают об опасности. С помощью переводчика нам удалось выяснить, что к нашим сторожам приезжал русский и предлагал за вознаграждение подписать бумагу, в которой говорилось, что они никогда не получали полностью заработную плату. По описанию мы узнали нашего коллегу.

— Я его убью! — в гневе кричал Петров, предлагая такие планы расправы, которыми бы восхитился Иди Амин, большой выдумщик по этой части. Но почему? Этот вопрос не давал мне покоя. И тут меня осенило. Я понял, о каком индийце говорил хиромант. Это был Сатвант — посредник по найму домов для совслужащих, сколотивший целое состояние на этом деле. Со мной он поддерживал хорошие отношения, помогая включить электроэнергию, когда ее отключали во всем районе, организовывал бригаду водопроводчиков, когда казалось, вода из моих кранов никогда больше не пойдет. Если бы не хиромант, я бы никогда в жизни не вспомнил, как Сатвант однажды позвонил мне вечером. По его словам, советский журналист якобы не заплатил по контракту, и он, жалуясь на убытки, просил поговорить с коллегой. «Если вам нетрудно, сэр,— вспомнил я,— намекните ему деликатно: если он не внесет деньги, то я буду вынужден обратиться в посольство».

Мы нагрянули в контору к Сатванту внезапно. На наших лицах застыло выражение, какое бывает у вампиров, когда их долго кормят консервами. К моему удивлению, Петров движением, не лишенным артистизма, выдернул из своей сумки с надписью «Аэрофлот» ритуальный сикхский нож, похожий на столовый прибор для разделки мяса, купленный моей женой в Туле по случаю праздника города. Петров открыл рот, и оттуда вместе с шипением стали вырываться такие слова, которые и без перевода дошли до сознания любого чужеземца. Из них я могу привести только два: говори, сука. Сатвант безвольно упал на стул. «Сэр, я должен перед вами извиниться. Мы с этим человеком всегда составляли два договора. Один для нас, другой — для Москвы. Деньги делили пополам. А тут он заупрямился и потребовал больше. За что? Я хотел его просто припугнуть. Клянусь, сэр, я не хотел втравливать вас. Так получилось. Бизнес есть бизнес».

Как ни странно, нашу, казалось бы, безвыходную ситуацию удалось исправить. Для этого нам не пришлось прибегать к шантажу, насилию, жаловаться в посольство, писать в ЦК. Мы просто поступили по-христиански и возлюбили ближнего своего. Я стал водить коллегу в китайский ресторан, а Петров пил вместе с ним нектар, от которого они периодически впадали в нирвану. Через месяц мы стали лучшими друзьями, а через два — облегченно вздохнули. Несмотря на наше молчание, Москва забыла о нас.

Возможно, пользуясь временной передышкой, мы бы и раскопали до конца все хитросплетения этого дела, но случай, происшедший в Калькутте вскоре после нашего отъезда, отрезвил настолько, что мы легли на дно, как это делают лягушки во Франции, всем своим телом ощущая, что их могут съесть.

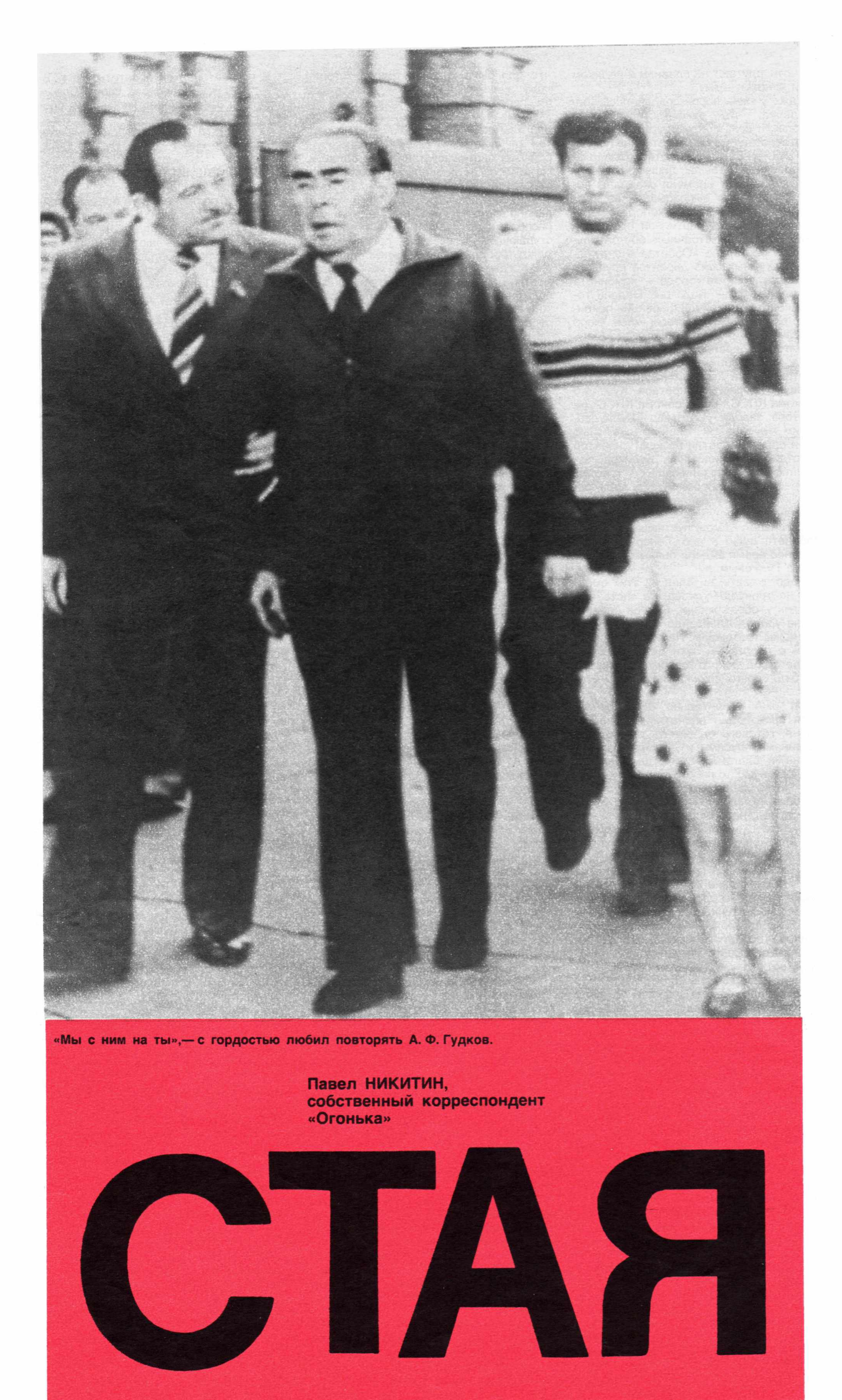
А в Калькутте произошло следующее. Сотрудник генконсульства, управляя автомашиной «Волга» в состоянии, близком к переходу в новое состояние, заехал на улицу с односторонним движением. Форсируя мотор своим дыханием, он, естественно, летел в противоположном направлении. Полет прервал бензовоз, загородивший проезжую часть. Расценив действия индийского водителя как провокацию, наш сотрудник сдал назад и, разогнавшись, пошел на таран. Полицейский патруль застал на месте происшествия бензовоз с разбитой вдребезги кабиной, «Волгу», у которой к тому времени не было капота, но которая, надорванно тарахтя, отползала назад и снова бодала грузовик, целясь в резервуар с бензином.

Виновник страшных городских слухов предстал перед товарищеским судом, где хмуро слушал вялые обвинения типа «Позор», «Обесчестил Родину» (явно сказано в запальчивости), «Как мы дошли до жизни такой?». Последнее слово предоставили подсудимому. «Ехал я, ехал. Вдруг вижу на капоте, прямо передо мной, фашистский знак. Ну, я на него. А вы бы как?» — огрызнулся сотрудник, даже не подозревая, что с этой минуты станет героем. Его отправили в Москву. Но еще долго коллектив требовал реабилитировать товарища, совершившего столь патриотический поступок. Не находя поддержки, люди стали даже косо посматривать на секретаря профкома. Тот молчал, хотя и сам втайне жалел мужика. Сидя в своем кабинете, он включал систему против прослушивания и тихо вздыхал: «А все-таки молодец. Надо же, какие люди есть».

Вот я сижу и думаю, а есть ли у нас будущее, если мы не знаем, что в Индии этот знак, отдаленно похожий на свастику, многие тысячи лет считается символом счастья.

●

«Гудков Ал-др Фед. (р. 1930), сов. парт. деятель. Чл. КПСС с 1958. С 1970 1-й секр. Курского обкома КПСС. Чл. ЦК КПСС с 1976 (канд. с 1971). Деп. ВС СССР с 1970».
Из «Советского энциклопедического словаря»

«Мы с ним на ты»,— с гордостью любил повторять А. Ф. Гудков.

Павел НИКИТИН,
собственный корреспондент «Огонька»

СТАЯ

Первый день моей работы собкором центральной газеты в Курске начался с официального представления первому секретарю обкома.

В девять утра, как и договаривались по телефону из Москвы, я и представитель редакции были в приемной. И вот дверь распахнулась. В глубине большого с высоким потолком кабинета я увидел поднимающегося из-за стола навстречу крупного, уже начинающего стареть мужчину с подвижным лицом. Костюм без единой морщинки облегал его крепкую фигуру. На лацкане пиджака алел значок депутата Верховного Совета СССР. Белоснежная рубашка, аккуратно завязанный галстук в элегантную полоску говорили о том, что хозяин кабинета следит за собой. Властная уверенность проглядывала в каждом движении, взгляде этого человека.

Официальная часть отняла минут пять. Гудков решительно отложил бумаги и выставил на стол здоровенную бутыль «Пшеничной». Признаться, это было полной неожиданностью как для меня, так и для сопровождавшего меня коллеги. Хозяин области небрежно разломал своими мощными руками круг «Одесской» колбасы и, щедро наполнив стаканы, произнес: «За нового собкора».

Сославшись на диету, я слегка, для вежливости, пригубил. Ничего себе начало, подумалось. В редакции говорили о необходимости с руководством держать дистанцию, быть крайне осторожным, а тут такое...

Компания за столом расширилась. Гудков вызвал председателя облисполкома Николая Ильича Журкина. Стаканы зазвенели веселее. А разговор все более напоминал торг. Секретарь обкома спрашивал меня: «Дубленка нужна? А румынский гарнитур мебельный? Сейчас позвоню на базу, привезут. Не надо? Выделяю тебе четырехкомнатную квартиру. Говоришь, трехкомнатной хватит? Смотри, как бы потом не пожалеть...»

Прием кончился, когда опустошили вторую бутылку «Пшеничной». Часы показывали десять утра.

ГОРДОЕ СЛОВО — КУРЯНИН

Наше прошлое сопряжено с днем сегодняшним. Причем по самым горячим точкам. Что есть перестройка? Революция, зародившаяся в недрах обновляющейся, а следовательно, здоровой партии, или неизбежность, следствие кризиса, в который страну завела КПСС? Нужна ли в таком случае была перестройка партаппарату, мог ли он стать рычагом перемен, в состоянии ли партаппаратчики, в течение многих лет преданно марширововавшие по ложному пути, в один прекрасный день переродиться, пойти против хода своего развития?

В прошлом, причем не самом далеком, лежат ответы на вопросы, волнующие нас, объяснение, почему страна мучительно долго корчится в муках неразберихи и хаоса...

Курск начала восьмидесятых годов стал для меня зеркальцем общественно-политической жизни страны в преддверии перестройки. В общем-то город провинциальный, мирно пасущихся индюков, кур и коз можно встретить в пяти шагах от парадно-административного асфальта и неона, он тем не менее занимал заметное место на политической карте страны. С завидным постоянством город дарил рабоче-крестьянскому государству вождей. Курские черноземы взрастили Кириленко, Фурцеву, Кулакова, Хрущева, Брежнева. Это обстоятельство поднимало Курск в глазах прочих остальных — визиты высоких московских гостей здесь были не в диковинку, так же как и всевозможные общесоюзные мероприятия — почины, инициативы.

Партийный Курск простодушно, без экивоков и застенчивых реверансов копировал столичные нравы. У партийной номенклатуры все было покрупнее: и дома, и машины, даже животы, колыхающиеся в такт важному начальственному шагу. Банкеты по пышности не уступали столичным, и частота, с которой они устраивались, соответствовала моде: «обмывались» пленумы, конференции, заседания бюро, приезды, отъезды, назначения, вручения дорогих бархатных знамен и дешевеньких грамот.

Партийная номенклатура во главе с А. Ф. Гудковым, «сов. парт. деятелем», внесенным в Советскую энциклопедию, медленно, но верно спивалась.

Рассказывает бывший директор столовой Курского завода тракторных запчастей А. Химич:

— Команда накрывать столы могла последовать в любое время. В таких случаях следовало поднять официантов, поваров, загрузить машины столами, стульями, посудой — и на природу. Распахивались кладовые общепита, с молококомбината везли в указанное место сливки, топленое молоко в горшках, с пивзавода — нефильтрованное пиво, с мясокомбината — копчености, мясо заливное и непременно, чтобы были... свиные хвосты, любимое кушанье Александра Федоровича. Крабы на столе, янтарная осетрина, закопченные до шоколадного цвета архангельские палтусы, а ему свиные хвосты подавай.

А еще Александр Федорович любил, чтоб гармонь была. Как-то банкетных дел мастера подхватили в спешке в заводском клубе гармониста, больного эпилепсией: от нервного напряжения при виде высокой партийной компании его средь песни стал бить приступ. Да разве один такой застольный курьез...

Гудков зачастую напивался до невменяемого состояния. Однажды ему стало настолько плохо, что встревоженные собутыльники, члены бюро, погрузив патрона на носилки, помчали его к реке приводить в чувство. Потом по лесу с носилками бегали, воздушные ванны организовывали.

Опьянев, Гудков начинал дурить, заставляя гостей пить водку фужерами, бил бокалы, и все это с огромным удовольствием, смеясь и приглашая других повеселиться.

Рассказывает бывший второй секретарь Курского обкома партии В. Шаров:

— Последние семь-восемь лет Гудков редко бывал трезвым. Сидит вечером в своем кабинете в полумраке, зайдешь, потянешься включить свет, а он хрипло-полупьяно остановит: «Не надо, экономь электроэнергию». Уедет в Москву — позвонишь в гостиницу вечером доложить о делах, а он пьяный.

Внешне все выглядело пристойно. Чиновничество жило своим закрытым мирком, отгородившись высоким забором партдачи и прочими привилегиями. На людях руководство представало исключительно в благородном обличье, как немой укор грешным и темным массам, которые проявляют лень и бестолковость, плутают на славном и великом пути к коммунизму.

Даже у меня порой создавалось впечатление, что руководство города и области день и ночь трудится на благо отечества, что называется, не покладая рук,— настолько плотной была маскировочная завеса. Лишь разражавшиеся время от времени скандалы подобно вулканам выбрасывали на свет обломки правды. Тогда холодом мертвечины несло из партийной преисподней. Погиб при странных обстоятельствах в ресторане «Орбита» в окружении партийных бонз директор крупнейшего предприятия города — комбината «Химволокно» — Кадоглы. В день городской партийной конференции покончил жизнь самоубийством член бюро горкома партии директор завода «Аккумулятор» Баранов, выбросилась из окна секретарь Кировского райкома партии Курска Деткова. Нашли в петле бывшего первого секретаря Курского горкома КПСС, члена обкома КПСС директора завода «Счетмаш» Куликова, таким же образом покончил с жизнью член райкома партии бывший директор треста «Курскжилстрой» Будяков, застрелился управляющий трестом «Курскмясоскотопром» Асеев. Цепь самоубийств сразу после ухода Гудкова на пенсию замкнул начальник Курского УВД генерал Комов, пустивший в своем кабинете пулю в лоб. Генерала в последнее время видели пьяным в компании с Гудковым...

Надо сказать, ни одна из этих смертей не тронула Гудкова, не заставила изменить образ жизни. Скупой слезинки не уронил Александр Федорович по ушедшим товарищам. Не пришел проводить в последний путь даже бывшего секретаря Курского горкома партии Куликова, своего дружка по пьяным утехам.

Он был удивительно бессердечен, хотя производил впечатление рубахи-парня, готового одаривать всех и вся машинами, шубами и другими материальными благами,— никогда и ничего Гудков не делал просто так. Его «милости» были холодным расчетом, платой за беспрекословное служение. Гудков не терпел несогласных, и горе было тому, кто отваживался не поддержать его или, хуже того, оказать ему сопротивление.

В расправах он проявлял удивительное хладнокровие. Он не бросался на свою жертву сразу, открыто. Затаившись, как охотник в засаде, не выдавая до поры до времени своих намерений, Гудков терпеливо ожидал, когда ослушник совершит какую-нибудь ошибку,— вот тут уж следовал бросок, сбивающий соперника с ног.

Секретарь обкома партии по селу А. Рукавицын, возвращаясь со свадьбы, попал в аварию. Использование служебной машины — что за грех на фоне того, что творилось в области с благословения Гудкова? Но Рукавицына наказали «на всю катушку», разжаловав в председатели колхоза. В захудалом колхозишке Рукавицына денно и нощно сторожил отряд ревизоров, милиция то и дело осматривала машину опального председателя: вдруг везет с колхозной фермы кринку молока?

То, что выдавалось за борьбу со злоупотреблениями, на деле было элементарным сведением счетов. Ведь Рукавицын, набравшись опыта, последнее время вел себя независимо, стал возражать открыто Гудкову. К тому же Александру Федоровичу донесли, что Рукавицын метит в его кресло. А если так — к ногтю конкурента.

Вовсе безобидный шаг позволил себе первый секретарь Пристенского райкома КПСС В. Кириченко, сказав в выступлении, что надо поучиться вести дела у соседей-белгородцев. Ну ладно бы на этом остановился: пошел дальше — на десять лет, мол, как минимум мы отстали. И этим сам, можно сказать, на себя петлю набросил. Успехи белгородцев для Александра Федоровича, что для быка красная тряпка. Стоило кому заикнуться о них — Александра Федоровича бросало в ярость.

Наказание Кириченко прошло все под тем же знаменем «очищения партии от скверны». Бывшего секретаря райкома партии выставили из области. На этом не остановились: травили престарелых родителей, принуждая и их покинуть курские места. Новый хозяин района отключил свет в доме стариков, распорядился досматривать почту, поступающую им от сына, прослушивать междугородные телефонные разговоры. Когда отец Кириченко умер и глава местной коммунальной конторы оказал приехавшему сыну помощь в похоронах, то и его наказали за проявленное милосердие, отставив от дел.

Гудков не только отбрасывал ослушников в сторону, он их втаптывал в грязь, чтобы они знали свое место.

КУРСКИЙ ФАВОРИТ

Лишь одному человеку Гудков позволял быть с собой независимым — своему ближайшему другу, директору фирменного гастронома «Курск» Михаилу Ивановичу Полескову. Торгового «короля» боялись как огня даже самые влиятельные люди города. Какой переполох поднялся в больнице, когда неожиданно в «Скорой помощи» привезли Полескова. Из палаты экстренно в коридор были эвакуированы больные, а в освободившихся просторных апартаментах удобно расположился избалованный фаворит.

Рассказывает бывший второй секретарь обкома партии В. Шаров:

— Гастроном «Курск» для курян то же самое, что для москвичей «Елисеевский». Это самый богатый магазин города. Бывало, оглядывая собранный Полесковым стол, Гудков удовлетворенно отмечал, что такого изобилия нет даже в Москве.

Полесков был тенью Гудкова. Александр Федорович едет в Москву на сессию и Михаила Ивановича зачастую прихватит. Пленум ЦК собирается — Полесков вместе с хозяином катит. Даже на время отпуска Александр Федорович старался не расставаться со своим другом: часто они отдыхали вместе.

Влияние Полескова на Гудкова было настолько значительно, что многие кадровые перемещения зависели от мнения Михаила Ивановича. Что касается торговли, то она полностью находилась в его руках. Назначения на торговые посты производились только с его благословения. По сути, Полесков был нештатным секретарем обкома партии.

О том, что Полесков в годы войны служил у немцев, я услышал вскоре после приезда в Курск. Ныне покойный, Герой Социалистического Труда бывший командир партизанской разведки Г. Черников рассказал, что гудковский дружок чудом ускользнул от партизанской пули. Партизаны под покровом ночи ворвались в деревню, а виновник торжества как сквозь землю провалился. Тогда поймали только брата Полескова, тоже фашистского прихвостня, и расстреляли.

Я поинтересовался, откуда в таком случае у Полескова удостоверение участника войны.

— Это и для меня загадка,— развел руками Черников.— Полесков якобы впоследствии партизанил. Чушь — никто не знал и не знает такого партизана. Фашистский полицай — вот кто такой Полесков. В КГБ говорят: «Нужны доказательства». А я, шеф партизанской разведки, чем не доказательство?

Уже перед самым моим отъездом из Курска, вызванным переводом на работу собкором в другой город, в корпункт позвонила одна женщина и попросила заняться проверкой письма А. Малышева, кавалера боевых орденов. В письме были изложены факты из полицейского прошлого Полескова.

Я посоветовал ей обратиться в КГБ.

— В КГБ у Полескова свои люди,— ответила раздраженно женщина и бросила трубку.

Полесков и КГБ? Это уж слишком, подумалось мне тогда.

РОДИВШИЙСЯ В РУБАШКЕ

Скажу откровенно: в те времена тайна Полескова оказалась мне не по зубам, но я не оставлял надежды раскрыть ее. И вот бывают же такие совпадения. Курская областная прокуратура завершила следствие по военному прошлому Полескова как раз перед моей недавней, но давно загаданной встречей с городом, из которого я когда-то уехал не по своей воле. Правда, увы, имеет печальное свойство опаздывать, думал я, листая материалы, изобличающие предателя.

Карающая пуля партизан должна была настичь Полескова еще 3 октября 1942 года. Лгали партизану-разведчику Черникову, что нет документов на сей счет. Вот он, желтушного цвета лист из тетрадки. Я беру его и будто проваливаюсь в холодную осень сорок второго.

Из протокола допроса Василия Полескова:

Вопрос: — Ваш брат работал в полиции на пользу немцам. Имели ли вы связь с братом?

Ответ: — Да, имел, я передавал сведения устно и письменно.

Вопрос: — Вы перешли на службу немецкому фашизму, тем самым изменив Родине. Признаетесь в этом?

Ответ: — Да, признаю себя виновным, так как изменил Родине...

Из Постановления оперуполномоченного Особого отдела партизанского отряда имени Божко от 3 октября 1942 года:

«Лейтенант Щербаков, сего числа рассмотрев материалы по делу предателя и шпиона В. И. Полескова, 1924 года рождения, уроженца села Сальное Хомутовского района Курской области, нашел: Полесков Василий Иванович встал на службу немецкому фашизму посредством шпионажа через своего брата, который находился в полиции, выдавая партизан и коммунистов и их семьи... И на этом основании постановил: Полескова, как шпиона и изменника Родины подвергнуть высшей мере социальной защиты, расстрелу».

Из интервью со старшим следователем, помощником прокурора Курской области по надзору за следствием в УКГБ Ю. Соколовым:

— Второй раз от карающей руки закона Полесков спасся в сорок четвертом. Странное дело: разве кто вырывался из цепких рук чекистов времен культа личности? Дело арестованного Полескова вел лейтенант Госбезопасности Зайцев. Более чем странно вел, принимал на веру все, что говорил Полесков.

Интересуется, скажем, следователь, где брат его,— Полесков не моргнув отвечает, что брата Василия якобы курские партизаны в сорок втором как особо отличившегося направили в Югославию, на подмогу тамошним мстителям — значит, так оно и есть. А сведения, что Василия партизаны расстреляли, следователь отметает.

Откуда он взялся такой доверчивый и что водило его рукой, когда он вопреки фактам резюмировал: «Из тринадцати свидетелей, допрошенных по настоящему делу, предательской пособнической деятельности Полескова никто не подтвердил». Как же никто «не подтвердил», если все тринадцать в один голос подтвердили, что знают Полескова как фашистского пособника?

Брянское УКГБ Полескова отправило под Тулу строить химзавод. Это тоже странно. Раз не виноват — зачем наказывать? Поневоле напрашивается вопрос: не платой ли была «химия» Полескову за предательство однокамерников?

Сколько страстей бушевало вокруг

дружбы Полескова и Александра Федоровича, сколько горячих голов, встревоженных, вдруг молва права, просило Гудкова порвать с подозрительной личностью! Сколько потом раскаивались в этой своей горячности, ибо дружба все крепла, а тем, кто бросал на нее тень, рано или поздно приходилось расплачиваться за это.

Пораженный загадочной силой этой дружбы, партийный Курск утвердился в мысли, что Полесков является... американским резидентом и по заданию заокеанской разведки разлагает их секретаря. За Полесковым прочно закрепилась кличка «Мишка-резидент».

Между тем ничего магического в дружбе Гудкова и Полескова не было. Власть над Александром Федоровичем бывший полицай приобрел благодаря настойчивости и ловкости: он был вхож в дом Гудкова, имел даже собственные ключи, чтобы можно было беспрепятственно в любое время заполнять холодильники продуктами. Он был в курсе финансовых дел Гудкова, так как взял на себя многие хозяйственные заботы семьи. Наконец, он был посвящен во все интимные похождения Гудкова, поскольку сам их организовывал.

А теперь главный вопрос: знал ли первый о страшном прошлом своего друга, верил ли он, что тот — матерый фашистский прихвостень, или считал, что все разговоры, витающие по городу,— наветы и клевета? Не знаю... Да и в этом ли суть дела? В том мире, где «правил бал» Александр Федорович, все святое для простого народа, обильно политое солдатской кровью, пронизанное людским горем и законной гордостью за действительно великую победу над врагом, было, очевидно, пустым звуком. Нет, речей и лозунгов было много, и торжественные собрания в честь памятных дат никто не отменял, но «сильные мира того», для которых главным являлась власть, дарующая сытый и пьяный беспредел, похоже, плевать хотели с высокой колокольни на истинно выстраданную народом идеологию с понятиями чести, совести, достоинства, снисходительно и цинично посмеиваясь над «говорильней» дежурных мероприятий, пионерских сборов и традиционных встреч ветеранов-старичков.

Сколько же можно обманывать тебя, народ?

Размышляю о нашей политической доверчивости, ибо каким образом, скажите, в нашей жизни могут утвердиться справедливость и разум, пока самой влиятельной политической силой остается партия, взрастившая гудковых?

Разве можно рассчитывать на позитивное обновление партии, из которой уходят смелые и думающие, а гудковы остаются? От кого ждем покаяния? От Полескова? Гудкова? Вы верите, что Полесков расскажет, как после войны, устраиваясь на работу в Курский отдел народного образования, свою «химию» преподнес как годы безупречной службы на посту... замзава Брянского облоно, а педучилище, которое окончил незадолго до войны, самочинно переименовал в институт, приписав себе таким образом высшее образование? Что, заполняя анкету, наградил себя орденами Красного Знамени и Красной Звезды? Что уже через год его освободили от должности заведующего роно за спекуляцию на рынке школьными тетрадками, а еще через год выгнали с поста начальника торгово-заготовительного отдела Калининградского универсельторга за взяточничество?

Вы всерьез полагаете, что Гудков проклянет ложь, на которой была построена его карьера? Свой полет в высокие сферы он начал в скромном кресле партийного секретаря Хомутовского района Курской области. Именно здесь, среди хомутовских яблоневых садов, стоит Калиновка — малая родина Хрущева.

Никита Сергеевич считал эту деревню своим испытательным полигоном. Калиновка собирала высокие урожаи всех культур и, конечно же, кукурузы. Но у этой идиллии была обратная сторона, тщательно скрываемая от многих, в том числе и от Никиты Сергеевича. Автор знаменитых «Районных будней», писатель-публицист Валентин Овечкин в неопубликованном письме очередному партсъезду рассказывал о курской закулисной игре: «Колхозу нетрудно справляться с полевыми работами, так как каждое лето в Калиновку шлют сотни мобилизованных городских рабочих, служащих, студентов, «подбрасывают» технику в таком количестве, что ее хватило бы на целую МТС. Все строительство в колхозе ведется силами городских стройтрестов. Колхозники, совершенно в нем не участвуя, получают коровники, свинарники и даже жилые дома».

А чтобы у Хрущева не возникало никаких сомнений по поводу эксперимента, соседние хозяйства подтягивали на бумаге до Калиновки. «Уже после уборки,— писал Овечкин,— после закладки початков в силосные ямы, стали натягивать центнеры на бумаге. Уполномоченные развезли такие «установки»: повысить коэффициент перевода засилосованных незрелых початков с 800 килограммов на кубометр до 1300, учесть и заприходовать задним числом кукурузу, стравленную скоту. Конечно, по коэффициенту урожайности самых лучших участков. В отчетах нигде нельзя было найти сведений о количестве неубранной кукурузы. В полях же то здесь, то там виднелись торчащие из-под снега верхушки стеблей кукурузы...»

«Делалось это все для того лишь,— заключал Овечкин,— чтобы представить наверх благополучный доклад о результатах массовых экспериментов».

Страна копировала ложь Калиновки, заводя себя все дальше в тупик. У истоков этой лжи стоял молодой, подающий надежды партработник Александр Гудков.

Одному Богу известно, сколько лжи вышло из кабинета первого секретаря обкома партии. Вы думаете, он как-нибудь возьмет слово на пленуме обкома и расскажет, как бессовестно манипулировал цифрами, втирал очки, поведает, сколько приписок совершено им и его людьми? Какой суммой исчисляются подношения, отправленные им в ЦК? Поведает, почему поставил секретарем обкома партии по промышленности человека, который еще на комсомольской работе получил выговор за пьянство и попытку самоубийства в приступе белой горячки? Почему другим секретарем сделал коммуниста, которому колхоз выстроил хоромы за копейки, а он их, уходя на повышение, продал тому же самому колхозу, но уже втридорога? Отвечать на эти вопросы — значит признаться, что люди с «червоточинкой» подбирались намеренно. Не о народе и не о партии думал Гудков, одаривая верхи подарками, а друзей-собутыльников должностями,— лишь о себе, создавая защиту от приливов и отливов жизни. Он знал и сейчас знает: камарилья разорвет каждого, кто посягнет на него, ибо его благополучие — это их благополучие, его тайны — их тайны.

Слаженную и безупречную работу созданный им механизм защиты продемонстрировал, когда на торжественном заседании, посвященном юбилею Курской дуги, Гудков, до того пивший беспробудно неделю, рухнул за трибуну прямо во время чтения доклада. Второй секретарь обкома партии В. Шаров, в прошлом фронтовик, не сдержав, рассказал обо всем инструктору ЦК, ставшему невольным свидетелем «кульбита» Александра Федоровича, и попросил его принять меры. И меры были приняты. Шарову предложили досрочно уйти... на пенсию по инвалидности.

Рассказывает бывший второй секретарь обкома партии В. Шаров:

— Защищаясь, я написал в ЦК. Через несколько дней, чтобы меня застать врасплох, Гудков спешно созвал бюро обкома партии. Невнятно прочитав мое письмо в ЦК, он предоставил слово мне. Я подробно рассказал об аморальном поведении Гудкова, негодном стиле работы, злоупотреблениях и к чему это в конечном счете привело. Собутыльники, угодники, холуи кинулись его защищать, доказывали друг другу, что он «кристально чист», «день и ночь работает во имя коммунизма»... От умиления Гудков даже заплакал. На этом бюро принято решение об освобождении меня от обязанностей второго секретаря обкома партии за очернительство и клевету на первого секретаря обкома и его друзей.

После бюро обкома Гудков по нескольку раз в день вызывал меня, требуя отозвать письмо из ЦК КПСС. Ехать в Москву не советовал. Я знал, что многие в Центральном Комитете были куплены Гудковым. Машины в ЦК летели одна за другой. Как-то одна даже потерпела аварию под Тулой, и ко мне попал список тех, кому предназначались подарки. В списке значились заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС Е. Разумов, заведующий сектором ЦК Г. Лапчинский и другие работники аппарата. Я решил, что такую стену лбом не прошибешь, и отозвал письмо. Его на моих глазах порвал Гудков, протокол заседания бюро, видимо, уничтожили другие.

Слышал я откровения и других обиженных, надеявшихся свести счеты со своим бывшим патроном.

— Разве я плохо работал? — делился со мной своей обидой Иван Митрофанович Сеин, бывший заведующий финхозотделом обкома партии.— Чем мог угождал, расстилался ковром. Думал, не будет спешить Александр Федорович со сменой завфина. И вдруг на тебе — дуй на пенсию. Пришлось смириться. Подумалось, найдется какое-нибудь теплое местечко, не пропаду. Отыскал такое, направился в родной обком, и что вы думаете? Не принял Александр Федорович. Еще вчера до всех тайн допускал, даже интимных — сегодня позаботиться не захотел.

Голос Ивана Митрофановича начинает гневно дрожать. Нет, он все расскажет, как было. Пусть Гудков знает, как друзей продавать.

Он выдает шефа, что называется, «с потрохами», совершенно не сознавая, что и сам был соучастником темных дел, тащил с общественного стола. О Полескове же он сказал так: «Страшный человек».

Я поинтересовался, неужели он, Сеин, ни разу не высказался своему шефу, как роняет его дружба с торговым «королем»? Сеин мучительно напрягает память и... вспоминает такой случай. Полесков наплел как-то Гудкову, что якобы он, Иван Митрофанович, с гудковской пассией спутался. Аж сердце зашлось от возмущения. Вдруг шеф поверит? Налетел на Полескова: «Как ты смеешь, интриган, товарища Гудкова в заблуждение вводить?!» Дошел в гневе до самого Александра Федоровича. Сказал ему вгорячах то, о чем другие молчали, что, по его глубокому убеждению, Гудков пригрел американского шпиона. Если американцы СССР захватят, то вешать-то партийцев на Красной площади будет помогать Полесков, и дружков своих не пожалеет, даже Гудкова...

Гудков тогда только посмеялся.

— В ЦК всем бесплатно все возили,— вспоминает Иван Митрофанович,— а я как-то забыл снять ценник с ковра. Ох и попало мне от Гудкова. Ты что, говорит, пустая голова, вдруг подумают, что мы у них деньги просим?

ПОЭЗИЯ ПАРТБУДНЕЙ

Говорят, мемуары — жанр пенсионеров. Вот и Сеин тоже потянулся к перу. Но его мемуаристика особого толка. Разговаривая со мной, он крутил магнитофонную запись воспоминаний... в стихах. Я был не первым слушателем. Иван Митрофанович охотно знакомит желающих со своим творчеством, написал он уже немало, однако выбрать что-нибудь для публикации мне было, признаться, трудновато. Даже для нынешних либеральных литературных нравов поэзия партбудней слишком крута. Так что всего лишь несколько наиболее «выдержанных» фрагментов из стихов И. Сеина, посвященных его бывшим коллегам (магнитофонная запись):

О председателе Курского облисполкома Н. Журкине:

Гудков его в облисполком взял,
бездарность в Курске приумножил,
теперь они друзья,
без водки стало им нельзя,
что ни день, то пьянка,
пить стали спозаранку...
Девчат меняли как перчатки,
дела у них пошли негладки,
область позиции сдавала,
госпланы не выполняла...

О первом секретаре обкома партии А. Гудкове:

Давай, Гудков, начистоту поговорим.
Как мы жили, что творили,
мне страшно вспоминать...
Вот что тебе, Федорович, скажу:
погряз ты в тине мелочей,
пригрел поганых палачей.
Все это было, память не остыла?
Ну что, не так?
Ведь был же тогда бардак.

Из стихов о секретаре обкома партии по промышленности В. Иванове:

Верой и правдой он служил,
вместе водку пили, вместе по бабам ходили.
Кто кого перепивал?
Я б Гудкова вам назвал.
Иванов, он странный был, когда водку пил,
часто из нормы выходил,
Гудков нашатырный ему преподносил,
нюхать ему давал, снова пить заставлял.
Мертвецки падал он опять...

Я тешу себя надеждой, что Гудков, Полесков и иже с ними оказались в круге света, беспощадно выявившем не только духовную пустоту советско-партийных центурионов, слуг тоталитарного режима, но и причины этой пустоты. Продавшись режиму за жалкие, унижающие достоинство человека привилегии, они методично убивали в себе здравый смысл и всякие человеческие чувства. Работа по самоуничтожению многих из них превратила в ничтожества, сбивающиеся в стаи, живущие животной, почти анатомической жизнью, неспособные к элементарно объективному взгляду на себя и свои поступки.

О чем думал Полесков, полицай, вор, взяточник, всякий раз счастливо уходящий от возмездия, сидя в тесном кружке партийных бонз? Был ли напряженным его смех, или страх разоблачения со временем отступил? Генерал КГБ приглашает оказать ему честь — прибыть на личный юбилей. Каково? Встречает лобзанием. После вручения подарочка еще одно лобзание, благодарственное.

Новые хозяева сентиментальны, быть может, думал презрительно он, целуются без меры. Хозяева из сорок второго были потверже характером и поидейней. «Майн Кампф», как «Отче наш», знали,— эти в Маркса не заглядывают. Те пели «Германия превыше всего», и ведь верили, что «превыше»,— эти блеют «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов». Неужто себя к голодным причисляют?

Надо, впрочем, еще разобраться, хозяева ли они ему, Полескову. Это он их в руках держит, все у него на крючке, все до одного обязаны или должны, он

их кормит, а не они его. А кто кормит, тот и хозяин.

Водка почти не действовала на Полескова. Компания к концу гулянки, как правило, «вырубалась». Заснул за столом первый секретарь горкома партии, генерал КГБ смотрит перед собой невидящим взглядом, Гудков силится что-то сказать, но не может. Всюду бледные, тупые, одеревенелые лица...

Вспоминает А. Химич, бывший директор столовой Курского завода тракторных запчастей:

— В эти минуты Полесков снимал маску за ненадобностью. Нас, прислуги, он не боялся и не стеснялся. Лик его становился высокомерным — плечи распрямлялись, крутолобая голова вскидывалась. Маршевая музыка играла в нем. Как хозяин смотрит на своих подчиненных, так смотрел Полесков на областное начальство, прогуливаясь вдоль стола энергичным, барским шагом. Власть требовала выхода. На глазах изумленной прислуги он мог вылить содержимое бутылки кому-нибудь на голову. Мог ласково, по-отечески шлепнуть Гудкова по намечавшейся лысине: «Дурачок ты мой, дурачок...»

За Гудкова стая сражалась до последнего. Он обязан ей тем, что так долго оставался на посту первого. Уж вовсю по стране гуляли ветры перестройки, а он все стоял и стоял на капитанском мостике прогнившего корабля. Но все же пришлось уходить. Речь на пленуме, провожавшем Гудкова на пенсию, держал заместитель заведующего Орготделом ЦК КПСС Е. Разумов. Отработал честно: славил новоиспеченного пенсионера так, будто к награде представлял. К персональной пенсии Гудкову преподнесли персональную машину с персональным водителем и должность руководителя Центра по переподготовке сельхозкадров. Пусть учит молодую смену...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Из стаи, воспетой Сеиным, вышел и тихий, скромный, не щурящийся при взгляде на солнце человек, впоследствии ставший первым секретарем Рыльского райкома КПСС. Гудков сначала вытянул его из сельской глубинки, затем сделал председателем Рыльского райисполкома, потом благословил на самостоятельную работу.

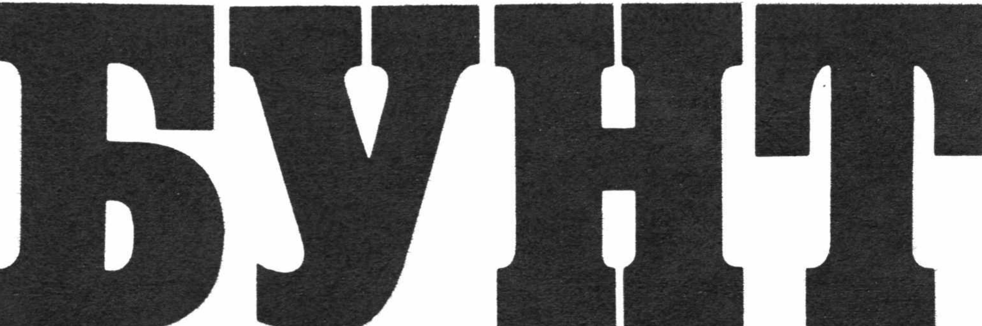
Рыльск — предмет мечтаний многих партийных функционеров Черноземья. Рыльский район занимает особое положение среди других по той причине, что на его территории находится санаторий ЦК КПСС «Марьино», разместившийся в загородном дворце князей Барятинских. Это место для дорогих гостей. К таким принадлежал и заведующий сектором ЦК Г. Лапчинский. В «Марьино» его в сопровождении Гудкова несла «Чайка» (не по рангу, конечно, но знай наших). Вечером в присутствии Гудкова после обильного застолья составлялась программа отдыха. Развлечения на территории санатория поручались главврачу, а все остальное, что за территорией — рыбалка, охота, грибы,— хозяину района, первому секретарю райкома КПСС.

Один из таких визитов и решил судьбу секретаря. Вспоминает В. Шаров: *«Звонит из «Марьино» Лапчинский. Очень, говорит, мне по душе пришелся первый секретарь. Не будете возражать, если его в ЦК заберем? Я ответил, что все вопросы перевода в ЦК находятся в компетенции Гудкова. Александр Федорович и дал тому «зеленый».*

Вот такие оказались крестные у счастливчика. С одной стороны — столичный хват, любитель дорогих подношений, с другой — опустившийся пьяница, друг полицая. Теперь настал черед «крестника» олицетворять «ум, честь и совесть эпохи». Да, чуть не забыл... Звали первого секретаря райкома Иван Кузьмич Полозков.

Известный экономист Николай Шмелев, часто выступающий в периодике с острыми публицистическими статьями, и прозаик Николай Шмелев, явно тяготеющий к отечественной истории,— не родственники и однофамильцы, а один и тот же человек, профессор Института США и Канады. Начав широко печататься лишь в перестроечные годы, он быстро стал одним из любимых авторов наших «толстых» журналов, уже выпустил несколько прозаических книжек, в том числе и в «Библиотеке «Огонек». Однако читательский интерес и цеховое признание — вещи разные: Союз писателей, например, не сразу принял прозаика Шмелева в свои сплоченные ряды. Что, впрочем, автора не обескуражило: пока иные профессиональные литераторы хранят многозначительное творческое молчание, Николай Шмелев активно пишет и печатается — только что журнал «Знамя» анонсировал его новую историческую повесть из времен Иоанна Грозного «Сильвестр», главу из которой мы предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

Николай ШМЕЛЕВ

БУНТ

Такого пожара Москва еще не знала никогда! И раньше горели, конечно, всякое случалось, не без того. Но чтобы так, чтобы в одночасье и Кремль, и Китай-город, и Белый город, и Замоскворечье, и за Яузой, и все дотла?! Нет, такого еще не случалось на Москве.

Бывало, сгорала какая-нибудь слобода. Бывало, исчезали в огне целая улица, или приход, или монастырь. То и дело вспыхивало и горело, особенно в летнюю сушь, чье-то подворье, либо над усадьбой именитого боярина вдруг ни с того ни с сего взвивался черный столб дыма, либо торговый ряд на Торгу или на Ильинке занимался из конца в конец. Немудрено: город-то деревянный, каменных строений в нем, кроме церквей, по пальцам можно было пересчитать, домишки стояли плотно, один к одному, загорелся сосед — не минует и тебя. А однажды, еще при благоверном князе Дмитрии Донском, сказывали старики, хан Тохтамыш сжег весь московский посад по самую речку Неглинную, вплоть до Кремлевской стены. Но и Кремль, и великокняжеские терема в нем, и соборы, и церкви его уцелели даже и тогда...

Весна в 1547 году была ранняя, снег сошел еще в начале марта, а в апреле, на Пасху, уже начали гореть. Ни одного дождя не было до самого Троицына дня, солнце палило нещадно, трава во дворах и лист в садах, только-только пробившись, уже успели пожухнуть и помертветь, и достаточно было лишь слабенькой искорки, как вспыхивало и занималось так, что ни водой не залить, ни баграми растащить.

В первый раз, в апреле, выжгло всю Никольскую улицу и всю Лубянку: еле-еле удалось не дать перекинуться огню в торговые ряды. Во второй раз пожар истребил Зарядье и все слободки по Яузе-реке, от устья ее и вплоть до Андроньева монастыря, там, где издревле селились московские кожевенники и гончары... Господи! Царю Небесный! Страх-то был какой, страсти-то какие... Набат над Москвой, дым, смрад, жар — не продохнуть, крики, рушащиеся крыши, рушащиеся стены, шипящие, стреляющие во все стороны головни, воронье, мечущееся в небе, выше колоколен церковных, народ бежит, лошади ржут, давка, брань, стоны растоптанных! Мгла над городом посреди дня, черный лик солнца, скрывшегося в дыму... Помилуй, Господи, нас грешных! Уйми эту силу сатанинскую, отложи гнев Свой праведный! Пощади смиренных богомольцев Твоих, и детей их невинных, и жалкий скарб и убогие пожитки их!

Ну, а в третий раз уже и набата не слышал никто. Да и некому было бить-то в тот черный, страшный день в колокола. Поначалу еще было загудело у Арбата, и в Кремле, и на Рождественке, а за ними и по другим большим и малым окрестным церквам. А потом, когда помчался невесть откуда взявшийся свирепый вихрь вдоль улиц и площадей московских, когда взметнулось пламя выше крыш, выше башен кремлевских, выше Ивана Великого, когда потонуло все в черном дыму, смолкли колокола, ибо и по колокольням никому от жара, и удушающего смрада, и страха смертного оставаться стало невмочь...

И растерялась Москва. И замутился тогда разум людской, и пришел терпению народа московского конец... Где они, кто они, злодеи потаенные, сгубившие колдовством своим Москву? Кто, кто наслал ворожбой, и наговором, и волхованием дерзостным все силы адовы на смиренных жителей ее? Где гнездо их сатанинское? И кто начальники их?

Нет, не простых умов то дело неслыханное! Тут больших, тут высоких людей вина. Лишь у них, у высокоумных, могла подняться рука на такое небывалое злодейство! Это ведь не соседа запалить в минутной злобе, во вражде житейской — весь город, со всех концов, со всеми людьми его предать огню. И не свой, не русский человек то дело задумал и сделал! Лишь чужой, лишь чужестранец безродный мог решиться на такой великий и страшный грех...

А среди них набольший кто? Анна Глинская, бабка царя, сербиянка надменная — то ее, ее, проклятой, вина! То она, ненавистница всякого обычая русского! То она, прислужница дьявола, известная всей Москве волшебством и чернокнижием своим... Она, она, ведьма хвостатая! Она летала накануне на помеле по всей Москве! Видели ее! Видели многие люди московские, как разрывала она когтищами своими могилы на погостах, как вырывала сердца у мертвецов и мочила их в реке, а потом кропила тою водою окровавленной и дома, и церкви святые, и монастыри... Она, она наворожила! Она, бабка царская, накликала беду! Мало им, Глинским, богатства их несметного, и палат их каменных, и поместий княжеских... Мало им, ненасытным, власти над народом русским... Мало им, худородным беглецам литовским, и чинов боярских, и пышных выездов, и почета доселе неслыханного, мимо всех родов московских, славных древними заслугами и деяниями своими... Мало награбили они, старая ведьма да алчное отродье ее, князь Михайла да князь Юрий Васильичи, казны государевой, мало вотчин исконных поотнимали у служилых людей московских, мало народу всякого звания поуродовали, да потоптали, да поубивали они в безумной гордыне своей... Вконец решили, злодеи, извести Москву! Вконец погубить народ русский, а церкви все православные порушить, а землю всю отдать литовскому королю... Смерть им! Смерть всему роду Глинских, и всем соплеменникам, и всем прислужникам их! Ищите, ищите, православные! Поднимайся, Москва! Бей, громи, грабь награбленное! И нет на вас, люди московские, греха! Ныне отпущающе: нет, не бунт, не грех то, православные,— то святая месть!

И восколебашеся черные люди московские аки юродии... Кто, откуда бросил первым клич громить цареву родню, громить Глинских — так и не дозналась потом. Но, как новый огненный вихрь, как новая страшная беда, взметнулось в одночасье в разных концах города отчаяние народное, закружило, понесло, выхлестнуло из берегов — и некому было удержать его, ибо Москва в те дни, спаленная огнем и покинутая царем, была безвластна. Разгромила ревущая, пьяная от горя и крови толпа палаты Михайлы и Юрия Глинских, разнесла и разграбила дочиста и амбары, и подклети, и кладовые их, полные всякого добра, сожгла в усадьбах их все, что пощадил накануне огонь, побила до смерти великое множество и дворян их, и слуг, и холопей кабальных, да и иных многих случившихся при том людей, на кого кто показал, что то тоже Глинским доброхот. А разгромив Глинских, бросилась толпа крушить по Москве все, что ни попадалось под руку: пропади, пропадай ты все пропадом! Однова живем! Пусть хоть раз да отойдет душа христианская! Пусть хоть раз да отольются слезы ее горькие — отольются тем, кто прожил жизнь припеваючи, не зная ни обид, ни нужды, кто и слыхом не слыхал про голод, и нищету, и мучительства тяжкие, на которые от рождения и до смерти своей был обречен черный посадский человек... Все в прах, все в щепу, все в огонь, православные! Ничего не щади, ничего не жалей! Семь бед — один ответ...

Страшен, Господи, гнев толпы неистовующей, впавшей в безумие! Страшен и неудержим. И нет на свете силы, что могла бы остановить разъяренную толпу,

пока буйство ее не иссякнет само собой... Ни кремлевские стены, ни грозная стража дворцовая, ни святость храма Божьего, белокаменного собора Успенского — ничто не смогло удержать ее. Дознались люди московские, что Юрий Глинский схоронился там в алтаре, под защитой святого креста, а дознавшись, ворвались, бесчинствуя, всей толпой в собор, раскидали и клир, и сторожей его, выволокли рыдающего, взывающего о пощаде князя на мощеную Соборную площадь, и тут же, на месте, забили его насмерть дубьем и каменьями, превратив и лик, и тело княжье в одно сплошное кровавое месиво, так что и родной матери его потом было не узнать.

Прикончив же Юрия Глинского, бросились искать по темным подвалам и тайникам кремлевским мать его княгиню Анну и брата его лукавого, князя Михаила. Долго искали, долго рыскали по подземельям, пока не сказали толпе знающие люди, что увез царь бабку свою в село Воробьево, спрятал ее там от гнева народного, а князь Михайла, страшась содеянного, сам-де ускакал в пожар в калужское имение свое и там сидит, дожидаясь, пока утихнет на Москве. А может — как знать? — и дальше уже потек, оборотень, на запад, в литовские пределы: давно ведь был слух, что замыслил князь со многими детьми своими боярскими изменy, давно хотел он, сума переметная, переметнуться к врагу веры истинной, православной — литовскому королю.

А на другой день, наутро, двинулся народ московский в село Воробьево, где на горах, на высоком правом берегу Москвы-реки, стоял летний царский дворец. Не охладила ночь буйные головы посадские, не улеглись еще страсти, не отрезвели, не смягчились сердца, опьяненные кровью и всемогуществом безначалия. Все так же кипели яростью люди московские, все так же жгла, сжигала их ненависть, все тем же мрачным огнем полыхала в них еще неутоленная жажда мести за все обиды и несчастья, обрушившиеся, по злой воле Глинских, на Москву.

— Анну! Анну, бабку цареву! Анну, ведьму проклятую! На плаху! В огонь ее, в огонь! — ревела толпа, и, заслышав грозный ее рев, прятались, кто куда мог, все начальники, все, кто обладал богатством и властью на Москве. И некому было встать на пути этой страшной толпы, вооруженной дрекольем, и топорами, и бердышами, а то и пищалями, отнятыми накануне у воинских людей. А за воинством тем народным, кашляя, и ругаясь, и задыхаясь в пыли, тащились юродивые, и нищие в лохмотьях и язвах своих, и калеки убогие, и лихие разные люди, чуя поживу. А за ними, крича и толкаясь, бежали босоногие московские мальчишки, вездесущие дьяволята, кому и пожар был не в пожар, лишь бы куда-нибудь бежать. А за ними в великом и многоголосом множестве своем шли толпой бабы в платках и кокошниках, а кто и простоволосые, не успев второпях снарядиться как следует либо потеряв в день пожара все имущество свое бабье в огне.

Пыль столбом стояла на всей Калужской дороге, и было видно ее издалека. И такая же туча пыли двигалась вдоль берега Москвы-реки с другой стороны, из Дорогомилова, и эта туча тоже медленно, но неумолимо приближалась к царскому дворцу...

Нет, невезуч был юный царь московский! От самого рождения своего невезуч... Мало ли что венчан на царство всего полгода назад! Коль не повезет — так не повезет! И уж если он обречен судьбой своей злосчастной на гибель, на растерзание потерявшей всякий страх и рассудок толпой — так почему же и служилые его люди, не повинные ни в чем, должны гибнуть вместе с ним?

И разбежалась, попряталась по окрестным лесам стража дворцовая, едва завидев приближающуюся с двух сторон в тучах пыли мятежную толпу. И остался царь-государь московский, брошенный всеми, с этой страшной толпой один на один.

Уже выломала толпа дрекольем и топорами ворота тесовые, сокрушила во многих местах дубовый тын, окружавший царские терема. Уже ввалились, крича и буйствуя, люди московские на царский двор. Уже принялись они сбивать замки на амбарах, и кладовых, и конюшнях. Уже подступили самые горластые, самые отчаянные из них под царево крыльцо, сотрясая и стены, и окна дворца своим неистовым ревом. «Анну! Анну, ведьму проклятую! Выдай нам Анну Глинскую! На плаху ее, хвостатую! В огонь!» — ревела и бесновалась толпа, наседая, и тесня друг друга, и поднимаясь шаг за шагом по ступеням крыльца.

Еще немного — и ворвется она, изрыгая ярость свою, в хоромы царские. Еще немного — и разбежится она по палатам и лестницам дворцовым, круша и разбивая, и сметая все на своем пути... А где-то там, в глубине дворца, в верхних покоях его, забившись в угол, и плача, и тоскуя, и моля Господа о пощаде, прижались друг к другу юный царь и столь же юная царица его, готовясь принять свой мученический венец. А где-то там, в темном дворцовом подземелье, упав на колени пред образом Пречистыя Богородицы, прощалась с жизнью суровая, властная старуха, бабка царя, понимая, что пришел и ее конец.

И вдруг... И вдруг распахнулись настежь двери, ведущие на царево крыльцо. И выбежал из тех дверей невзрачного вида старичок, в рясе поповской, но простоволосый, высоко подняв над собой животворящий крест. И заблистал, засверкал тот крест в сиянии полуденном над толпой.

— Назад! Назад, люди московские! — что есть силы, крикнул он. И так решителен, так грозен был голос его, что народ, запнувшись от неожиданности, и вправду попятился назад.— Прокляну! До седьмого колена прокляну всех страшным проклятием моим! Гибель черную нашлю на животы ваши и детей ваших! Погибнешь, народ московский, от слова моего! — гремел он, продолжая наступать на оторопевшую, пятящуюся назад толпу.— Погибнешь, ибо сила мне дана и власть над вами! Был мне глас Божий с Небес: погибнет Москва, погибнет народ ее в безумии своем, коли я не спасу его! Назад, чернь! Назад, рассыпься, исчезни с глаз моих долой, пока не обрушилось Небо на вас по слову моему, пока еще есть спасение для вас, и жен ваших, и детей!.. На колени! На колени, народ московский! Моли Господа нашего Исуса Христа: чтобы смилостивился он над безумием твоим! Это я вам говорю, Сильвестр, богомолец ваш! Ибо сам страшусь я силы своей, Богом мне явленной, и сам ужасаюсь я власти моей над вами, несчастными!.. На колени! Ино прокляну-у-у-у!

И подался назад, и посыпался в страхе с крыльца дворцового черный люд московский. И замолкли, охваченные внезапным ужасом, даже самые неистовые голоса. И повалилось на колени, один за другим, все мятежное воинство народное, бросив оземь и дубье, и топоры, и пищали с огненным боем. И за ними пали ниц и жены их, и дети малые, чистые сердцем, и старики, и нищие убогие, будто пораженные все громом Небесным, не смея поднять головы свои от земли. Вздохнула единым тяжким вздохом толпа, подчиняясь слову Божьему, и установилась на государевом дворе тишина.

Но, как оказалось, не один Сильвестр не убоялся гнева народного, не один он сохранил присутствие духа в той опасности смертной, что столь грозно нависла над юным царем и близкими его. Толпа еще стояла на коленях, страшась пошевелиться и ожидая себе кары неминуемой с Небес, как выкатились, неведомо откуда взявшись, две пушечки легкие, одна от левого, другая от правого крыла дворца, а при них пушкари-молодцы с фитилями зажженными, а впереди пушкарей двое юношей статных с ликами архангельскими, со взором начальственным, как две капли воды похожие друг на друга,— говорили потом, молодые стольники царские братья Алексей да Данила Адашевы, из костромских дворян.

Разом рявкнули пушечки, опалив дыханием своим смрадным оцепеневшую толпу. Просвистели ядра каленые над склоненными ниц головами. Грохнуло где-то там, позади всех, взметнулась до небес черным дымом и комьями земля, резанул в ушах чей-то отчаянный женский крик — и побежали люди московские с царева двора вон, крестясь, и падая, и вопя, и топча тех, кто замешкался у них на пути. А вдогонку им из лесов окрестных вырвалась со свистом и гиканьем верховая стража царская, и пошли нагайки и плети хлестать по спинам и головам, и много потоптанных и побитых было в той обеспамятовавшей от ужаса толпе, и гнали ее слуги царские вплоть до самой заставы Калужской, все более свирепея при виде беспомощности людской и мстя им за недавний свой позор и страх.

И получаса не прошло, как улеглись все страсти и волнения, как вновь воцарились повсюду мир, и полуденный зной, и сонная тишина. И если бы не трупы затоптанных, валявшиеся то здесь, то там в дорожной пыли, да побросанные колья и топоры, да поваленный в иных местах дворцовый тын,— никому бы и в голову не могло прийти, что только что здесь вопила, и буйствовала, и крушила все подряд разъяренная толпа...

Тихо скрипнула дверь царской опочивальни, и на пороге ее, в мягких сапожках и коротенькой собольей душегреечке, появился юноша, почти отрок — худой, нескладный, бледный, еще безусый, с трясущимися губами, с прядью потных волос, прилипших ко лбу. То и был Иван IV, царь и великий князь московский, и владимирский, и тверской, и смоленский, и черниговский, и иных многих славных земель и стран самодержец и государь.

— У-ушли? — чуть-чуть заикаясь и озираясь по сторонам, спросил он, обращаясь к невзрачного вида человеку в лиловой поповской рясе, стоявшему у подслеповатого, забранного слюдой окна. Кроме этого попа да еще двух рынд с топориками на плечах, застывших в молчании у царских дверей, в большой, полутемной горнице, примыкавшей к опочивальне, не было никого. Куда подевались, куда попрятались бесчисленные слуги царские, как посмели они бросить государя своего в такой беде — это еще предстояло узнать тем, кому по должности положено было то знать. Многим, многим нерадивым рабам его, царя московского, висеть сегодня же вечером на крюке в Пытошной избе, многим, многим из них проклинать под бичом палача тот день и час, когда имели они, горемычные, несчастье появиться на Божий свет...

— Ушли, государь... На сей раз, похоже, что ушли,— вздохнув, ответил поп, и в тихом, тусклом голосе его прозвучала печаль.— Радуйся избавлению, державный царь. Радуйся и благодари заступницу твою, Пресвятую Деву Марию, вновь простершую над тобой, недостойным, милосердную десницу свою.

— Но они еще придут! Придут! — вдруг возопил поп, вскинув сжатые кулаки, и неистовство, и гнев, и боль отчаяния засверкали в его глазах. Голос его стал тверд, спина распрямилась, и взор его пылающий, обращенный к царю, был теперь решителен и смел.— Придут, нечестивец! И горе тогда тебе! Опомнись, Иван, опомнись, окаянный! Что делаешь ты, безумный, ты, губящий и душу свою бессмертную, и народ твой долготерпевший, не повинный ни в грехах, ни в недомыслии твоем?! Опомнись, царь! Не отрок, не юноша ты уже — на тебе венец державный... Есть ли Бог для тебя, своевольного, для тебя, беззаконного? Или и вправду ты уверовал, что ты выше суда его?

— К-кто ты? Я не узнаю тебя,— не сказал, а скорее прошептал помертвелыми губами своими царь, невольно попятившись назад и ища глазами защиты себе от этого бесноватого, растерзанного попа, неизвестно как и откуда попавшего сюда, в верхние покои дворца. Но никого сейчас — ни бояр, ни дядек, ни стольников его — не было вокруг царя, и лишь безмолвные рынды, словно окаменев, продолжали стоять у дверей опочивальни, поблескивая своими топориками в полутьме. И была, была в голосе того попа какая-то нездешняя, нечеловеческая сила, которая удержала царя от того, чтобы приказать рындам немедля вытолкать его вон.

— Я?! Я тот, кого послал Господь наш милосердный спасти тебя, царя беспечного! Тебя, закосневшего в грехе! А вместе с тобой и всю державу твою, гибнущую по твоей вине... Богом я послан тебе, царь. Богом! И Богом дана мне власть над тобой, государем московским. И покоришься ты! И будешь послушен ты мне до самого того дня, когда очистится душа твоя от всяческой скверны, и милосердие войдет в сердце твое, и поймешь ты, злое и беззаботное дитя, что царь ты! Царь и хранитель народа своего, а не гуляка беспутный и бессердечный, неведомо зачем забравшийся на царский трон... Внимай речам моим, Иван, вдохновенным Богом! Внимай! И я спасу тебя...

— П-почему? Почему ты, смерд, так говоришь со мной? И кто дал тебе право хулить меня, государя твоего? — бледнея, и теряясь, и чувствуя какой-то новый, доселе неведомый ему страх, прошептал Иван.

— Небо, царь! Небо дало мне власть над тобой! Не сам я сюда явился — Отец наш Небесный послал меня. Был глас мне сегодня на заре: «Встань, Сильвестр! Встань, раб Мой послушный! Встань и спаси Ивана-царя, ибо замыслили люди московские убить его. Спаси его от смерти лютой и позорной, и скажи ему Слово Мое, и смири его, и научи его долгу его предо Мною и пред державным венцом его... Ибо глух он и слеп! И не внемлет он ни предостережениям, ни знамениям Моим, и нет в нем страха Божия, и никак не отстанет он от своих безумств. Пал конь его верный ни с того ни с сего — и ухом не повел. Сорвался великий колокол в Кремле, висевший еще при прадедах его, разбился на куски, а ему и горя нет. Сгорело на Пасху все живое по Яузе-реке — он лишь смеется, и забавляется, и дурачится вместе с холопями своими, как дитя неразумное, радуясь огню. Наконец, спалил Я Москву от Кремля до самых окраин ее — и что же? Ни слез, ни стенаний, ни покаяния Я не слышу от него, и нет на уме его ничего, кроме похоти, и веселья, и медвежьей травли, и скоморохов, и других разных бесчинств, недостойных венца и имени царского его. И даже страшная смерть Юрия, дяди его, не научила злого мальчишку ничему... Встань, раб Мой Сильвестр! Ступай и скажи ему: пришел долготерпению Моему конец! Либо смирится он, окаянный, либо сокрушу Я его! И нет тогда ему ни пощады, ни прощения — ни на земле, ни на последнем Страшном Моем Суде! Ждут! Ждут его котлы кипящие, и крюки железные, и гореть ему, нечестивому, в адском пламени до скончания всех времен!»

— Это... правда? Это правда, поп? — отделившись наконец от дверей опочивальни и робко, мелким неуверенным шагом приблизившись к нему, проговорил царь.

— Правда, государь! Святая истинная правда! Клянусь тебе и жизнью моей, и душой моей бессмертной... И сейчас еще плечо мое горит от того Божественного прикосновения! И сейчас еще в ушах

моих звучит тот голос властный, голос трубный, что разбудил меня на заре... Страшен был голос тот, царь! И страшны были слова его, и покорился я участи моей. Не волен я в себе теперь, государь! Не волен! Ибо должен исполнить я волю Вышнюю, волю Того, Кто послал меня к тебе... Исполнить — либо погибнуть... Плачу я, царь, и скорблю, и страшусь горькой судьбы моей, но ослушаться Пославшего меня не смею... Кто я? Червь! И мне ли судить про то, что свершается на Небесах?.. Дана мне отныне власть над духом твоим, царь. И должен ты покориться ей. Повелел мне Господь быть наставником твоим, доколе не войдешь ты в совершенные лета, доколе не отстанешь ты от безумств своих, и беспутства, и блудодейства, доколе не навыкнешь ты, царь, править державой своей, за нее же в ответе ты пред Богом и перед людьми... Страшная власть дана мне, царь! Тяжкая власть. Не приведи Бог такого никому... Но что я могу, Иване, дитя мое? Если не я — то кто? Кто спасет тебя, погибающего в грехе? Кто извлечет тебя из бездны адовой, из сетей дьявольских, коими опутал тебя Сатана?.. Воля твоя, государь. Я все сказал. Как знаешь теперь: хочешь — поверь, хочешь — казни слугу своего верного, смиренного протопопа благовещенского, Сильвестром нареченного, готового и жизнь, и душу свою положить во благо твое... Как знаешь, царь. Мне теперь все равно...

— А почему... А почему, поп, грехи мои так тяжелы? Чем прогневил я так Господа моего? И... И что успел я, сирота, в свои семнадцать лет совершить такого, что превышало бы меру Его?

— И ты еще спрашиваешь?! О, горе, горе тебе, дитя беспечное... И горе нам, грешным, коим судьба послала тебя в цари... Семнадцать лет, говоришь? Всего лишь семнадцать лет? А сколько уже смертей на совести твоей? Ты их забыл, Иван? Но Небо тебе их не забыло! Мера? Какая мера, царь? Не знаешь ты ни Божеской, ни человеческой меры, и нет тебе удержу ниоткуда в злодеяниях твоих... Скольких холопей своих верных ты побил до смерти, ради одной лишь забавы твоей? Скольких их, товарищей детских игр твоих, ты столкнул с высоких крыш дворцовых затем только, чтобы посмотреть, как будут они, несчастные, корчиться в муках, распростертые на земле? А сколько черного народу потоптал ты до смерти конем своим на площадях и торжищах московских? А скольким мудрым советникам своим ты уже успел головы снести не по их вине, а по пустой прихоти твоей? А за что, изверг, посадил ты на кол двух юношей дивных, славных благородством и мужеством своим — князя Ивана Дорогобужского и князя Федора Овчину? Кто был ближе к тебе, чем они? А за что ты сам, своими руками, бороды палил псковичам — смиренным челобитчикам твоим, и бесчестил их, и грабил, и мучительствам разным подвергал?

— Я царь, поп... И не тебе давать мне отчет...

— Царь?! Ты — царь?! Ты царь лишь по имени, не по делам своим... Что знаешь ты, безумный, ты, расточитель жизни своей, о долге царском, о заботах державных? Возложил Господь-Вседержитель на тебя Мономахов венец и повелел тебе пасти стадо твое послушное, и оберегать его, и преумножать народ твой и земли твои, и блюсти в государстве твоем мир, и тишину, и суд праведный, и церкви Божии строить, и веру укреплять христианскую, и агарян, безбожных врагов твоих, сокрушать... А ты? Что делаешь ты, нечестивец? В державе твоей стон, и плач, и скрежет зубовный, на дорогах разбой, в людях вражда, в судах лихоимство, а казна разграблена, а земля вся роздана Бог знает кому и за что. Наместники твои либо спят, либо воруют. Торговля на Руси захирела, народ оскудел. Церкви Божии запустели, вера зашаталась... И нет покоя державе твоей ни в чем! Казань опять осмелела, опять бесчинствует в древних вотчинах твоих, и людей полонит, и домы их грабит, и города твои жжет. И ногаи, и крымцы дикие опять что ни лето скачут по степям и дорогам твоим, сея повсюду смерть. И Литва опять грозит тебе войной. А в войске твоем разброд, и содержать его не на что, и начальники твои службу свою забыли и воюют лишь друг с другом за милости твои и за места... А ты?! Ты веселишься, царь! Одни игрища да утехи плотские у тебя на уме. И при живом царе трон твой пуст! Пуст!

— Что должен делать я, поп? Научи... Научи, если знаешь... Если речи твои не просто хула, а вправду глас мне Божий с Небес... Научи, и я поверю тебе.

— Что делать, Иване? Прежде всего делать, а не сидеть!.. В дела вникать. В Думу ходить. Челобитчиков твоих слушать, а не гнать их со двора взашей. Земле твоей управу дать во всем. Войско твое устроить. С государями иноземными совет держать, а вражду с ними утишать. А татар поганых, и казанских, и астраханских, и крымских, навалившись всею землею Русской, наконец раздавить! Чтобы и головы поднять не смели, племя проклятое, больше никогда... Что делать, говоришь? Много дел у тебя, царь! Много, и одному тебе их не одолеть. Людей себе в помощь искать, молодых, о державе твоей болеющих, преданных и тебе, и делу твоему. Помогут люди тебе, Иван! Помогут, если будешь и ты милостив к ним... Но помни, царь: выше разума человеческого должность твоя на земле! И лишь Небо знает твой путь. Молись, Иване! Молись, и Господь не оставит тебя! Не в гульбе и не в пышности, не в гордыне и всяческом величании спасение твое, царь. В молитве тихой и смиренной, и в постах, и в покаянии, и в очищении души твоей от помыслов скверных и греховных надежда твоя. А вместе с тобой и надежда всей земли твоей. Молись, царь! Молись, и Господь просветит тебя...

— А ты... А ты, поп, не покинешь меня? Не бросишь в тяжкую минуту, не предашь?.. Никому я не верю, поп. Всех боюсь. Отовсюду жду гибели себе... Клянись святым крестом, отче Сильвестр! Клянись душой своей бессмертной и Именем Того, Кто послал тебя ко мне, что отныне ты мой и ничего мимо меня тебе в жизни не искать...

— Клянусь, государь!.. О Иване, Иване, дитя мое! Приди ко мне, и я отогрею тебя, и верну тебе веру в людей и в Божественную судьбу твою. И молитве кроткой научу тебя, и вдохну надежду в сердце твое, и буду опорой тебе и в горестях, и в светлых радостях твоих... Я твой, Иване! И буду твоим до последнего часа, до последнего дыхания моего...

— Добро... Добро, поп. Хочешь, я назначу тебя моим духовником? Или... Или прими постриг, и я посажу тебя митрополитом на Москве... Макарий дряхл, немощен. Надо думать, дни его сочтены...

— Ничего мне не надо, государь! Ничего — ни богатств, ни чинов церковных, ни посоха святитель-

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

ского... Дай мне только право говорить с тобой! Дай мне право утешать тебя, и наставлять, и печалиться вместе с тобой, и людей для тебя искать, кто мог бы и свое плечо подставить под тяжкую ношу твою, ибо одному тебе с ней не совладать. Дай мне право молиться за тебя, царь, и просить у Всевышнего удачи тебе во всем, и если вновь будет мне глас либо знамение с Небес, бестрепетно тебе о том сообщать... Ничего мне не надо! Ничего. Была бы тверда держава твоя, великий государь, и были бы в добром здравии ты и царица твоя, и прекратились бы мятеж, и смута, и раздоры всяческие на Москве... А устроится земля твоя, царь, успокоится народ, и войдешь ты в мужество свое, и утвердится власть твоя по всей державе твоей — отпусти меня, смиренного, в монастырь, душу спасать да Бога молить за тебя и за весь народ христианский, да книги писать. Ибо с младенческих самых лет таким, а не другим видел я в мечтаниях моих свой конец...

— Добро... Будь по-твоему, отче Сильвестр. Верю я тебе и словам твоим... Верю! Пока... А теперь иди. Я устал. Разум мой мутится. И ноги мои не держат меня... Благослови, отче Сильвестр! Благослови сына духовного своего... Но из Москвы, поп, смотри, никуда не отлучайся! Скоро... Скоро, наверное, ты понадобишься мне...

...Буен, горяч был великий государь и в отрочестве, и в ранней юности своей! Много злых, греховных дел успел он совершить, многих людей обидел, несмотря на юный возраст свой. И от разврата темного, потаенного, не уберегли его наставники царские, и от вина хмельного не сумели удержать, и от скоморошества, и от игры в зернь, и от других многих постыдных, неподобающих чести его забав. А вот женился государь — и стал меняться на глазах...

Нет-нет! И людей, бывало, еще травили медведями на царском дворе одной потехи ради. И боярина почтенного, седовласого, служившего еще отцу его, случалось, царь иной раз насильно напоит допьяна, а потом его же и срамит, и потешается над ним. И девкам дворцовым все еще опасно было попадаться ему на глаза: схватит иную, стиснет, и тут в чулан, и не закричишь тогда, не позовешь на помощь никого — царь!.. Но уже стали примечать ближние люди, что куда как реже случались теперь вспышки беспричинного гнева царского, и речь, и взор его смягчился, и поступь его стала наливаться державной тяжестью и силой, и в дела мало-помалу начал царь вникать, и не по чужой подсказке, а сам, по одной лишь охоте своей, как то и подобало истинному самодержцу. И ревность к Богу, к молитве истовой, к чтению душеспасительному вдруг проснулась в царе, и многие церкви новые повелел он заложить, и в Троице-Сергиев монастырь уже пешком ходил он на богомолье с юной царицею своею, даром что и месяца со дня их свадьбы не прошло, и молился там, и постился, и с братией беседовал о Боге, о душе, о жизни нашей бренной, легкому сну подобной...

А все она! Она, лебедь белая, она, красавица наша Анастасия Романовна, ангел Божий во плоти, заступница всех скорбящих и обиженных, всех убогих и покинутых... Она любовью, и лаской, и кротостью своею ангельской растопила сердце царя, уже успевшее ожесточиться во дни горькой юности его, во дни смуты, и мятежа, и нестроения великого на Руси. Она улыбкой своею светлой и речью приветливой укротила буйный нрав и свирепые порывы его. Она вселила в сердце царственного супруга своего терпение державное, и помыслы высокие, и снисхождение к рабам его... Молитесь, православные, во здравие благоверной царицы нашей Анастасии! Да ниспошлет Господь ей мир, и покой, и долгую счастливую жизнь в радости и тишине. Молитесь! Ибо пока жива она — живы и мы...

Страшен был гнев толпы народной. И страшно было дыхание смерти, впервые так явственно дохнувшей в лицо царственной чете. А все-таки... А все-таки семнадцать лет есть семнадцать лет! Еще не вся и пешая, и конная стража вернулась из погони, еще валялись, неприбранные, тела потоптанных и задавленных на царевом дворе и вдоль дороги, а уже чистым звонким колокольчиком раздавался смех юной царицы на высоком дворцовом крыльце, уже заскрипели резные качели в саду под сафьяновым ее сапожком, и уже несла старая мамка царская румяное налитое яблочко на серебряном блюде, чтобы попотчевать свою любимицу, побаловать ее, затейницу, солнышко наше красное, цвет наш весенний, лазоревый... И уже забыл царь Иван, глядя на юную, веселую жену свою, страх и тоску, и смертный пот, заливавший ему глаза всего час-другой назад, и уже вновь готов он был дурачиться и веселиться, радуясь молодости своей и силе, и уже вновь чувствовал он поднимающийся жар в крови и ненасытную тягу к этой гибкой, ласковой, смеющейся женщине, что одной лишь любовью своею за полгода превратила его из угрюмого, ненавидящего всех подростка в самого счастливого человека на земле.

Нет, воистину то был великий день! День, когда прозрел юный государь, и увидел бездну адскую, разверзшуюся у ног своих, и ужаснулся той бездне, и понял меру грехов своих и долг свой высший пред Богом и перед людьми. Надвинулась туча грозная на царский дом, и грянул гром с небес, и ударила молния оземь, прямо у трона царского, и попадали замертво многие близкие к нему люди и советники его, испепеленные Божественным огнем. Но как надвинулась туча неизвестно откуда, так и откатилась неизвестно куда, повинуясь одному лишь слову какого-то бесноватого попа, заслонившего грудью и царя, и его семью. Откатилась туча, и ворчит, гремит теперь где-то там, за семью холмами московскими, и не страшна она уже больше никому. Но отныне никогда не забыть царю того животного страха, что превратил его, венценосца державного, в жалкого, извивающегося червя, молящего Господа о пощаде. «И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа...»

И никогда не забыть ему тех горячих, жгучих слез благодарности, что хлынули из глаз его, когда он понял наконец, что только этот бесстрашный поп да пушкари-молодцы спасли его. И никогда не забыть ему той мягкой, нежной женской руки, руки юной жены его, что отерла хладный пот с чела его и одним прикосновением своим успокоила мучительную, постыдную дрожь, сотрясавшую его с ног до головы: «Все, Иван. Все. Успокойся. Все прошло. И не вернется больше никогда».

Утихла дрожь. Но не утихла беспокойная мысль царя. Нет, не за тем он заглянул в глаза смерти, чтобы опять вернулось все на круги своя. И не за тем молил он Небо о прощении, слыша рев толпы мятежной, и оплакивал участь свою горькую, и проклинал бездумную юность свою, чтобы опять и в доме, и в царстве его воцарились лень, и оцепенение, и тупая покорность жизни. И не было отныне на троне московском беспечного и злого мальчишки, а был великий государь и самодержец всея Руси — пусть неумелый, пусть робкий еще, не привычный к делам и заботам государственным, но уже одухотворенный твердой решимостью дать новую жизнь и новую надежду державе и народу своему. Очистилась душа его в грозе и буре огненной, пронесшейся над Москвой, и познал он страх Божий, и покаялся, и умилился сердцем своим, и сказал ему ангел его: «Иди, царь! Иди, и да будет праведен твой путь».

А в дворцовом подземелье, освещенном лишь слабенькой восковой свечечкой, рыдала, припав к киоту, седая старая старуха, бабка царя, сербиянка, проклиная тот день и час, когда занесла ее судьба в эту чужую, страшную страну. Вновь, в который раз, Небо сжалилось над ней, и вновь смерть отступила от нее. Но кто же может поручиться, что завтра же эти дикие орды взбунтовавшихся рабов не вернутся назад и не выволокут ее, старуху, из ее убежища, и не бросят с крыльца на копья или не растерзают, еще живую, как сына ее родного, на куски? И кто может поручиться, что завтра же ее — больную, старую, мечтающую лишь о том, чтобы в тишине дожить свой век,— не заколют кинжалом где-нибудь в дворцовых переходах, или не отравят, как отравили они дочь ее, Елену Глинскую, или не посадят на цепь здесь же, в этом подземелье, подыхать от голода, как поморили они князя Юрия и князя Андрея, братьев зятя ее, великого князя всея Руси? О Боже, что за страшная страна, что за дикий, бесчеловечный народ! Поделом ему все муки его — и непроходимые снега, и непролазная грязь, и голод, и мор, и тяжкий смрад в его жилищах, и рабство, и убожество его, и татарская плеть над ним, и литовский меч! Поделом, ибо ничего иного он не заслужил... Проклятье этой стране! Проклятье этому народу! Пусть вечно жгут они, эти русские, друг друга огнем, и убивают друг друга, и подыхают в грязи, и нищете, и невежестве своем! Пусть претерпят они, и дети, и правнуки их все муки ада еще здесь, на земле! И пусть не будет им успокоения даже там, за гробом... Господи, верю я в справедливость твою! Нет, не может быть и там, в Царствии Твоем, места для них. Не для них оно!

И солнце еще не село, и даже к вечерне еще не звонили нигде, а на другой стороне реки, за Девичьем полем, в дотла спаленной пожаром Москве уже стояла тишина. Отходчив был народ московский! Пошумели, побуянили, отвели душу — что ж, пора и честь знать. Надо дальше жить. Бог с ней, с Анной Глинской, ведьмой хвостатой, Бог с ней, с царевой родней... По домам, православные! По домам! Ну, а тем, у кого огонь все отнял, у кого не осталось ни кола ни двора...

Этим тоже дорога известная, дорога торная — в кабак.

ЧЕМ КРАСЕН ДОЛГ?

С министром иностранных дел РСФСР Андреем КОЗЫРЕВЫМ беседует наш корреспондент Ася КОЛОДИЖНЕР.

— Президент страны заключил в последнее время ряд соглашений о предоставлении кредитов СССР. Часть этих валютных поступлений получит Россия. Как будут складываться отношения между Россией и центром в вопросах распределения и использования валюты? Как предполагается решить вопрос о выплатах по долговым обязательствам в условиях нестабильности Союза? Кто будет оплачивать кредиты прежних лет?

— Все проблемы, связанные с полученными на Западе кредитами, до последнего времени решали центральные ведомства. Это характерно для суперцентрализованного тоталитарного государства.

Суверенными наши республики были только на бумаге. Сейчас обстановка коренным образом изменяется. Избран российский парламент — гораздо более честный и справедливый, чем все, что было у нас до сих пор. Парламент сформировал правительство, разработал свой экономический план. На недавней встрече союзного и российского правительств было решено создать валютный комитет с представительством всех союзных республик. Комитет будет не только распределять по республикам долю тех валютных средств, которые уже получены за рубежом, но и решать вопрос о том, какие кредиты и для чего, где брать и брать ли вообще. Предстоит отработать механизм согласования валютных вопросов. Но уже сейчас ясно, что Россия не будет нести ответственность по обязательствам, принимаемым без ее участия.

— Россия сама будет определять, какие кредиты ей необходимы, или союзные ведомства будут диктовать условия?

— Я думаю, от роли старшего брата центру надо отвыкать. Сейчас главная проблема в том, чтобы деньги не ушли в песок. Такие случаи были, центр брал большие кредиты на Западе, и никто не мог сказать, куда они уходят. У нас огромный объем оборудования, закупленного за рубежом, в том числе и на валюту, и это оборудование не использовано. Брали центральные ведомства, а отдавать разбазаренные деньги приходится республикам. Это долги единого государства по кредитам, которыми распорядился центр. От этого порядка или, точнее, беспорядка мы сейчас уходим. Вот для чего необходим валютный комитет.

— Почему республики не могут сами брать кредиты, минуя центр?

— Могут и будут заключать собственные валютные соглашения.

— Что же тогда станет делать валютный комитет?

— Это союзная структура. Комитет будет распоряжаться кредитами, полученными союзным правительством. Главное — выработать демократический принцип согласования и устранить диктат центра. Не допустить, чтобы аппарат действовал так, как будто ничего не изменилось. Главная причина наших неурядиц в том, что в высоких кабинетах пытаются игнорировать новые обстоятельства. Выдвигается такой аргумент: «Все это усложнит дело». Старый порядок келейных решений и телефонных звонков был, конечно, проще. За кулисами небольшая группа людей могла решать любые вопросы, в том числе и валютные. Плоды подобных упрощенных решений мы пожинаем до сих пор.

В демократических странах существуют механизмы очень сложные. Процесс согласований с парламентом, частными банками, с промышленностью, десятками министерств долгий, но результаты гораздо лучше, чем у нас.

— Будет ли Россия принимать участие в решении вопроса о том, какая часть кредитов пойдет на нужды военного ведомства?

— Эта задача сейчас поставлена перед парламентом России. Как конкретно составляется военный бюджет, на какие программы запрашиваются деньги, в том числе валюта,— этого сегодня не знают ни союзный, ни республиканские парламенты. Мы ставим вопрос о необходимости анализа военных программ. Какую концепцию обороны предлагает военное ведомство, с какими конкретно противниками предполагает иметь дело? Пора снимать старые амбарные замки. Американские военные представляют на рассмотрение парламента целые тома, и это никак не влияет на безопасность страны.

— Ваше ведомство будет высказывать свою точку зрения?

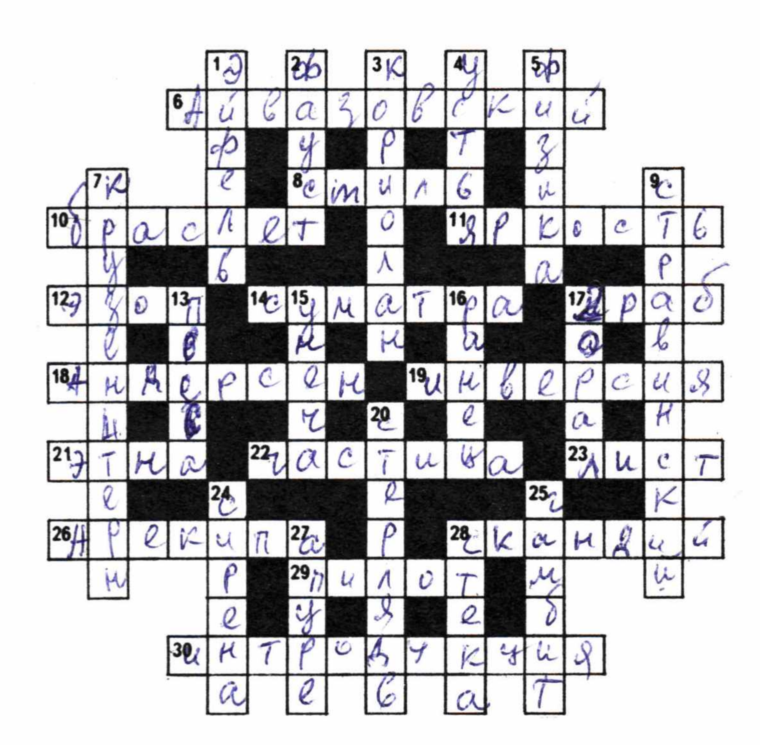
— Мы уже это делаем. Считаем, что необходимо проводить слушания для депутатов, пригласить ученых, представителей МИДа. Задача МИДа в том, чтобы дать свою экспертную концепцию, после чего выработать предложения о той доле взносов в общесоюзный бюджет, которая приходится на Россию. Я думаю, это львиная доля, скажем прямо. То же должны сделать другие республики. Мы стремимся добиться гармонии интересов республик. Из этого и сложится общесоюзная концепция безопасности.

— В соглашениях о предоставлении кредитов оговаривается, что они не должны расходоваться на военные цели?

— Пока еще эти соглашения составляются по старой схеме, и с ними невозможно ознакомиться. Да и вопрос гораздо шире — мы не знаем, какая часть национального дохода идет на военные цели. Все ведомства должны быть на бюджете, а бюджет должен быть известен. Тогда мы будем хозяевами своей судьбы, избавимся от дефицита доверия, который возникает не от того, что средства массовой информации слишком много пишут об армии,— в этом обвиняют и «Огонек»,— а от того, что неизвестно, сколько и на что берется из общего котла. Если эти вопросы решают парламентарии, избранные народом, а не представители номенклатуры, нет почвы для недоверия.

СЛУШАНИЕ — 17 ДЕКАБРЯ

22 ноября состоялось судебное заседание по искам «Огонька», С. А. Ковалева, Э. А. Рязанова и Ю. П. Щекочихина к редакции «Военно-исторического журнала» о защите чести и достоинства. Явившийся в суд заместитель главного редактора журнала органа Министерства обороны СССР подполковник С. Г. Ищенко попросил отложить разбирательство дела с тем, чтобы «Военно-исторический журнал» мог обратиться за юридической помощью. Наш представитель, заметив, что ответчик располагал достаточным временем для приглашения профессионального юриста, тем не менее не возражал против заявленного ходатайства. Однако в субботней передаче телеканала «Добрый вечер, Москва!» мы с удивлением услышали от главного редактора «Военно-исторического журнала» В. Филатова иную версию причины переноса слушания: судья, мол, вкупе с редакцией «ВИЖ» не смог понять, в чем суть претензий истцов к журналу. Между тем судья в ходе заседания этого не говорил. Слушание перенесено на 17 декабря.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Живописец-маринист, автор картины «Черное море». 8. Способ летосчисления. 10. Украшение в виде кольца из металла, кости. 11. Характеристика светящейся поверхности. 12. Древнегреческий баснописец. 14. Остров в Малайском архипелаге. 17. Лиственное дерево или кустарник. 18. Датский писатель XIX века. 19. Изменение обычного порядка слов в предложении. 21. Вулкан на острове Сицилия. 22. Служебное слово. 23. Венгерский композитор, пианист, дирижер. 26. Город в Перу. 28. Химический элемент III группы периодической системы Менделеева. 29. Летчик. 30. Короткое вступление, предшествующее основной части музыкального произведения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Французский инженер, строитель башни в Париже. 2. Опера Ш. Гуно. 3. Увертюра Л. Бетховена. 4. Приток Ваги. 5. Наука о природе. 7. Русский мореплаватель, адмирал. 9. Русский композитор, дирижер, автор балета «Орфей». 13. Драматическое произведение. 15. Город в Брянской области. 16. Разновидность сумки. 17. Рогатое животное, обитающее в Приморском крае. 20. Рыба семейства осетровых. 24. Рассказ А. П. Чехова. 25. Начало шахматной партии. 27. Река в Венесуэле. 28. Инструмент для лепки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Громобой». 8. Гончаров. 9. Перепелятник. 11. Месяц. 12. Тантал. 15. Узген. 18. Твист. 19. Сунжа. 20. Аэростат. 21. Тенор. 22. Арзни. 24. Шипка. 25. Катран. 27. Акция. 28. Виннипегосис. 31. Каттегат. 32. Лицензия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Аргумент. 2. Моне. 3. Доцент. 4. Портал. 5. Очки. 6. Портьера. 9. Прянишников. 10. Казандзакис. 13. Антраша. 14. Арктика. 16. Отара. 17. Устав. 21. Тринидад. 23. Имитация. 25. «Кинжал». 26. Неодим. 29. Идея. 30. Илек.

Вы хотите иметь надежную оргтехнику и импортные компьютеры, НО у вас нет валюты.
Обращайтесь в ВЦ КП Главмосмонтажспецстроя при Мосгорисполкоме.
В сжатые сроки (максимум 10 дней) за рубли, по ценам ниже рыночных вам поставят аппаратно-программные комплексы на базе ПЭВМ IBM PC, AT/XT
— без предоплаты (оплата по факту)
— любая периферия

Адрес: Москва, ул. Газгольдерная, 10
Факс: 171-13-81
Заявки по телефонам в Москве:
171-03-97, 171-13-81, 173-44-15, 171-06-90